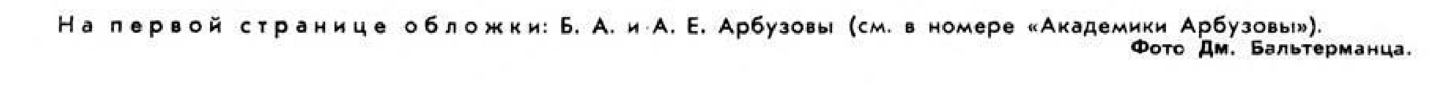
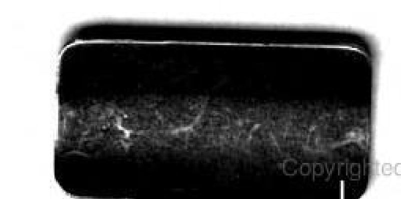

ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Машиностроительный завод имени Ворошилова в Дружковке (Донбасс). В цехе сборки мощных электровозов для угольной промышленности.

Фото В. Кузьмина.

На первой странице обложки: Б. А. и А. Е. Арбузовы (см. в номере «Академики Арбузовы»).
Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 4 (1389)

24 ЯНВАРЯ 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО БРАТСТВА

Знаменательную дату воссоединения Украины с Россией торжественно отметили все народы Советского Союза.

В городах и селах Украины приветствуют решение украинского правительства о строительстве нового здания Киевского университета имени Т. Г. Шевченко, о сооружении триумфальной арки при въезде в Киев и установке монумента в Переяслав-Хмельницком.

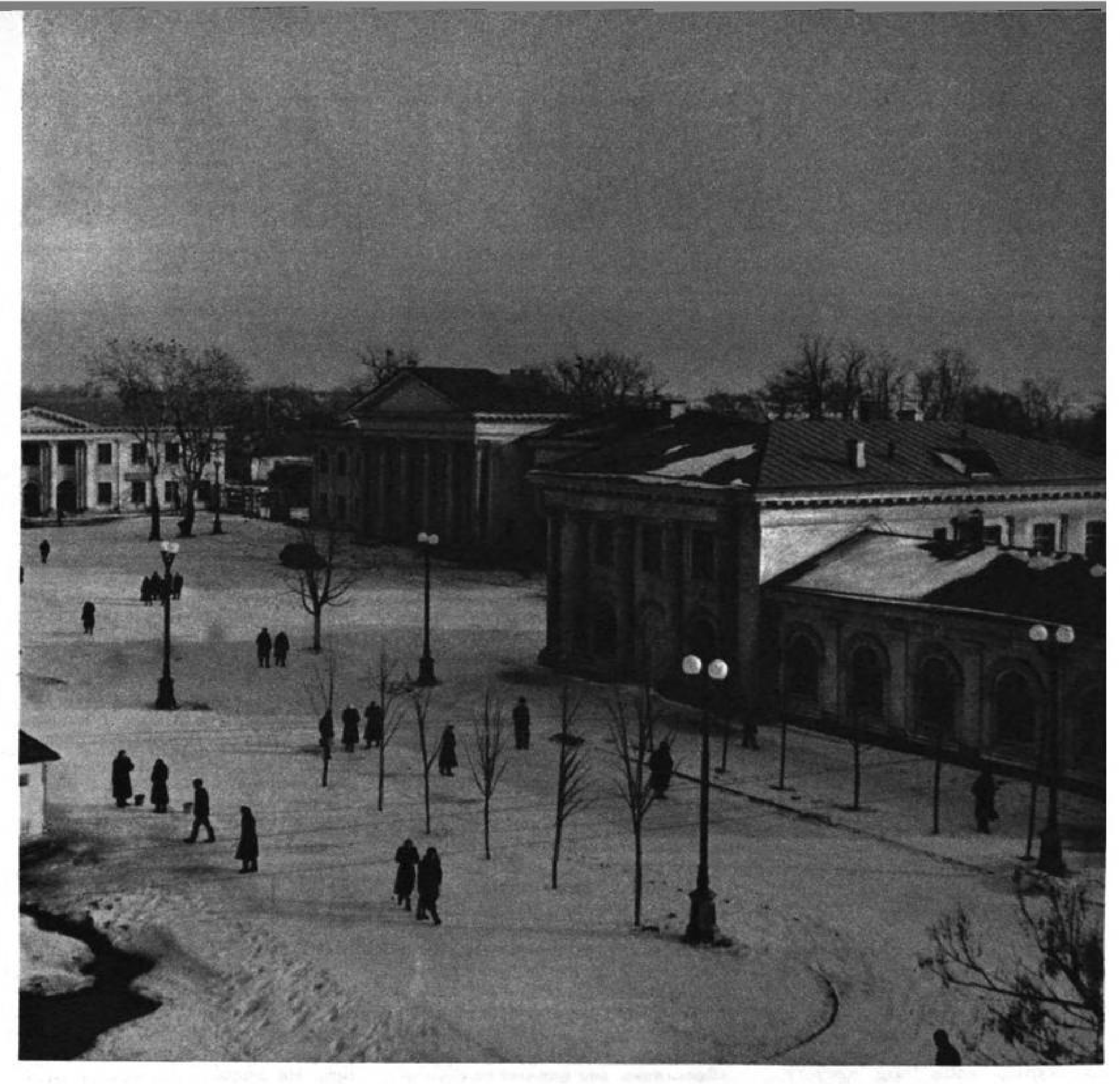
В минувшее воскресенье древний Переяслав-Хмельницкий принимал многочисленных гостей. По заснеженным дорогам мчались машины из Киева, из окрестных сел. Тот, кто бывал здесь год назад, теперь не узнает знакомых мест. Строители создали новый архитектурный ансамбль. На площади выросли красивые здания — Дворец Советов, гостиница, универмаг.

В этот день в Переяслав-Хмельницкий приехали украинские писатели во главе с Павло Тычиной, артисты киевских театров. Посетили город и писатели Латвии, гостившие на Украине. Переяславцы показали приезжим исторические места, прежде всего площадь у Успенской церкви, где 300 лет назад собиралась Переяславская Рада.

Одна за другой машины подкатывали к новому Дому культуры. Колхозники, рабочие, строители, учащиеся заполнили зал и фойе. В Доме культуры открылась выставка работ украинских художников.

На праздничном вечере выступили секретарь Киевского обкома партии П. Тронько, поэты Павло Тычина и Павло Усенко.

В большом концерте приняли участие симфонический оркестр Украинской ССР под управлением народного артиста СССР Н. Рахлина, солисты Киевского оперного театра и филармонии, коллективы художественной самодеятельности Переяслав-Хмельницкого.

Вверху: новая площадь в Переяслав-Хмельницком; внизу: группа гостей и участников самодеятельности (слева направо): ткачиха В. Добровольская, Герой Социалистического Труда Е. Хобта, ткачиха М. Бутько, поэт П. Тычина, молотобоец И. Швачко.

Фото Н. Козловского.

В СТАРОЙ ЧИГЛЕ

Анна ВАЛЬЦЕВА

Рисунки П. Караченцова.

Впервые я попала в Старую Чиглу летом 1950 года, попала случайно — просто поехала по совету секретаря райкома партии поглядеть колхоз, «пока средний, но из таких, что года через два станет самым передовым».

Старая Чигла — это село, расположенное на берегу Битюга, в 35 километрах от райцентра.

Уже по дороге (я ехала на телеге вместе с колхозницами, возвращающимися с базара) меня охватило предчувствие чего-то значительного, большого, нового, входящего в жизнь. Виной ли тому был лес, стоящий по обе стороны дороги (мне все казалось, что я здесь уже бывала, только забыла и вот вновь узнаю дорогие места), приближающаяся ли гроза, а скорее всего — негромкий разговор колхозниц о себе, о своих детях, о колхозе, о председателе, который «жаланный»: коли кому плохо, всегда пожалеет и поможет, но коли кто сам нехорош, с того строго спросит. О колхозе женщины рассказывали охотно, с большой верой, что через год — два достигнет колхоз больших успехов.

— Сама знаешь,— говорила пожилая колхозница,— колхоз — что бочка: обод крепкий — бочку хошь под огурец, хошь под капусту, хошь под квас... А обод со слабинкой — и все досочки врассыпную... Наш-то председатель — молодец!

Председателя Петра Тимофеевича Сапожкова я увидела в правлении — беленой комнате, где по стенам двигались огромные синие тени (на столе горела небольшая керосиновая лампа,— только на будущий год собирались чигольцы вместе с соседями строить гидростанцию).

Сапожков — невысокий худощавый человек лет около сорока, с яркими синими глазами. Биография его была простой: бедняк, полусирота, он вырос в Чигле; до войны семь лет работал колхозным конюхом. На фронт пошел рядовым, демобилизовался старшиной; в те же военные годы вступил в партию.

Рассказывал Сапожков о себе и о колхозе так же охотно, как и женщины, и все досадовал, что сейчас ночь, темно и мне нельзя показать гордость чигольцев — первую в районе шлакобетонную постройку — колхозный телятник.

В тот раз я пробыла в Чигле недолго; через несколько дней Сапожков собирался ехать в Москву: он был избран депутатом Верховного Совета СССР и впервые ехал на сессию.

С тех пор я не раз бывала в Чигле, и в дни, когда вся страна обсуждала постановления сентябрьского Пленума ЦК КПСС, снова поехала к чигольским колхозникам.

* * *

Погода менялась раз пять на дню. С утра светило солнце, и колхозники радовались, что нынче обмолотят просо, раным-ранешенько бежали к токам. Но солнце скрывалось, серенькое небо сыпало на Чиглу мелкую водяную пыль, потом дождь припускал сильнее, и все прятались под ометы. Дождь переставал, снова гудел трактор, и опять девчата весело кидали снопы в пасть молотилки. То с одной стороны, то с другой вставали над Чиглой радуги.

Весь день мы ездили по бригадам, и между разговорами с бригадирами, колхозниками Петр Тимофеевич урывками рассказывал мне новости. Колхоз укрупнился, и земли стало против прежнего впятеро, на двадцать километров легли теперь поля старочигольского колхоза имени XIX партсъезда. Среди бригадиров есть много новых, из присоединившихся сел. Урожай в этом году средний: дождей почти не было, но зерна все ж собрали немало; авансом на трудодни выдали по 2 килограмма, не считая проса, масла, сахара, и еще под окончательный расчет, думается, удастся выдать по столько же; гидростанцию достроили, но открытия пока не было; выстроили в Загорешни два коровника на 150 голов каждый, но теперь, после сентябрьского Пленума, будем строить еще втрое больше. Кормами скот обеспечен — и общественный и личный, но надо думать об увеличении стада...

Всюду, куда мы ни приезжали, настроение у колхозников было приподнятое, работа кипела, как никогда, но Сапожков хмурился: он считал, что агитаторы недостаточно разъясняют колхозникам смысл постановления сентябрьского Пленума. «Вот если бы привлечь к этому делу учителей, интеллигенцию! Но у них своя, территориальная организация, хотя живут они всю жизнь среди колхозников. Бывает, лекцию прочесть, и то просишь, просишь... Разве ж так надо?» Самому Сапожкову почти не пришлось учиться, но он всегда тянулся к науке и очень доверял людям с образованием.

В обед мы заехали в правление. Сапожкову надо было звонить в райцентр.

— Митрофан Дмитрич! — кричал он в трубку, и я догадалась, что он звонит председателю райисполкома Митрофану Дмитриевичу Попову.— Помогите нам, пожалуйста, дополучить тот столбовой лес. Уж очень охота побыстрее открыть ГЭС. Фермы мы электрифицируем, но не можем же мы только полколхоза осветить. Не дело!

Договорившись о лесе, Сапожков стал звонить в райпотребсоюз, в МТС, на сахарный завод.

В правлении в это время сидело несколько колхозников, и бухгалтер Козицын читал им вслух какую-то статью.

— А ты что ж не читаешь, что в председатели надо выдвигать специалистов с высшим образованием? — насмешливо спросил кто-то, я не разобрала, кто.

— Зачем огорчать людей? — негромко сказал бухгалтер и вежливо кашлянул.

Из людей, бывших в правлении, кто засмеялся, кто промолчал, кто с сочувствием поглядел на председателя, а Сапожков сделал вид, что ничего не заметил, и только ожесточенней стал крутить ручку телефона.

— У механизаторов совещание. Поедем? — предложил он, и мы вышли из правления.

* * *

Стан тракторной бригады — два вагончика посреди поля. В одном, побольше, трактористы живут, в другом — их кухня.

У стана рядом с тракторами стоят две легковые машины. «Директор МТС и секретарь райкома»,—по машинам определяет Сапожков и входит в вагончик.

Свет из двух окошек освещает лица людей, разместившихся на табуретках, скамьях, нарах, взобравшихся на верхние полки. За столом сидят директор Ново-Светской МТС Семен Афанасьевич Свистов и первый секретарь райкома партии Николай Иванович Павленко.

Доклад делает редактор районной газеты. Сапожков садится в углу и осматривается. Здесь собрались комбайнеры, трактористы и заправщики обеих тракторных бригад, обслуживающих колхоз имени XIX партсъезда. Вот сидит хозяин вагончика — бригадир тракторной бригады Семен Митрофанович Вьюнов, пожилой, седоватый, но, несмотря на годы, очень подвижной человек. У стены — второй бригадир, Иван Алексеевич Трегубов, опрятный, подтянутый, помоложе Вьюнова. Он внимательно слушает. Умное, немного замкнутое лицо его сосредоточенно.

В углу сидит комбайнер Хабаров, самый опытный комбайнер МТС; он пришел на комбайн чуть ли не двадцать лет назад... Посреди вагончика устроились молодые трактористы Гнеушев, Рожков, Мартынов. Сапожков сердито глядит на их энергичные, смелые лица: «Больно загордились. Вот я выступлю, предъявлю им счет!»

Сапожков переводит взгляд на секретаря райкома партии. Павленко запустил руку в длинные черные волосы и глубоко задумался. Он молод, лицо у него тонкое, выразительное, глаза ясные, то веселые, то грустные, подбородок резко очерчен.

Сапожков отводит глаза. Вот уж второй год работает Павленко в районе, но очень медленно налаживаются между ними настоящие отношения. Действуют-то они согласованно, как же иначе! Еще недоставало, чтобы секретарь райкома партии и председатель передового в районе колхоза, депутат Верховного Совета да действовали бы не заодно! Нет, работают они дружно, и если между ними чего не хватает, так это, пожалуй, чуть большей теплоты.

«Верно, я сам в этом виноват,— думает Сапожков, всегда обвиняющий в первую голову себя.— Нехорошо мы его встретили...»

До Павленко секретарем Анненского райкома партии был Иван Ананьевич Ярыгин, работал он в районе много лет, его любили, и когда Ярыгина перевели в другой район, анненцы об этом жалели.

Как-то так само собой получилось: что бы ни делал Павленко, вспоминали Ивана Ананьевича. Казался прежний секретарь добрым дядей,— быстро позабыли, как он строго, взыскательно требовал работы с каждого.

Конечно, в таких условиях новому секретарю было нелегко. Почему-то недоверие к Павленко еще больше возросло, когда узнали, что он учится на заочном отделении в университете.

«Студент! — не раз слышал Сапожков.— У него все мысли в учебе. К работе нет уж того рвения, той силы, да и времени меньше».

Павленко видел это и понимал, что только делом можно исправить положение. Он учился и работал. Скоро он знал в лицо всех коммунистов района, по имени и отчеству называл не только председателей колхозов, но и бригадиров, и трактористов, и даже многих рядовых колхозников.

П. Т. Сапожков.

Редактор закончил: «Все». Директор МТС Свистов встает, и в вагоне сразу становится темней: высоченная фигура Семена Афанасьевича загородила все окно.

— Товарищи механизаторы! — гулким басом говорит он.— Переходим к обсуждению. У кого есть вопросы?

Вопросов много. Главным образом они касаются материальных условий работы механизаторов, обеспечения их жильем, топливом, кормами для скота...

Сапожков сидит и молча злится. Он с неприязнью смотрит на молодого тракториста, который придирчиво расспрашивает, а как именно будет оплачиваться работа по скирдованию. «Дьявол ты, а не механизатор,— сердится Сапожков.— Перед тобой раскрывают новые возможности, мощные машины дают в твои руки, о тебе проявляют заботу, а ты думаешь о своей коровке: не обидят ли ее сеном...»

По железной крыше вагончика застучал дождь, и стекла в маленьком окошке залепили водяные размывы.

Молодой тракторист продолжал:

— У меня так сложилась мысль... Скажите, трактористам обязательно зачисляться на постоянную работу в МТС или кто как хочет, добровольно?

Становится тихо. Слышно, как в углу полилась с потолка звонкая струйка. Свистов, багровея, сжимает большие кулаки.

— Если мы механизаторы,— с натугой говорит он,— неужели нам идти работать конюхами?

— А я думаю,— продолжает тракторист,— Чиглу бросать не стоит! Колхоз передовой, богатый, в нем не пропадешь... А куда-то переезжать, это еще как получится! Дом перевезешь, а топить чем? А корову кормить?

— Разрешите, я отвечу товарищу,— негромко говорит Павленко.

Он задумчиво смотрит на тракториста.

— Забота о людях — первая забота нашей партии. А механизаторам всегда все завидовали, всегда работники МТС были обеспечены и топливом, и кормами, и всем, чем требуется. Скажем прямо: жили неплохо. И почему теперь, когда партия проявляет еще больше заботы о вас, вы вдруг засомневались, мне непонятно.— Павленко говорит неторопливо, будто размышляя вслух.— Вы захотите строить новый дом — вам предоставляют кредит — 12 тысяч рублей на 10 лет. У вас нет коровы — вам дается поощрение, пожалуйста, заводите! Помимо денежной оплаты, вы получаете зерно на трудодни не от колхоза, а от государства. Для вас выстраиваются оборудованные ремонтные мастерские, в ваши руки отпускается новая техника...

Павленко достает из кармана тоненький блокнотик:

— Я вот тут посчитал, что если у нас в стране около девяти тысяч МТС, а за три года намечено оснастить их 750 тысячами тракторов, то это значит, что у вашей МТС будет новых тракторов...

Старый бригадир Вьюнов улыбается и поднимает руку, прося слова. Свистов останавливает его жестом.

— Да,— продолжает секретарь райкома,— к вам придут новые машины и новые люди, государство посылает вам на помощь квалифицированных специалистов, но не перекладывайте на них ответственность, не успокаивайте себя: основная работа будет лежать на вас, вы должны будете освоить эту сложную технику, вы должны будете сыграть главную роль в крутом подъеме сельского хозяйства.

Бригадир Вьюнов встает и бросает на табуретку шапку.

— Я работаю с двадцать седьмого года. Начинал,— у нас в мастерской было колесо и три палочки. — Он в волнении ворошит клочковатые седеющие волосы.— Если б не советская власть, не народ, разве б я стал механизатором? Рос я бедняком, всех боялся; выгляну, бывало, из-за угла, люди идут — я прячусь, потому на мне один сапог отцовский, другой материнский и свитка материнская. А мои дети уже не выглядывали из-за угла, им стыдиться нечего: у них высшее образование.

Он смотрит на трактористов и обращается к Павленко:

— А кадры у меня хорошие, все одиннадцать человек, глядите,— красавцы, рослые и грамотные. Конечно, бывает, ссоримся. А как же!

После Вьюнова просит слова тракторист Гнеушев. Это статный блондин с красивым лицом.

— Все, что надо, мы вспашем,— говорит он.— Зябь подымем. Мы поняли свою задачу.

Совещание окончилось, когда полнеба охватил малиновый закат. Дождь еще сеялся, но из-за лиловых туч прорвалось багровое солнце, осветило все вокруг, и круглые стога сена запылали на полях оранжевыми шарами.

Сапожков, Павленко и редактор районной газеты вылезли из вагончика и остановились закурить. Протягивая Павленко горящую спичку, Сапожков поглядел на молодое лицо секретаря и вдруг заметил, что глаза у него запали, лицо осунулось.

«Устает, поди, — подумал Сапожков.— Легко ли: этакая работа, да еще учится. И никто не посочувствует». Ему захотелось сказать Павленко что-нибудь хорошее, но слова как-то не нашлись, и он только проговорил:

— К нам-то в Чиглу кинооператоры приехали. Понравилось им у нас. Триста метров пленки хотят заснять.

* * *

Поздней осенью, когда уже покончено с подъемом зяби, вспашкой паров и убрана даже поздняя культура «свеколка», как любовно называют свеклу колхозники, когда из колхозов в район, из районов в область, из областей в Москву уже переданы последние сводки, в пору, когда все приготовилось к зиме, но зима еще не наступила, мне удалось снова приехать в Чиглу.

На деревенской улице стояли новенькие столбы электропередачи; в плотницкой гудела пилорама; в колхозном гараже появились еще две автомашины, купленные «за картошку и за молоко». В правлении секретарь парторганизации колхоза Василий Семенович Рубцов и новый агроном Иван Алексеевич Строков, прежде работавший в райсельхозуправлении, а теперь приехавший в колхоз, вместе составляли график политической и агротехнической учебы.

Сапожков рассказал мне, что в МТС приехали новые люди, что коммунисты района готовятся к партийной конференции... Я рассказывала о том, что видела в других местах, и, между прочим, заметила, что была на выпуске трехгодичной школы руководящих колхозных кадров в городе Усмани и там выступал с напутственным словом к выпускникам секретарь Усманского райкома Иван Ананьевич Ярыгин.

— Иван Ананьевич?! — заулыбался Сапожков.—Очень он умеет помочь людям работать! — Он помолчал, подумал и добавил:— А мы с Николаем Ивановичем на механизаторов навалились. Мы считаем, МТС обязана работать по-новому!

На следующий день мы возвращались из МТС берегом Битюга. В осенней хрупкой тишине едва слышалось журчание невидимых родников.

— Интересно, — неожиданно сказал Сапожков,— а ведь в той школе, в Усмани, наверное, и механизацию преподают? Как бы узнать: там только бригадиров обучают или председатели тоже учатся?

Я искоса взглянула на него. Еще год назад Сапожков и слышать не хотел об учебе. «Налаживал колхоз, налаживал, да и передай другим? Нет, не такой у меня характер!» — говаривал он.

Видно, жизнь, новые ее требования заставили коммуниста Сапожкова многое пересмотреть...

На синеватой ленте Битюга ветер прокладывал темные полосы, водоросли просвечивали красным, и река казалась вороненой.

Старая Чигла,
Анненский район,
Воронежская область.

Начальник цеха мороженого Е. Т. Сморжевская и мастер М. П. Качурина.

Фото В. Лупейко.

ТОННЫ МОЛОКА, КЕФИРА, СЛИВОК

Жители города Минска, которые бывают на Московской улице, замечают, что окрашенные в кремовый цвет грузовики все чаще выезжают из ворот молочного завода. На заводской территории вырос трехэтажный корпус, вместивший основные цехи самого крупного в Белоруссии молочного комбината.

— При полном освоении мощности, — говорит главный инженер И. А. Василенко, — комбинат будет выпускать молочных изделий в несколько раз больше, чем раньше. Значительно улучшится качество, расширится ассортимент. При полной загрузке ежедневная продукция комбината достигнет 75 тонн молока, кефира, сливок, сырковой массы, сметаны, киселей, творожных тортов.

В. ПОНОМАРЕВ

УРОЧИЩА МУЮНКУМОВ

Отара овец на отгонном пастбище.

В. ЛАВРОВА

Фото М. Галкина.

Над песками Муюнкумов низко нависло небо, темное, с крупными яркими звездами.

И вдруг в небе разрывается ракета. На мгновение она повисает в воздухе и рассыпается огненными брызгами. Это с урочища Умбет метеоролог Николай Бредихин подал сигнал штормового предупреждения: ожидается снежный буран. На много километров окрест виден этот тревожный сигнал чабанам. Они предупреждены и знают, что им делать.

Пески Муюнкумов тянутся широкой полосой в Джамбулской области Казахстана. Издавна они отпугивали скотоводов, кочевавших в поисках пастбищ. Лишь редкие верблюжьи тропы терялись среди барханов. Пустыня жила своей жизнью. Весной талые воды заполняли низины, образуя озера. Летом под лучами знойного солнца озера высыхали, и тогда на их месте зеленели сочные травы, а пески покрывались ветвистыми кустами джузгуна, пушистыми шапками верблюжьей колючки, черным бургеном и тонкими стеблями кзырчиеркека. И над всем этим стоял терпкий запах полыни.

Несколько лет назад началось освоение Муюнкумов под зимние отгонные пастбища. Первыми зимовали в песках отары колхозов Луговского района, Джамбулской области.

Мы едем из районного центра Лугового в самое крупное урочище Муюнкумов — Умбет. Впереди — двести километров пути через пески. Дорога тянется прямо на север. Совсем недавно по ней прошли первые отары овец, спустившиеся с летних высокогорных пастбищ Тянь-Шаня.

Рано началась зима, и машина мчится по пушистому снегу.

Вдали показалась тонкая струйка голубого дыма, и вскоре мы подъехали к домику чабанов. Над колодцем поднимался легкий пар. Темнели припорошенные снегом стога сена. Это одна из животноводческих баз, которые встречаются через каждые десять — пятнадцать километров пути от Лугового до Умбета.

Самая крупная база — урочище Бегаш — расположена в так называемой предпесковой зоне. Она выстроена колхозом имени Калинина год назад.

На широкий двор, где стоят стога — двор этот называют здесь сенным городком,— въехал груженный доверху душистым сеном «ЗИС». С машины сошел старый казах. Шаргин Сабеков всю жизнь был чабаном, а теперь стал бригадиром кормодобывающей бригады. Он говорит, что никогда еще не видел столько сена, сколько заготовлено сейчас.

В сумерки въезжаем в пески. Еще два года назад здесь не могла пробиться ни одна автомашина. Теперь колхозники Луговского района проложили дорогу.

То и дело встречные автомашины прорезают фарами густые сумерки. Слышатся громкие голоса — это возвращаются с Умбета строители. Наконец впереди засверкали огни Умбета.

Все вокруг так бело, что трудно отыскать в заснеженных барханах белые стены кошар и домиков. Темным пятном лежит окруженное гигантскими тростниками озеро: солнце не иссушило его, первый мороз не сковал, лишь легкая шуга белеет на поверхности.

Строят новые кошары.

Созданный в песках опытный участок провел посадки злаковых, бахчевых и огородных культур. Осенью на Умбете впервые собрали урожай помидоров, картофеля, арбузов. Здесь тянулась тонкая лоза винограда, ржавыми пятнами лежали листья молодых кленов — первые листья, опавшие в пустыне.

Опыты подтвердили чудесное плодородие песков Муюнкумов, где создается база сочных кормов. Зимнее отгонное животноводство будет опираться на передовую агробиологическую науку.

В Умбете — штаб зимовки. Радист Петр Апостолов связывается с перегонными базами:

— Бегаш, Бегаш! Говорит Умбет. К вам направились две автомашины. Сообщите состояние дороги.

Петр Апостолов не одну зиму кочует по степям со своей рацией. В Умбет он приехал два года назад, когда здесь возводили стены первых домиков. А сегодня в урочище уже открылась ветеринарная лечебница. Фельдшер Семен Семенович Иванов показывает аптеку, богатую медикаментами, хирургический инструментарий и свою маленькую лабораторию. Рядом, в новеньком деревянном домике, расположены амбулатория и больница — первая больница в пустыне.

Самое оживленное место в Умбете — просторная площадь перед магазином. Тут встречаются чабаны, гуртоправы, верблюдоводы, перегоняющие скот с летних пастбищ в пески.

К урочищу подошел большой косяк лошадей. Коневод колхоза имени Абая провел их через Голодную степь из Сарархи. Табунщик соскочил с коня и застучал озябшими ногами по крыльцу.

Ну как не зайти в магазин после многих дней пути! На прилавках — яркие ситцы, казахские ковры, теплая одежда, большой ассортимент продуктов, даже вина с маркой «Абрау-Дюрсо».

В эту зиму в урочище будет зимовать скот девяти колхозов Луговского района. Колхоз «Кызыл-Чарва» перегнал сюда двадцать восемь тысяч овец. Колхоз в три раза превысил план по тонкорунной шерсти и получил в премию девять автомашин. На этих машинах и доставлено в Умбет все необходимое для зимовки. Теперь в песках построено пятнадцать овчарен, двадцать шесть крытых тепляков, пятнадцать жилых домиков для чабанских бригад.

Придут сюда и отары колхоза имени Калинина. Кстати, этот колхоз возвел первый домик в Умбете из саманного кирпича. С тех пор такой кирпич стал основным строительным материалом в пустыне. Но одновременно сюда прибыли детали сборных деревянных домов.

Умбет — лишь небольшой участок Муюнкумов. Рядом уже возникли новые урочища других районов: Ескара, Идень, Таксанбай, Саркобы. К ним тоже протянулись дороги из районных центров Джамбулской области.

* * *

Рано выпал снег в Муюнкумах. У старых чабанов есть свои приметы: перепел остался в песках,— значит, зима будет теплая.

Председатель Луговского райисполкома Гусман Бегешев указывает на новые приметы нынешней зимы: животноводческие базы, построенные для всего поголовья, бесчисленные стога сена, заготовленные на случай буранов и гололеда.

— Когда можешь обеспечить скоту хорошее содержание, любая зима будет теплой,— говорит Бегешев.

В это время показался всадник. Гордо и неподвижно сидит он на коне, на нем белый тулуп, на голове пушистая лисья шапка, спускающаяся к плечам. К лошади жмутся овцы, и кажется, что всадник плывет в зыбком море.

Это знатный чабан колхоза «Кызыл-Чарва» Курманала Кулманбетов гонит свою отару.

Потянуло свежим ветром. Курманала повернулся лицом к востоку.

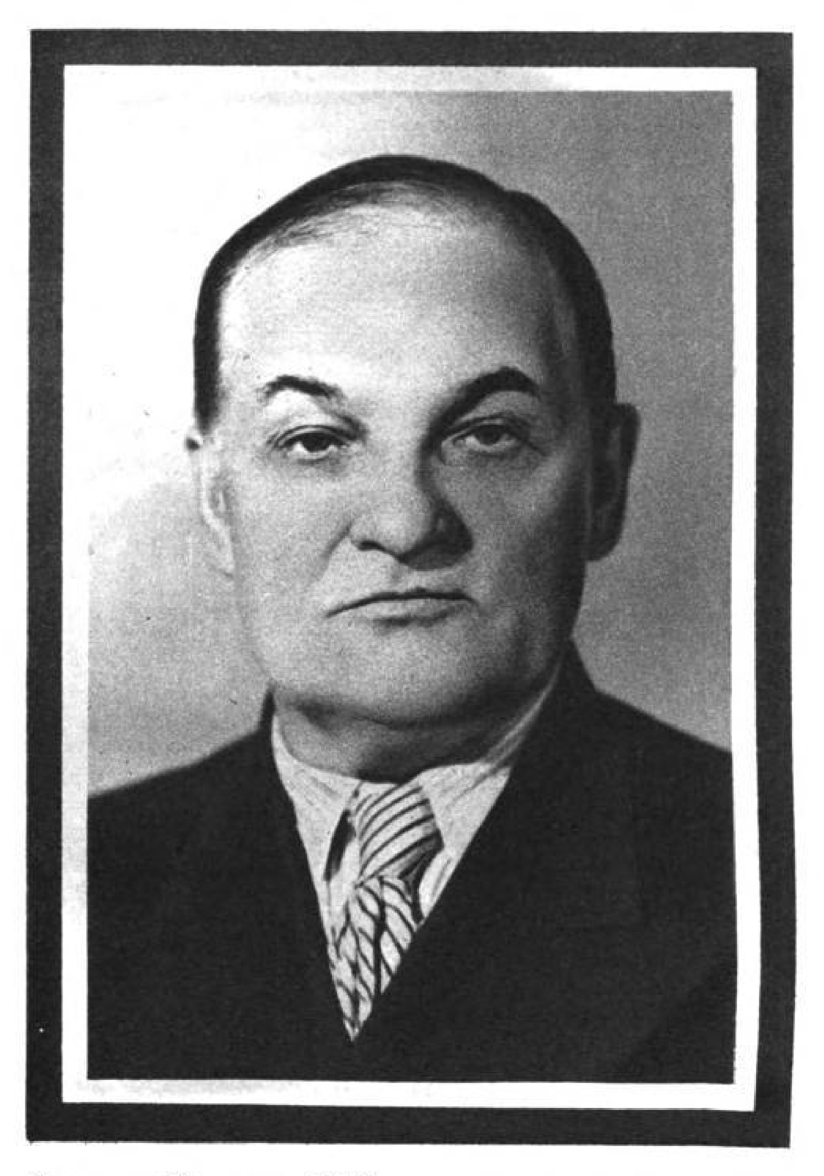
— Буран идет,— сказал он.

Когда мы выехали из Муюнкумов, начался буран, тот, о котором извещала ракета метеоролога.

Дорога Бегаш—Умбет, построенная колхозниками Луговского района, Джамбулской области.

М. Ф. ШКИРЯТОВ

Вечером 18 января 1954 года после продолжительной и тяжелой болезни скончался один из старейших деятелей Коммунистической партии Советского Союза, самоотверженный борец за великое дело коммунизма, член Центрального Комитета КПСС, председатель Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, депутат Верховного Совета СССР Матвей Федорович Шкирятов.

М. Ф. Шкирятов родился в 1883 году в бедной крестьянской семье. В 1906 году он вступил в Коммунистическую партию.

Несколько раз царская полиция арестовывает М. Ф. Шкирятова, но он продолжает свою революционную деятельность. В дни февральской революции 1917 года товарищ Шкирятов избирается от большевистской организации воинской части в Московский Совет рабочих и солдатских депутатов. В Октябрьские дни он являлся членом Тульского военно-революционного комитета.

В 1921 году М. Ф. Шкирятов возглавляет Центральную Комиссию по проверке и чистке рядов партии, на XI съезде партии его избирают членом ЦКК.

На XVII съезде Коммунистической партии товарищ Шкирятов избирается членом Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б), на XVIII и XIX съездах — членом Центрального Комитета партии.

За выдающиеся заслуги перед Родиной Матвей Федорович Шкирятов был награжден тремя орденами Ленина и медалями Советского Союза.

Смерть вырвала из наших рядов стойкого и несгибаемого коммуниста, видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, светлая жизнь которого является примером беззаветного служения партии и народу. Вместе с партией М. Ф. Шкирятов прошел большой и славный путь, отдав все силы своему народу, советской Родине, делу строительства коммунизма в нашей стране.

Светлая память о Матвее Федоровиче Шкирятове навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Заседает кулинарный совет Бауманского района.

РАЗГОВОР О

Лев СЛАВИН

Фото Е. Тиханова.

Дело происходило в одной из московских столовых. Официант принес нам обед. Случайно оглянувшись, мы увидели, что он не ушел, а стоит неподалеку и наблюдает, понравилось нам блюдо или нет.

Ничто не обязывало его к этому. Ничто, кроме внутренней потребности быть внимательным к посетителю. Ему, этому официанту, была дорога честь его столовой.

Как известно, существует и другой тип официанта. Небрежно выслушав заказ и изрядно протомив вас за столом, он с грохотом швыряет тарелку на стол и уносится, буркнув: «Вас много, я один».

Мы недаром начинаем разговор об общественном питании со стиля обслуживания. Это — первое, на что наталкивается потребитель. А потребитель наш чуток чрезвычайно: плохое возмущает его столь же горячо, сколь радует и трогает хорошее. Притом он нисколько не придира. Требования его нельзя признать чрезмерными: придя в столовую, он хочет, чтобы его накормили сытно и вкусно, в опрятной обстановке и при минимальной затрате времени. Право, это немного.

Культура общественного питания отнюдь не сводится к пальмам на подоконниках и к нравоучительным плакатам на стенах: «Не разговаривайте во время еды». Качество еды порой такое, что как раз возникает желание поговорить, и притом крупно.

В жалобной книге небольшого московского кафе «Артистическое» мы читаем:

«В вашем кафе я бываю регулярно с 1948 года. Хочется отметить чистоту обстановки, хорошее качество всегда свежей еды и отличное обслуживание. Жаль, что таких кафе в Москве больше нет».

Последняя фраза кажется нам слишком сильной. И все же нельзя не признать, что в нашей столице явно не хватает кафе в подлинном смысле этого слова.

Существует не совсем понятная классификация ресторанов. Например, кафе «Артистическое» входит в так называемый Трест показательных ресторанов. Странное название, не правда ли? Оно как бы заранее оправдывает недостатки предприятий, входящих в другие, «не показательные» объединения.

Внимание к потребителю сказывается и в крупном и в мелочах. В столовой № 48 по Большому Комсомольскому переулку нет специального диэтического отделения, но есть в меню так называемая щадящая диэта для людей, страдающих желудочно-кишечными заболеваниями.

Чтобы готовить хороший суп, работники этой столовой ликвидировали паровые котлы вместимостью в двести литров, где супы прели и перепревали, и варят их в небольших, тридцатилитровых котлах. Это хлопотливее, зато суп всегда свеж, питателен и вкусен.

Люди приезжают из других районов на Пушкинскую улицу, чтобы полакомиться судаком «Нева» в ресторане того же названия. Пирожки с мясом, которые пекут в столовой № 48, пользуются заслуженной известностью. Мясной бульон и кулебяка — специальность кафе «Артистическое». Фирменный пломбир «Астория», осетрина «Гранд-Отель», шницель «Москва» — традиционные блюда одноименных ресторанов.

И все же уравниловка чувствительно отражается на столичных ресторанах и столовых. Свыше семидесяти процентов их товарооборота приходится на долю готовых товаров (вино, табак, кондитерские изделия). А ведь пропорция должна быть обратной, ибо получается, что солидная часть наших столовых превратилась, по существу, в разновидность продовольственных магазинов.

В Москве мало специализированных столовых, кафе. Одни и те же опостылевшие рубленые бифштексы и меланхолическая порционная треска с петрушкой во рту, зловеще пялящая на потребителя свой застывший зрак, унылые щи...

В Москве мало сосисочных, паштетных, чайных, молочных. Кафетерий «Форель», радовавший обилием разнообразных рыбных блюд, почему-то ликвидирован. Закрыт и другой кафетерий, на площади Дзержинского: здесь давно уже объявили ремонт, который, кажется, и не начинался.

Некоторые специализированные столовые находятся в явном противоречии с тем, что обозначено на их вывесках. Когда в «кафе-мороженое» на Метростроевской улице вы спрашиваете мороженое, на вас смотрят с удивлением: тут самый ходкий продукт — водка. Если же вы все-таки настаиваете на мороженом, официантка бежит покупать этот редкостный продукт у разносчиц на ближайшем перекрестке. В другом «кафе-мороженое», на Арбате, 40, уже на пороге бьет в нос резкий запах вареной капусты и пива...

В «Пельменной» на улице Серова все, казалось бы, хорошо. И ждать недолго, и обслуживание хорошее, и выбор блюд обильный. Одна только беда... Предвижу, что читатель в этом месте воскликнет: «Ясно! В пельменной нет... пельменей!»

Ошибаетесь, есть, и даже в шести видах. Хотите — со сметаной, хотите — с маслом и сыром, а то — под уксусом. Притом не фабричные, а свои, собственной выделки. Несколько поварих на ваших глазах катают тесто и лепят аккуратные, заманчивые на вид пельмени.

Так в чем же беда?

Невкусные они! Вот только в этом. Такая малость, а все дело портит... И с уксусом невкусные, и жареные невкусные, и во всех шести видах невкусные.

Спрашиваем у заведующего производством:

— Почему тесто такое толстое?

— Не знаю,— бормочет он,— в наших пельменях есть все, что полагается.

Все, кроме одного: в эти пельмени забыли «вложить» интерес к своему делу. А ведь такой «специи» с базы не доставят!

Нельзя пренебрежительно относиться к приготовлению пищи. Народ хочет питаться сытно, вкусно и с удовольствием. И у нас есть все возможности для этого.

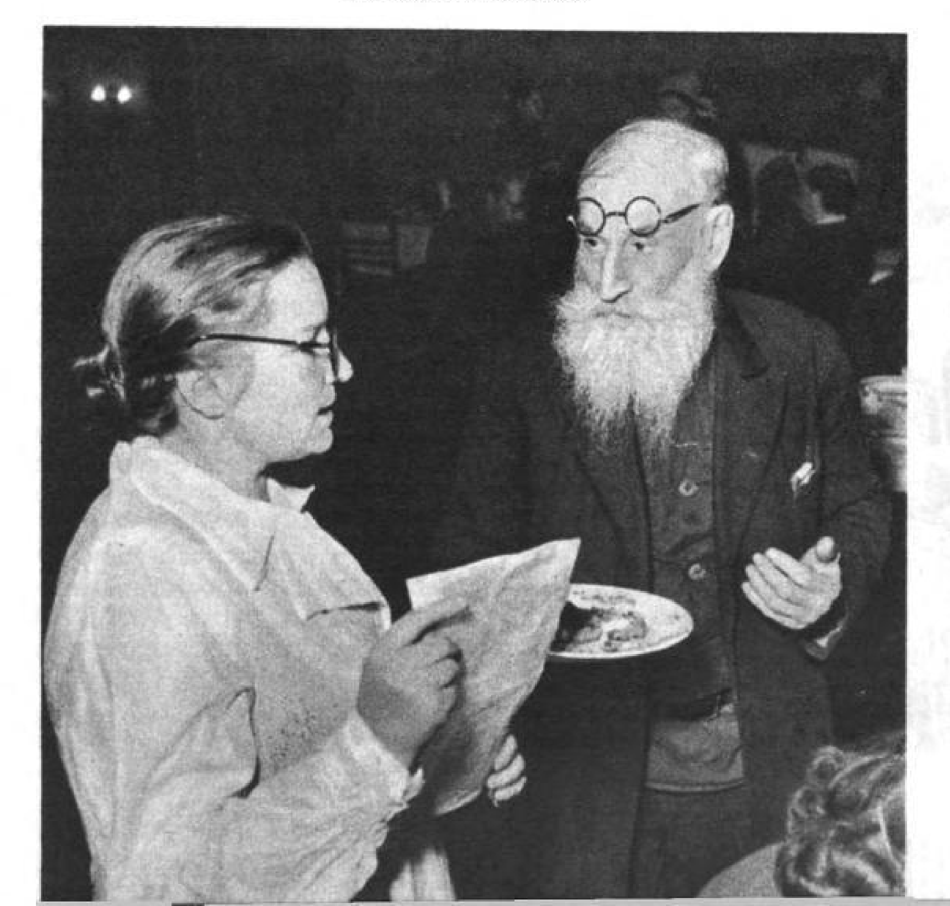
Побывайте на заседании одного из многочисленных кулинарных советов (а вы даже не подозревали о существовании таковых), и вы убедитесь, сколько заботы, чуткости, изобретательности вкладывают в свой труд работники общественного питания.

Кулинарные советы существуют в каждом районе при трестах столовых.

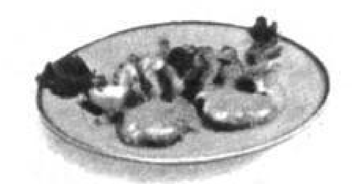
Заседание совета Бауманского района происходит на кухне студенческой столовой. Сегодняшняя тема — «Белые соусы» — стоит не только в повестке совещания,

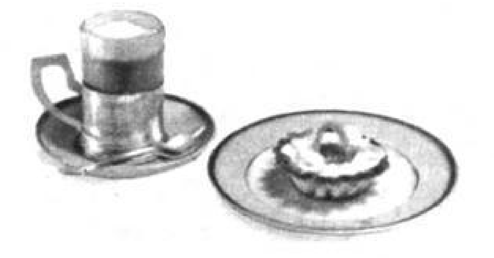

Он недоволен обедом!

НАШЕМ ОБЕДЕ

но и прямо на столе: на длинном кухонном столе, обитом цинком, в больших алюминиевых кастрюлях дымятся пять разных соусов.

Вокруг виднейшие повара района, в белоснежных халатах и колпаках, сосредоточенные, оживленно беседующие.

Соус — вещь существенная для питательности блюд и их вкусовых качеств. В основе каждого соуса должен лежать крепкий мясной бульон. Между тем в иных столовых все блюда кряду поливают одной и той же незатейливой болтушкой из поджаренной муки в жиденькой сметане, да притом поливают столь щедро, что самое блюдо бесследно исчезает под этим гримом.

В ходе совещания возникают прения. А. З. Бочин из столовой № 3 находит, что соус-субиз недостаточно остер: в нем мало луку. Это мнение восторжествовало. Отрецензированный соус тут же отправляется на плиту для окончательной «правки».

Столь же внимательному рассмотрению подвергаются и другие соусы. Г. И. Хромаков из столовой № 27 указывает на причину неудовлетворительного качества сметанного соуса: он заправлен не жидкой, а порошковой сметаной. Все соглашаются, что говяжье сало — плохая основа для соусов; их надо готовить на сливочном масле.

Длительное обсуждение заканчивается голосованием. Рецептура соусов принимается единогласно. Постановлено в ближайшие два дня обсудить ее с поварами и применять во всех столовых района. Принята повестка следующего совещания: «Первые блюда и правильная резка кореньев».

Кулинарные советы совершенствуют общественное питание, особенно в тех случаях, когда их проводят так деловито, как в Бауманском районе.

Но есть еще одна важная проблема. Вот в том же Бауманском районе два с лишним десятка столовых не могут удовлетворить потребности населения громадного района. Где же выход из этого положения? Только в организации новых столовых.

И, несомненно, те 210 новых предприятий общественного питания, которые откроются в Москве в течение ближайших трех лет, облегчат положение. Общественному питанию будут возвращены помещения крупных ресторанов, занятых не по принадлежности. Среди них: бывший «Континенталь», где ныне Стереокино, «Славянский базар», «Прага», «Эрмитаж-Оливье», что на Трубной площади, «Альпийская роза», «Спорт», «Ливорно». Появятся новые большие рестораны в высотных зданиях на Комсомольской площади и Дорогомиловской набережной. Будут построены несколько крупных механизированных предприятий и открыты десятки столовых, кафе, специализированных закусочных.

При реализации этого великолепного плана надо заблаговременно подумать о размещении новых предприятий.

Есть в Москве места, где столовые гнездятся особенно тесно. И есть обширные пространства, где их совсем нет. Сотрудники Академии наук и ее многочисленных учреждений вынуждены совершать большие путешествия, чтобы достигнуть ближайших столовых, ибо вся Калужская улица начисто лишена их. А между тем до войны в доме № 25 по той же улице на первом этаже было специально оборудовано помещение для столовой, которая и открыться-то не успела, с таким проворством она была захвачена каким-то учреждением. До сих пор там стоят холодильники в заводской упаковке.

Большой Калужской не повезло. Помещение, выстроенное в доме № 35 специально под кафетерий, тоже было занято для канцелярских нужд.

Лишен столовых такой большой жилой массив, как Текстильщики. В огромном районе Песчаных улиц только предполагается открыть столовую на 120 мест, что явно недостаточно для этого растущего района.

Нет ни одной столовой на всем протяжении Можайского шоссе. Специально оборудованное под столовую помещение в доме № 54/57 было занято Транскарьерпроектом. И вдруг недавно — о радость! — эта организация выехала в высотное здание. Но не успел Моснарпит открыть там столовую, как ордер на помещение был аннулирован.

Есть положение, по которому первые этажи новых домов отводятся под магазины и столовые. Но то и дело высокие окна первых этажей заволакиваются изнутри молочной краской, как глаза бельмами, и вместо приятного звона посуды оттуда начинает доноситься сухой треск пишущих машинок.

Почти все фабрики-кухни, некогда бывшие мощными узлами общественного питания, заняты посторонними учреждениями. В Октябрьской фабрике-кухне — клуб, в Краснопресненской — родильный дом, в фабриках-кухнях на Ленинградском и Можайском шоссе — институты, на Сосинской улице в фабрике-кухне расположилась Торговая школа. Все эти полезные учреждения отняли у московского населения огромное количество обедов. Одна только фабрика-кухня «Спорт» на Ленинградском шоссе отпускала в день 50 тысяч обедов!

Есть еще одна форма общественного питания, которой в ближайшее время предстоит большое развитие.

Мы говорим об отпуске обедов на дом. Собственно, это существует в Москве уже много лет, но в самом зачаточном виде. Например, огромный комбинат общественного питания Ждановского района, изготовляющий ежедневно тысячи обедов, отпускает на дом... 60—70 обедов. Столько же примерно и большая столовая № 28 на Петровских линиях. Несколько больше — две лефортовские столовые.

Почему такие мизерные цифры? Причин много: и помещения не приспособлены, и времени это отнимает много, и судков нет.

Поэтому план развития общественного питания на ближайшие годы предусматривает не только оборудование специальных помещений, но и выдачу под залог судков и даже консультацию специалистов по варке полуфабрикатов. Предполагается открыть 25 предприятий с тем, чтобы каждое отпускало до 300 обедов в день.

Недавний приказ министра торговли СССР о присвоении 128 поварам звания мастера-повара за приготовление пищи высокого качества, новая стимулирующая система оплаты, высокая оценка, которую А. И. Микоян дал труду работников советской торговли,— все это вызвало у людей большой творческий подъем.

— Раньше что? — говорил мне официант столовой.— Раньше нас только ругали. А теперь мы чувствуем о себе заботу. На нас обращают внимание. Нас не только ругают, но и поощряют.

Портрет Галины Гуторовой висит на стене Ждановского комбината общественного питания. Она лучшая официантка этого огромного предприятия. Галина Гуторова далека от дореволюционного стиля обслуживания, соединявшего в себе раболепие и наглость. Иначе и не может быть: Галина — комсомолка. Она встречает посетителей столовой так, как гостеприимная хозяйка у себя дома: приветливо, заботливо, в то же время не теряя достоинства.

В столовой № 48 работает мастер-повар П. В. Абатуров. Деятельность его не ограничена стенами кухни. Он ходит по обеденному залу, заговаривая то с одним, то с другим посетителем. Ведь технического контроля в столовых нет. С плиты — на стол. Бракер — сам потребитель. А как узнать его мнение? Если в торговле изучение потребностей и вкуса потребителя хоть и недостаточно, но все же проводится, то в общественном питании изучение спроса населения — область, еще совершенно не тронутая. Говорят, что Научно-исследовательский институт торговли и общественного питания разрабатывает соответствующую методику...

Ну, а пока что старый повар Павел Васильевич Абатуров применяет собственную методику — ходит меж столов и спрашивает: каково, вкусно ли, питательно ли, красиво ли и нет ли каких пожеланий.

И вот столовая № 48 — одна из лучших в Москве. А ведь она отстает по части оборудования. Здесь нет замечательных механизмов, сконструированных советскими машиностроителями для общественного питания: всех этих электрических взбивалок, шинковок, мясорубок, протирок, довольно широко распространенных в столичных предприятиях.

Но здесь есть замечательные кадры. Это — главное. Конечно, оборудование играет немалую роль, но оно мертво без влюбленных в свое дело людей.

— Значит, и вы,— сказал я, продолжая разговор с моим собеседником-официантом,— и вы на вашей маленькой должности...

Он перебил меня:

— Извините, но разве моя должность маленькая? Мы кормим народ! Что может быть больше?

Лучшая официантка Ждановского комбината Галина Гуторова.

АКАДЕМИКИ АРБУЗОВЫ

— Вы спрашиваете, почему я стал химиком? Но прежде чем ответить на этот вопрос, хочу ответить на другой. Он возникает у многих при первом знакомстве со мною, но люди стесняются спросить. Я имею в виду мое сложное отчество.

Академик Александр Ерминингельдович Арбузов, высокий, удивительно стройный для своих 76 лет, был в добродушном настроении. И скованность, которую мы невольно почувствовали в кабинете, где некогда творил сам Бутлеров, гений русской химии, около этих огромных старинных шкафов с тяжелыми книгами в кожаных переплетах, с ретортами, колбами, быстро растаяла в откровенном и приятном разговоре.

— Дед,— продолжал академик,— выбрал в святцах для своего сына, моего отца, трудное имя Ерминингельда в шутку над крестной матерью, чтобы та не могла выговорить его с одного приема... Да-с! Вот как веселили себя в старину. Однако не будем отвлекаться и попробуем объяснить, почему я стал химиком.

Александр Ерминингельдович встал из-за стола, вынул из лабораторного шкафа коробочку и бережно извлек из нее ампулу с темной жидкостью.

— Я держу священную для всех химиков ампулу, в которую Александр Михайлович Бутлеров собственноручно запаял синтезированный им иодистый метилен. Из него великий ученый путем весьма сложных превращений впервые в истории науки в 1861 году получил сахаристое вещество — метиленитан.

Мой отец, сельский учитель по образованию, владелец крохотного поместья, был соседом Бутлерова и его горячим поклонником. В нашей семье часто говорили об Александре Михайловиче. А моя единственная в жизни встреча с Бутлеровым произвела на меня, мальчика, неизгладимое впечатление.

Бутлеров, как известно, был опытным пчеловодом. Мой отец тоже увлекался этим. У нас на пасеке стоял знаменитый бутлеровский улей со стеклянной стенкой, сквозь которую мы наблюдали жизнь пчел. И вот однажды отец едет к Бутлерову в гости и берет меня с собой. Хозяин, которому очки придавали суровый вид, ласково сказал:

— Тебя зовут Сашей? Вот и хорошо. Рви, кушай все, что на тебя глядит...

А на меня в саду со всех сторон глядели спелая смородина и крыжовник. Потом он привел нас в пчельник — просторный шестигранный павильон, где стояли ульи.

Мы вошли внутрь павильона. Что это? Стены, казавшиеся синими, когда за нами закрыли двери, начали излучать свет, переливаться таинственными красками. Я стоял, очарованный чудесным сиянием.

Позже я понял, что Бутлеров окрасил пчельник изнутри светящимися красками.

Едва только в старших классах я получил доступ к реактивам и колбам, я взялся за самые рискованные опыты, приводя в отчаяние директора. Но меня так увлекали неожиданные химические эффекты, что я твердо решил: буду химиком по примеру Бутлерова. В Казанском университете я попал в лабораторию профессора Александра Михайловича Зайцева — ученика Бутлерова. Он, можно сказать, прямо из рук своего гениального учителя принял кафедру химии. Зайцев бережно хранил традиции бутлеровской школы: смело экспериментировать, реактивы и приборы готовить своими руками, не делать секретов из своих научных занятий, не разбрасываться.

Музыка — любимое развлечение в семье академиков Арбузовых. Александр Ерминингельдович с юношеских лет играет на скрипке и бережно хранит грамоту, в которой сказано: «Лучшему исполнителю — участнику квартета проф. тов. Арбузову А. Е. в олимпиаде самодеятельности Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина».

Арбузов-старший — великолепный знаток истории музыки и скрипок. В его коллекции хранятся лучшие скрипки Казани: старинная итальянская и настоящий «Вильом».

На снимке — сценка, которую часто можно видеть в семье Арбузовых: дедушка играет на скрипке под аккомпанемент внучки Марины — студентки консерватории. Возле — ее мать Ольга Андреевна. Домашний концерт слушают бабушка Екатерина Петровна и Борис Александрович.

Фото Дм. Бальтерманца.

В умении сосредоточить творческие силы на одной большой цели Александр Арбузов оказался достойным наследником бутлеровской школы. Вот уже ровно полвека он работает над органическими производными фосфора. Вначале он поставил себе чисто теоретическую задачу — выяснить строение фосфористой кислоты, по поводу чего и в России и за границей высказывали самые разноречивые мнения.

Однажды молодого химика осенила счастливая мысль, которая не приходила в голову исследователям, занимавшимся загадочной кислотой десятки лет. Александр Арбузов нашел такое вещество, которое, вступая в реакцию с некоторыми производными фосфористой кислоты, превращалось в кристаллы и раскрывало тем самым тайну ее строения. Словом, пытливый экспериментатор нашел ключ, которым он безошибочно и бесконечно открывает все новые и новые вещества.

Так одним открытием дотоле никому не известный молодой русский химик сразу же был выдвинут на авансцену русской и мировой науки. Это исследование принесло Александру Арбузову кафедру в университете, где он некогда был студентом. Оно дало ему право работать за столом в кабинете, за которым трудился сам Бутлеров. Оно дало ему права наследника знаменитой химической школы, составляющей нашу национальную гордость.

В чем же практическое значение этих исследований?

— Найдено множество производных веществ, обладающих самыми различными полезными свойствами,—говорит академик.— Например, мы изготовили препараты, которые уничтожают вредителей полей, садов и огородов. Не страшен и колорадский жук, который, размножаясь, угрожает картофелю. Один из приготовленных нами препаратов обладает замечательным свойством. Если даже самым слабейшим раствором опрыснуть растение, то стебли и листья быстро впитают яд, и растение на протяжении двух — трех месяцев будет защищать себя от врага. На пищевых качествах растения такой способ защиты нисколько не отражается...

Препараты испытывались на всех широтах Советской страны и всюду себя оправдали. Сентябрьский Пленум ЦК Коммунистической партии предложил промышленности в ближайшие годы освоить производство фосфоро-органических препаратов, чтобы полностью удовлетворить нужды сельского хозяйства...

И еще мы узнали от Александра Ерминингельдовича, что некоторые другие синтезированные им вещества находят себе применение в медицине, в частности, для лечения опасной глазной болезни — глаукомы.

Академик А. Е. Арбузов, несмотря на свои преклонные годы, ведет огромную работу: он возглавляет Казанский филиал Академии наук СССР, Научно-исследовательский институт имени Бутлерова при университете, кафедру органической химии в Химико-технологическом институте имени Кирова.

— Кто же ведет теперь кафедру органической химии в Казанском университете?

— Мой сын Борис,— ответил Арбузов-старший.— Да, мой сын, которого я вовсе не думал видеть в рядах химиков...

— А на деле вышло иначе,— улыбается Арбузов-старший. — Борис, окончив институт сельского хозяйства и лесоводства, вскоре «перекочевал» в химию. Представьте себе, кое-чему и я могу теперь у него поучиться...

В 1931 году знаменитый американский изобретатель Эдиссон, услыхав, что в Советском Союзе найден способ производства синтетического каучука, с апломбом заявил:

— Я не верю, что Советскому Союзу удалось получить синтетический каучук. Это сплошной вымысел. Мой собственный опыт и опыт других показывает, что вряд ли процесс синтеза вообще когда-либо увенчается успехом.

Но к тому времени советский ученый академик С. В. Лебедев уже нашел секрет синтетического каучука, и Борис Александрович по 10—12 часов ежедневно работал над составлением лекций для студентов на эту новую в науке тему. Записи лекций Арбузова-младшего в студенческих тетрадках, в сущности, были тогда единственным учебником по этой очень важной области знаний. Учитель на ходу изучал сложный процесс получения СК и учил других. Так Казань дала Советской стране инженеров для первых заводов СК.

Арбузов-младший испробовал свои силы в решении многих задач теоретической и прикладной химии, но успешней и охотней всего он работает совместно с отцом над органическими производными фосфора.

* * *

Александр Ерминингельдович и Борис Александрович Арбузовы — действительные члены Академии наук СССР. Подобного случая, чтобы отец и сын одновременно были академиками, история нашей науки еще не знала. Арбузов-старший был избран в 1942 году, Арбузов-младший — в 1953 году. Оба они лауреаты Сталинской премии.

С. КАНЕВСКИЙ

Там, где кончается земля и начинаются льды Ледовитого океана, стоит метеостанция.

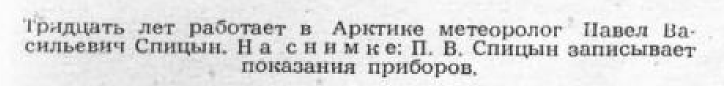
«Всем бортам!»

Фото Галины САНЬКО.

На сотни километров рассыпался прибой холодного Карского моря. Тяжелые зеленые волны набегают на землю, и трудно сказать, что пустыннее: море или земля. Смотришь вдаль, туда, где горизонт застлала дымчатая, почти черная мгла, и думаешь: дальше земли нет, только вода, потом сплошные вечные льды до самого полюса и еще дальше — за полюс. Ну разве не край земли?

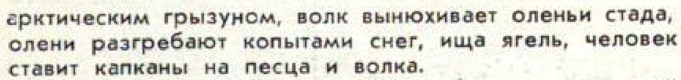
Зимой льды подходят вплотную к берегу. Их, как и землю, заносит снегом, и все это накрывает долгая полярная ночь. Под ее покровом идет своеобразная жизнь. Песец выходит на охоту за леммингом —

Тридцать лет работает в Арктике метеоролог Павел Васильевич Спицын. На снимке: П. В. Спицын записывает показания приборов.

Ежедневно проверяется соленость воды, омывающей безлюдные тундровые берега, ежедневно измеряется ее температура. На снимке: гидрометеоролог Н. В. Гришин берет пробу воды.

Каждый час радист Л. Н. Розбаш передает очередную метеосводку.

арктическим грызуном, волк вынюхивает оленьи стада, олени разгребают копытами снег, ища ягель, человек ставит капканы на песца и волка.

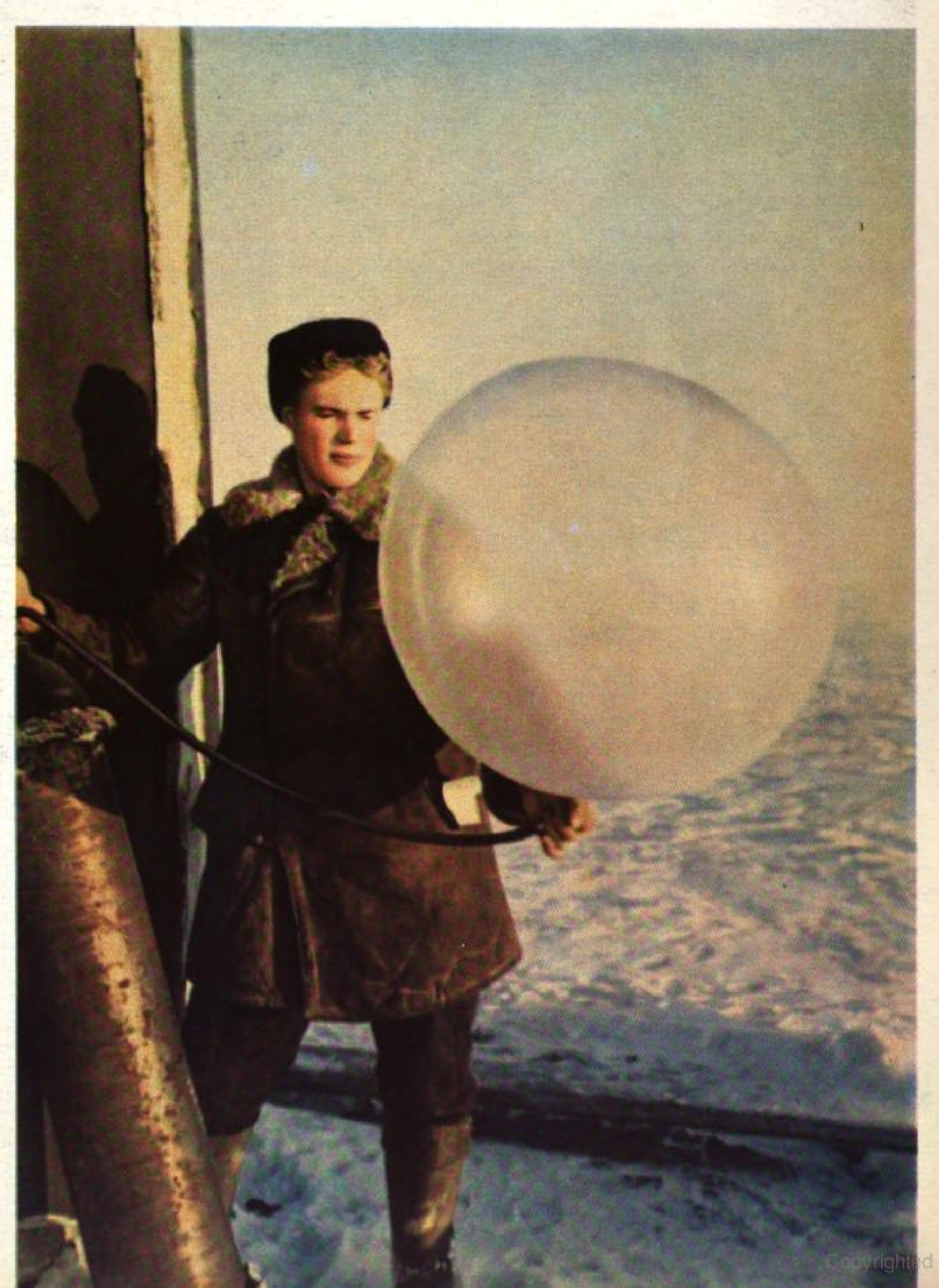
Крайний Север — край коварных буранов огромной силы. Только что стояла морозная тишина. Почти в зените, там, где горит зеленоватая льдинка Полярной звезды, трепетало холодное пламя северного сияния. Под лунным, мертвенно-зеленым светом мерцали снега, и вдруг все исчезло. Нет ни звезд, ни сияния, ни земли, ни неба. Есть только снег, который со скоростью сорока метров в секунду и с трубным воем мчится по пустыне. Потом он так же неожиданно ложится.

Но не для всех это неожиданно. То там, то тут на границе земли и льдов светятся огоньками метеорологические станции. Оторванность от Большой Земли, или от материка, как говорят полярники, сплачивает людей. В часы завтрака, обеда или ужина или просто вечером кажется, что в кают-компании собирается одна дружная веселая семья. Посменно становятся метеорологи на вахту. В любую погоду записывают указания приборов, измеряют температуру и соленость воды, поднимают шар-пилоты, чтобы по ним можно было изучать скорость и направление ветра высоко в небе. Данные собираются, систематизируются, и тогда радист посылает их в эфир: «Всем бортам! Всем бортам!»

Штурманы воздушных или морских кораблей знают, где какая погода и чего от нее можно ждать в ближайшем будущем.

Сотни советских тружеников живут в разных местах Крайнего Севера для того, чтобы в определенное время из десятков точек унеслось в эфир: «Всем бортам!»

В. СОЛОУХИН

Наблюдая за шар-пилотом, выпущенным в воздух, метеорологи изучают направление и скорость ветра высоко над землей. На снимке: аэролог Ю. В. Колосов подготавливает шар-пилот к выпуску.

Президент Индии Раджендра Прасад беседует с М. Д. Ковригиной.

По приглашению индийского правительства в Индии гостила заместитель министра здравоохранения СССР М. Д. Ковригина. М. Д. Ковригину принимали президент Индии Прасад, вице-президент Радхакришнан и премьер-министр Неру. Министр здравоохранения Индии Раджкумари Амрит Каур дала обед в честь М. Д. Ковригиной.

ВЕЧЕР В КРЕМЛЕ

Танцы во Владимирском зале.
Фото А. Гостева.

Пятнадцать дней нарядная новогодняя елка сияла в центре Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца. Утром и вечером веселились здесь юные гости. 16 января этот исторический зал заполнили передовые люди предприятий и учреждений столицы и области, ученые, литераторы, художники, артисты.

Вечер назначен на семь часов, но многие пришли заранее, чтобы полюбоваться Кремлем, его соборами, белокаменными палатами, историческими памятниками.

...Георгиевский зал. Под управлением К. Иванова Государственный симфонический оркестр СССР исполнил финал Четвертой симфонии Чайковского. Долго аплодировали гости В. Давыдовой, М. Рейзену, И. Козловскому. Перед приглашенными выступали солисты балета, Государственный ансамбль народного танца, лучшие мастера эстрады и цирка, артисты Ленинграда, Киева и других городов. В Грановитой палате, во Владимирском зале гремят звуки веселой музыки: там идут танцы. До полуночи продолжалась эта встреча.

Т. ГЕОРГИЕВ

Станки для МТС

Несколько лет тому назад на окраине Таллина, на пустыре, поросшем можжевельником,— от него и получила свое название улица — «Кадака тээ» («Можжевеловая дорога») — был построен небольшой ремонтный завод Министерства сельского хозяйства ЭССР. Первыми рабочими этого завода стали выпускники Пайдеского ремесленного училища, первой их самостоятельной работой был ремонт тракторных моторов.

Теперь ремонт моторов составляет лишь небольшую долю заводской программы. Выпуск продукции значительно увеличивается. Многие из бывших выпускников Пайдеского ремесленного училища без отрыва от производства окончили техникум, стали мастерами.

Завод изготовляет универсальные станки, на которых растачиваются подшипники для моторов тракторов, комбайнов и автомашин различных марок.

829 МТС получили эти станки. В нынешнем году завод выпустит еще сотни станков.

Н. ХРАБРОВА

Лучший токарь Таллинского ремонтного завода Эдгар Ааза у своего станка.
Фото С. Розенфельда.

На квартире у избирателей

Т. М. Тверикина пришла на квартиру к избирателям.
Фото Б. Кузьмина.

В день, когда в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о проведении выборов в Верховный Совет СССР, бригадир Московского почтамта агитатор Татьяна Михайловна Тверикина решила еще раз зайти к избирателям на улице Кирова. Правда, она была там совсем недавно, а накануне нового года обошла всех жильцов и поздравила их с наступающим праздником. Так она поступает и перед октябрьским и перед майским праздничными днями.

Татьяну Михайловну встретили, как своего, близкого человека. Почти пять лет посещает она эти квартиры. Она читает домохозяйкам газетные материалы, беседует о событиях внутри страны и за рубежом. С ней делятся своими мыслями, советуются, ее, как друга, приглашают на свадьбы и другие семейные торжества.

Сегодня Т. М. Тверикина принесла книги заболевшей Валентине Ивановне Покровской, захватив с собой и таблицу выигрышей последнего тиража займа.

— Знаете, конечно, что выборы назначены на четырнадцатое марта,— говорит Тверикина жильцам квартиры.— Я билеты принесла в наш клуб на доклад о трехсотлетии воссоединения Украины с Россией, да и просто побеседовать хочется...

Пятьдесят восемь работников Московского почтамта ведут большую пропагандистскую работу среди населения пяти домов. Эта дружба зародилась во время подготовки к выборам в Верховный Совет СССР в 1946 году. С тех пор избиратели — постоянные, желанные гости в клубе почтамта, на лекциях, торжественных вечерах.

Все годы не порывали связей с избирателями агитаторы И. С. Грешнев, А. М. Попова и другие. В связи с предстоящими выборами в Верховный Совет СССР агитколлектив Московского почтамта наметил большой план работы.

Я. ЯКОВЛЕВ

Чем был «возмущен» Артур Дин?

Как известно, американская сторона, чтобы задержать на неопределенное время созыв политической конференции по Корее, прервала переговоры в Паньмыньчжоне. Американский представитель Артур Дин, обосновывая свои действия, заявил, будто он «оскорблен» сомнениями, высказанными корейско-китайской стороной насчет достоверности американских утверждений о так называемом «побеге» 27 тысяч корейских и китайских военнопленных из лисынмановских лагерей.

Как же в действительности происходил этот «побег»?

Ответ на этот вопрос дает фотография, распространенная американским фотоагентством и воспроизведенная в немецком журнале «Нейе берлинер иллюстрирте». Видимо, фотоагентство, поспешив с выпуском в свет сенсационного снимка, не подумало о том, как будет изображать это событие официальная американская пропаганда. Даже подпись к снимку сформулирована достаточно откровенно: «Американская охрана освобождает 5 000 пленных в Сеуле. Корея». Что же касается фотографии, то сюжет ее говорит сам за себя: «совершающие побег» пленные проходят строем через шеренгу вооруженных американских охранников, один из которых тщательно пересчитывает «беглецов», чтобы они и впрямь не убежали от предназначенной им судьбы быть зачисленными в лисынмановские и чанкайшистские войска.

XXI шахматный чемпионат СССР

МАСТЕРА НАСТУПАЮТ

Из дневника участника

11—12 ЯНВАРЯ

Участники турнира и шахматные болельщики Киева все еще находятся под впечатлением разгрома, который мастер В. Корчной учинил гроссмейстеру Е. Геллеру.

В партии В. Корчного с гроссмейстером М. Таймановым после двухчасовой игры позиция принимает критический для гроссмейстера характер. Зрители в зале уже шепчутся, что сегодня еще один гроссмейстер станет жертвой самого молодого участника соревнования.

Однако заключительную часть В. Корчной провел не лучшим образом, и в последнюю секунду гроссмейстеру удалось спастись, как говорится, «на парашюте».

Одна из самых интересных фигур этого чемпионата — мастер Р. Нежметдинов, чемпион РСФСР и Татарской республики. Он единственный шахматный мастер, который одновременно имеет звание и мастера СССР по шашкам. Р. Нежметдинов любит головоломную игру. В его встрече с Е. Геллером на доске создавались такие запутанные позиции, что ни зрители, ни участники турнира, даже сами Нежметдинов и Геллер в конце концов не могли разобраться, у кого лучше и у кого хуже положение. Партия была отложена в неясной «шахматно-шашечной» позиции. Анализ показал, что позиция Е. Геллера безнадежна. И действительно, в день доигрывания Р. Нежметдинов несколькими эффектными ударами доказал это весьма убедительно.

13 ЯНВАРЯ

Тринадцатое число оказалось трудным днем для гроссмейстеров. В. Корчной продолжал свою «агрессию». Он нанес первое поражение хорошо стартовавшему гроссмейстеру А. Лилиенталю.

— Нет спасения от Корчного,— говорят гроссмейстеры.— Пожалуй, единственный выход: дать и ему возможность завоевать звание гроссмейстера.

С. Флор уже 25 лет в шахматном строю. В «ознаменование» этой даты сегодня он не успел рокировать. А без рокировки король обычно попадает под атаку. Мастер В. Бывшев легко разгромил позицию гроссмейстера.

Гроссмейстер М. Тайманов, оставшись в партии с Р. Нежметдиновым без двух пешек, уже хотел сдаться, но затем решил, что еще успеет это сделать. Партия была отложена. Участники шутили, что Тайманову, пожалуй, не поможет и парашют. При доигрывании Нежметдинов, считая победу уже в кармане, допустил неточность — и в результате ничья.

Много переживаний доставила зрителям партия Е. Геллера с Г. Лисицыным. И здесь у гроссмейстера дела были плохи. В эндшпиле, однако, у Лисицына остались ладья и конь против одной ладьи Геллера. Теоретически это ничья. Мастер все же решил «проэкзаменовать» гроссмейстера и продолжал игру, но Геллер выдержал экзамен.

В партии Авербах — Рагозин, естественно, ничья или даже очко были обеспечены «нашему брату гроссмейстеру», поскольку оба шахматиста являются гроссмейстерами. Во встрече с мастером только гроссмейстер Т. Петросян добился победы: после 10-часовой упорной игры А. Банник признал себя побежденным.

16 ЯНВАРЯ

Советские шахматисты хорошо помнят первое появление Е. Геллера в Москве — в турнире на первенство 1949 года. Тогда молодой и малоизвестный мастер благодаря прекрасной игре «почти» добрался до первого места. Лишь в самом последнем туре Р. Холмов «подставил ему ножку». Сегодня Геллер встретился с Холмовым. Гроссмейстеру явно хочется взять реванш. С первых же ходов он бросается в атаку. Но реванш не состоялся. В отложенной позиции Е. Геллеру нужно бороться за ничью.

Встреча между самыми молодыми участниками — мастером В. Корчным и гроссмейстером Т. Петросяном — закончилась благополучно для гроссмейстера: ничья. Однако и в этой партии Петросяну с трудом удалось избежать поражения. Корчной играет каждую партию наступательно, в каждой партии демонстрирует новые, глубокие идеи. Опасный юноша этот Корчной!..

Шестой тур закончился. Лидирует не гроссмейстер, как полагалось бы, а чемпион Ленинграда мастер С. Фурман. Он играет легко и уверенно. Фурман хорошо сыграл в двух чемпионатах страны: в XVI — заняв третье место и в XVII — поделив 4-е и 5-е места. Поэтому не так уж удивительно видеть С. Фурмана лидером. Однако гроссмейстеров, и в первую очередь молодых, такое положение не устраивает. Но впереди еще вдоволь времени. Как и во многих других турнирах, более высокий класс в конце концов, наверное, скажется.

«Ну, а если победителем турнира окажется не гроссмейстер, а мастер?..» — могут спросить меня.

Что ж! Ведь в этот момент он уже будет гроссмейстером.

Сало **ФЛОР**

Киев (по телефону).

Славная летопись завода

Пять боевых подруг неразлучны и в мирные дни. Слева направо: Т. Николаева, А. Кузнецова с дочкой, С. Резникина, А. Балакирева (Стецко), Л. Садовникова.

Фото Н. Ананьева.

Открыв несгораемый шкаф, Михаил Николаевич Боярский достал кипу книг и положил их на стол.

Перед нами простые конторские книги в серых переплетах. Но стоит прочесть первые строки, и уже трудно оторваться от лаконичных записей, рассказывающих о героической жизни и борьбе коллектива ленинградского завода «Электросила» в суровые годы блокады.

В этой коллективной летописи сколько страниц, столько и почерков. Записи вели рабочие и работницы — дежурные МПВО — по донесениям наблюдателей, со слов начальников команд, со слов электросиловцев, продолжавших работать под вражеским огнем.

Конструктор, ныне помощник директора, М. Н. Боярский возглавлял заводскую противовоздушную оборону. Он и следил за тем, чтобы в дни блокады каждое событие на заводе нашло точное отражение в дневнике.

Последняя запись сделана 10 лет тому назад — 27 января 1944 года: «Город Ленина полностью освобожден от вражеской блокады, от вражеских артиллерийских обстрелов. Больше не упадут снаряды на заводе. 24 залпа из 324 орудий прогремели в честь этой победы на Неве».

Перелистываем страницу за страницей. «На заводе упало 283 зажигательных бомбы». «Несмотря на угрожающую обстановку, этой ночью царили порядок и спокойствие. Никто с завода не ушел, каждый оставался на своем посту. Рабочие готовы к решительному сопротивлению». «Вражеская артиллерия держит завод под обстрелом». Не раз упоминаются в летописи имена мужественных работниц — бойцов МПВО: Александры Степановой, Серафимы Резникиной, Тамары Кункиной, Лидии Садовниковой, Александры Стецко. Они несли службу наблюдения на вышках, разбирали завалы, тушили пожары, спасали раненых.

...Пять подруг, защищавших родной завод и награжденных медалями «За оборону Ленинграда», неразлучны и в мирные дни.

На улице метель, в снегу огромный парк Победы, раскинувшийся вблизи «Электросилы». В зимний январский вечер особенно уютно в заводском доме. Подруги собрались у Александры Степановой, ныне Кузнецовой. Она недавно переехала в новую квартиру.

Перечитываем одну из записей:

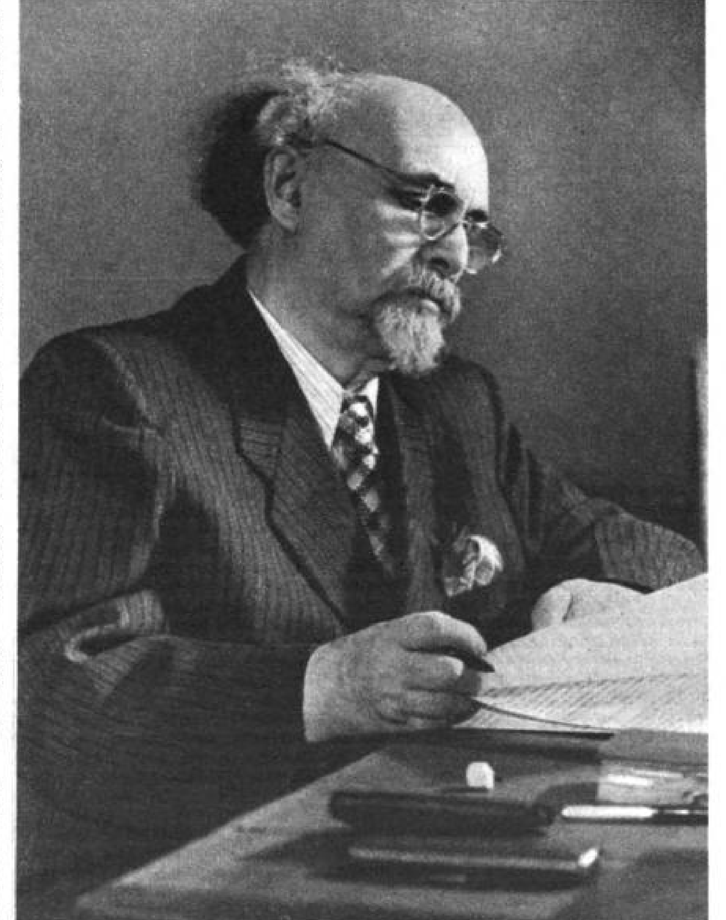
«Бесстрашно, геройски вели себя в этот день бойцы МПВО — С. Резникина, командир медико-санитарной команды А. Степанова».

— Так это про Степанову, а я Кузнецова,— шутит хозяйка дома.

В биографии подруг произошли и другие перемены. Бывшие рядовые работницы, они стали специалистами. Кузнецова работает мастером, Резникина — диспетчером. Балакиреву война застала слесарем, а сейчас она помощник начальника отдела. Кункина, теперь Николаева,— контролер ОТК.

На стяге завода «Электросила» рядом с двумя орденами Ленина — орден Трудового Красного Знамени — награда за беспримерную трудовую доблесть в дни блокады. На вечное хранение славному коллективу передано и почетное знамя ГКО.

К. ЧЕРЕВКОВ

Поэт русской природы

Умер Михаил Михайлович Пришвин — удивительный певец нашей природы, ее поэт и хранитель, ее толкователь и друг.

Пришвин умер, но щедро и свободно созданные им поэтические «пришвинские» богатства не умрут. Его книги — «Кащеева цепь», «Журавлиная родина», «Колобок», «В краю непуганых птиц», «Северный лес», «Жень-Шень», «Календарь природы», «Кладовая солнца» и множество великолепных рассказов — будут жить долго. И так же долго будет жить незабываемая прелесть его языка.

Слова у Пришвина живут и сверкают. Они полны свежести и света. Они то шумят, как листья, то бормочут, как ручьи, то звенят, как птицы, то, наконец, входят в нашу память медленным и величавым строем, подобно течению звезд над полями.

Сила Пришвина в том, что в каждой малости он находил значительное и раскрывал нам всю глубочайшую поэзию земной жизни.

Недаром одну из своих книг он назвал «Календарь природы». Дни и ночи сменяются на земле, полные своей мгновенной красоты, сменяются осени и зимы, весны и жаркие летние месяцы. Мы быстро забываем вереницы этих дней, то синих и прозрачных, как небо, то примолкших под серым пологом туч, то теплых и туманных, то заполненных падением первого снега. Мы забываем об утренних зорях, о том, как блещет над лесами хозяин ночей — Юпитер. Мы забываем о многом, о чем нельзя забывать. И Пришвин в своих книгах как бы перелистывает назад календарь природы и возвращает нас к картинам позабытых дней.

Его обширные познания в области ботаники, фенологии, этнографии, агрономии, зоологии, фольклора, орнитологии, географии, метеорологии, краеведения и других наук были обогащены счастливым свойством писателя видеть явления природы в их самом поэтическом выражении.

Все в повестях и «географических» рассказах Пришвина объединено человеком, любознательным, зорким, думающим, человеком с доброй и смелой душой, искусным мастером и созидателем. Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку и к той земле, на которой живет и трудится этот человек.

Прощаясь с Пришвиным, мы вместе со словами глубокой печали должны сказать и слова нашей великой благодарности этому мудрому и простосердечному человеку, который научил нас повсюду видеть то прекрасное, что носит имя Родины.

Константин **ПАУСТОВСКИЙ**

Большая победа советского спорта

Б. Шилков завоевал первенство мира по конькам

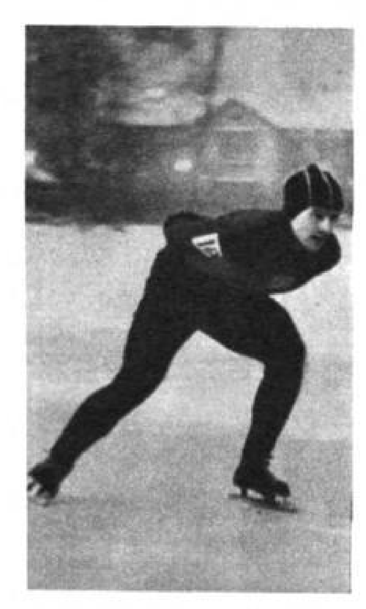
НА КАТКЕ «МАРУЯМА-РИНГ»

Вечером 12 января на токийском аэродроме Ханеда приземлился самолет, доставивший в столицу Японии советских конькобежцев, участников предстоящих соревнований на первенство мира. Наши спортсмены впервые прибыли в Японию и на другой день оказались у цели своего путешествия — в городе Саппоро, расположенном на острове Хоккайдо.

Советские скороходы были в центре внимания. Их непрерывно атаковали корреспонденты и фоторепортеры. Больше всех донимали Олега Гончаренко — чемпиона мира 1953 года.

На пресс-конференции его спросили, как он намерен выступить в состязаниях. Гончаренко ответил корреспондентам, что предстоит очень трудная борьба, но он всеми силами будет отстаивать звание чемпиона мира. Находившийся тут же тренер Гончаренко, Константин Кудрявцев, добавил:

— Говорят, плох тот солдат, который не хочет стать генералом. В нашей же спортивной среде говорят: плох тот спортсмен, который не стремится стать чемпионом.

Олег Гончаренко, занявший второе место.

Этот ответ вполне удовлетворил корреспондентов...

В прошлом году Международная федерация конькобежного спорта решила провести очередное первенство мира по скоростному бегу на коньках в Японии 16—17 января. Заметим, кстати, что до этого только дважды — в 1897 и 1932 годах — всемирные чемпионаты проводились не в Европе — в Америке. На этот раз сильнейшим конькобежцам мира пришлось встретиться в Японии.

Каток «Маруяма-ринг» расположен в трех километрах от центра города, в горах, на высоте около 400 метров над уровнем моря. Трибуны вмещают 20 тысяч зрителей.

В полдень 15 января на катке были прекращены тренировки и начались последние приготовления к открытию соревнований. Выяснился и окончательный состав участников. В Саппоро прибыли конькобежцы пяти стран: СССР, Норвегии, Финляндии, Швеции, Южной Кореи. К ним присоединилась и команда Японии.

КТО ВЫШЕЛ НА СТАРТ

Спортивную честь Советского Союза на всемирных соревнованиях в Японии защищали чемпион мира Олег Гончаренко (Москва), абсолютный чемпион СССР Борис Шилков (Ленинград), Евгений Гришин и Роберт Меркулов (Москва), Дмитрий Сакуненко (Владимир), Юрий Сергеев (Москва) и запасной Юрий Кислов (Горький). Самый старший в команде — Ю. Сергеев; ему 28 лет. Б. Шилкову — 26 лет. Самый молодой — двадцатилетний Ю. Кислов.

Норвегия прислала команду, уже знакомую москвичам по выступлениям в канун нового года на столичном стадионе «Динамо». Среди шведских скороходов прежде всего следует назвать Сигге Эрикссона, который вначале прошлого года гостил в Москве. У финнов обращал на себя внимание молодой Тойво Салонен, занявший во всемирном чемпионате 1953 года первое место в беге на 500 метров. Япония выставила шесть человек, в том числе своего сильнейшего спринтера Котаку Такабаяси и своего сильнейшего стайера Иосиясу Гоми. Что же касается Южной Кореи, то она была представлена весьма слабыми конькобежцами.

В Саппоро не приехали конькобежцы США, у которых не оказалось средств на поездку, несмотря на то, что часть расходов брала на себя Япония.

ДВА ДНЯ БОРЬБЫ

Девятнадцать скороходов приняли участие в соревновании на первенство мира по конькам. Первые же забеги показали полное преимущество советских конькобежцев. На самой короткой дистанции — 500 метров — лучший результат оказался у Гришина — 44,1 секунды. Его противник, южнокореец Ли Тэ Син, намного отстал и показал самое худшее время — 48,9 секунды.

Ю. Сергеев проиграл Гришину две десятых секунды. Третье место занял К. Такабаяси — 45,1 секунды. Т. Салонен и Б. Шилков прошли дистанцию в одинаковое время — 45,5 секунды, 9—10-е места поделили О. Гончаренко и С. Эрикссон, и лишь 15-м был Андерсен.

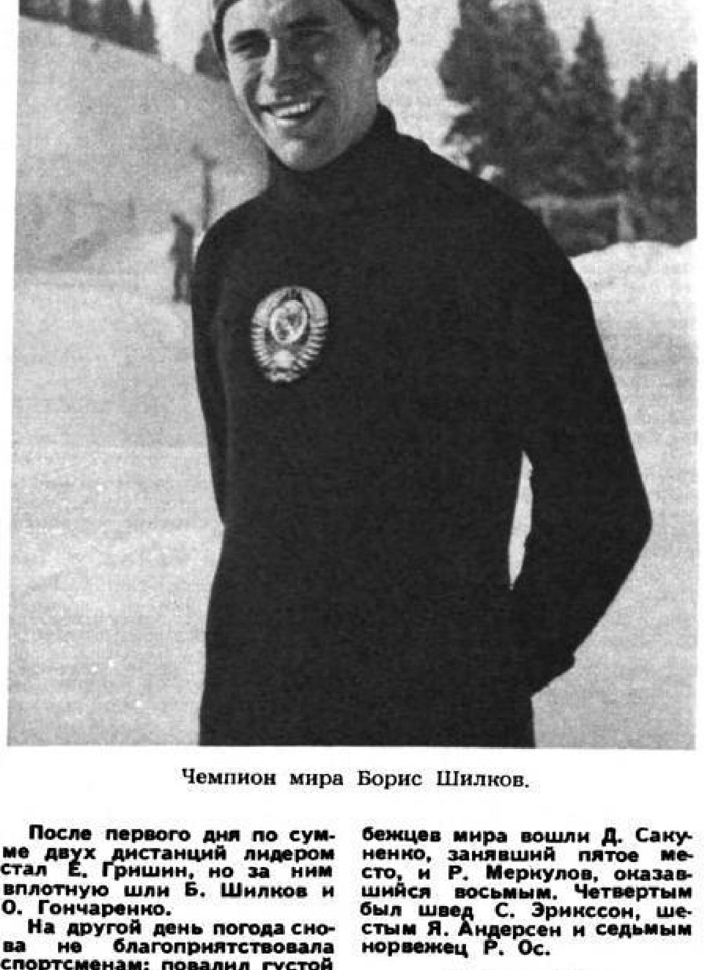
Из-за неблагоприятной погоды бег на 5 тысяч метров пришлось перенести на вечер. В паре встретились Б. Шилков и норвежец Р. Ос. Шилков показал хорошее время — 8 минут 24,6 секунды. Гришину снова пришлось бежать с южнокорейцем — Чо Юн Сиком. Время Гришина — 8 минут 37,4 секунды. Южнокореец проиграл ему без малого 40 секунд.

На старте Я. Андерсен и Д. Сакуненко. В Москве Сакуненко и Андерсен встречались трижды: в беге на 500 метров, 5 и 10 тысяч метров. Прощаясь с Сакуненко перед возвращением на родину, Андерсен в шутку сказал:

— Ну, что же, в Саппоро, наверное, побежим опять вместе.

И действительно, жребий свел их снова в одну пару в беге на 5 тысяч метров. Острый спортивный поединок закончился победой Я. Андерсена — 8 минут 27,5 секунды. Сакуненко проиграл 3,1 секунды.

Результат Б. Шилкова смог побить только О. Гончаренко. У него отличное время — 8 минут 21,9 секунды.

Чемпион мира Борис Шилков.

После первого дня по сумме двух дистанций лидером стал Е. Гришин, но за ним вплотную шли Б. Шилков и О. Гончаренко.

На другой день погода снова не благоприятствовала спортсменам: повалил густой снег, начал дуть сильный ветер. В беге на 1 500 метров Б. Шилков, как и следовало ожидать, показал лучшее время — 2 минуты 22,3 секунды. Р. Ос и Е. Гришин пробежали дистанцию за 2 минуты 24,1 секунды. Гончаренко — на восемь десятых хуже.

После трех дистанций стало окончательно ясно, что борьбу за первенство ведут только советские спортсмены.

Соревнования подходят к концу. Начинаются забеги на 10 тысяч метров. Стартуют Гончаренко и Шилков—единственные претенденты на золотую медаль чемпиона мира. Гончаренко на этой дистанции сильнее Шилкова, но ему надо выиграть у своего соперника целых 38 секунд. Очень трудная задача! Несмотря на то, что Гончаренко показал хорошее время — 17 минут 38,7 секунды,— ему удалось отыграть только 22,7 секунды, и, таким образом, по сумме четырех дистанций Борис Шилков занял первое место.

Я. Андерсен приложил немало усилий к тому, чтобы завоевать первенство хотя бы на этой дистанции, где он обычно непобедим. Однако и это ему не удалось: его результат оказался вторым, после О. Гончаренко.

Соревнования окончены. В торжественной обстановке советский конькобежец Борис Шилков объявляется чемпионом мира.

Над японским катком звучит Гимн Советского Союза. На флагштоке поднимается Государственный флаг СССР.

После краткого выступления у микрофона Б. Шилков проходит традиционный круг победителя. К нему присоединяются занявший второе место Олег Гончаренко и третье место — Евгений Гришин. Норвежские конькобежцы Я. Андерсен и И. Мартинсен подхватывают на руки Шилкова и уносят его с катка. Прекрасное проявление спортивной дружбы!

Советские скороходы, не проиграв ни одной дистанции из четырех, одержали на крупнейшем соревновании зимнего сезона 1954 года выдающуюся победу. В число восьми сильнейших конькобежцев мира вошли Д. Сакуненко, занявший пятое место, и Р. Меркулов, оказавшийся восьмым. Четвертым был швед С. Эрикссон, шестым Я. Андерсен и седьмым норвежец Р. Ос.

КОММЕНТАРИИ К КОММЕНТАРИЯМ

В прошлом году, после того как О. Гончаренко в Хельсинки завоевал звание чемпиона мира, знаменитый норвежский конькобежец С. Фарстад заявил: «Оба молодых русских скорохода, Гончаренко и Шилков, показали, что Андерсен берет на себя трудную задачу, решив вернуться на ледяную дорожку в будущем году».

Чемпион мира 1947 года финн Л. Парккинен сказал:

Евгений Гришин — третий призер мирового первенства.

«Я думаю, что Андерсен даже в своей лучшей спортивной форме проиграл бы Олегу Гончаренко».

После окончания матча СССР — Норвегия Я. Андерсен заявил: «Я в Москве снова обрел веру в себя. Теперь я знаю силу русских. Несмотря на их всестороннюю спортивную форму, я убедился, что они не являются непобедимыми».

Соревнования в Саппоро показали, что сейчас советские скороходы действительно являются сильнейшими.

Спортивный обозреватель

Каток «Маруяма-ринг» в Саппоро.

Москва — Пекин

Через несколько минут экспресс «Москва — Пекин» тронется в долгий путь. Начальник поезда И. А. Балакирев дает последние указания проводнику С. С. Кондакову.

Фото О. Кнорринга.

16 января из Москвы, от платформы Ярославского вокзала, отошел в пробный рейс поезд «Москва — Пекин».

В последний день января между двумя столицами откроется регулярное беспересадочное сообщение. Поезда с первыми пассажирами выйдут одновременно из Москвы и из Пекина. В дальнейшем курьерские составы будут отправляться с Ярославского вокзала два раза в неделю. Пассажиры проведут в пути около девяти суток. Составы укомплектованы комфортабельными цельнометаллическими вагонами. В каждом поезде — радиоузел, телефон для междугородних переговоров.

Экспресс «Москва — Пекин» будут обслуживать лучшие железнодорожные бригады.

Премии журнала «Огонек» за 1953 год

Г. Радов.

Янка Брыль.

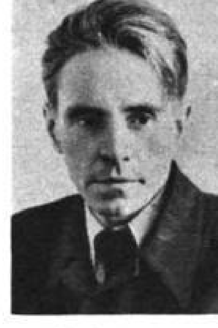
Ю. Нагибин.

А. Прокофьев.

С. Маршак.

С. Смирнов.

М. Шагинян.

В. Кожевников.

Л. Бродаты

О. Верейский.

Г. Санько.

И. Тункель.

Д. Бальтерманц.

Редакционная коллегия «Огонька» отметила ежегодными денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1953 года. Премированы авторы:

Г. РАДОВ (рассказ «На быстрине и бережком...» № 27), Янка БРЫЛЬ (рассказ «Галя» № 8), Ю. НАГИБИН (рассказ «Комаров» № 38), А. ПРОКОФЬЕВ (цикл стихов «Заречье» №№ 41, 49), С. МАРШАК (переводы стихов Джанни Родари №№ 15, 20 и Роберта Бернса № 33), С. СМИРНОВ («Лирическая повесть» № 17 и стихи «Осенняя страница» № 43), М. ШАГИНЯН (очерки «Ясная Поляна» № 36, «Глубь тысячелетий» № 51), В. КОЖЕВНИКОВ (очерк «Такими гордится народ» № 52), Л. БРОДАТЫ (рисунки к рассказам С. Гейма «Бабик» № 31 и «Возвращение героя» № 45 и А. Коппарда «Воронка» № 51), О. ВЕРЕЙСКИЙ (рисунки к очерку Б. Эдера «Цирк молодых» № 2, к стихам Джанни Родари № 20 и Роберта Бернса № 33), Галина САНЬКО (цветная фотография «Юный фотолюбитель» № 8 и снимок «Не поладили» № 51), И. ТУНКЕЛЬ (цветные фотографии «Клуб в море» № 24, снимок «Первые радости» № 46), Д. БАЛЬТЕРМАНЦ (цветные фотографии «Отважный верхолаз» № 19, «Индийская танцовщица» № 49).

Международная лыжная неделя

В. Кузин на 30-километровой дистанции.

Фото Ю. Добронравова.

Международные лыжные соревнования спортсменов четырех стран — Польши, Чехословакии, Финляндии и СССР, проведенные в Свердловске, — представляли большой интерес.

Каждую минуту взлетает вверх судейский флаг, и лыжники пара за парой уходят со старта. Им дважды предстоит пробежать 15-километровое кольцо, проложенное по пересеченной местности. Следить за ходом борьбы многочисленным зрителям помогает радио: диктор сообщает данные со всех контрольных пунктов. Уже после первых пяти километров лидерами гонки стали два молодых лыжника: Владимир Кузин и финн Вейко Сало.

Кузин пробежал пять километров быстрее всех — за 16 минут 36 секунд; финн проиграл советскому лыжнику 22 секунды. На третье место выдвинулся В. Хакулинен.

Что происходит среди снегов, на лесистых спусках и трудных подъемах? Этот вопрос интересовал всех. Борьба советского спортсмена с двумя финскими скрыта от глаз зрителей, но интерес к соревнованию настолько велик, все с таким нетерпением ждут дальнейших сообщений, словно видят подробности этой захватывающей гонки. И когда диктор передает данные после десяти километров, когда становится ясным, что лидером попрежнему остается Кузин, но Сало приближается к нему, взволнованный гул проносится по толпе. Напряжение еще больше возрастает: ведь теперь можно увидеть уже воочию всех участников соревнования, заканчивающих первую половину гонки — 15 километров. Первым появился Сало, ушедший со старта 49-м номером. За ним бежит Хакулинен, идущий под номером 50. Кузин гонку начал позднее и должен появиться вскоре за финнами. Вот и он. Каково же сейчас распределение сил? Лидером гонки стал Вейко Сало. Между десятым и пятнадцатым километрами он не только сравнялся с Кузиным, но и выиграл у него 9 секунд.

После 20 километров Сало оторвался еще больше: теперь его время на 16 секунд лучше времени Кузина. Но молодой советский лыжник сумел следующие пять километров пройти почти на одну минуту быстрее своего противника — Сало. Это и решило судьбу первого места. Кузин закончил дистанцию с лучшим временем — 1 час 40 минут 9 секунд. Сало был вторым. Третье место занял Хакулинен. Все остальные места в первой «десятке» заняли советские спортсмены. И В. Ерошин, и А. Шелюхин, и Ф. Терентьев, шедшие в парах с финскими лыжниками, обогнали их, показав лучшее время. И это несмотря на то, что финские лыжники, считающиеся лучшими в мире, действительно продемонстрировали высокое мастерство. Они безукоризненно владеют техникой бега, исключительно умело используют рельеф местности, неутомимы на подъемах и развивают максимальную скорость на спусках.

Так прошел первый день международной лыжной недели. И вот снова лыжники на старте. На этот раз состязание идет на дистанции в 15 километров. Теперь внимание всех приковано к В. Кузину и В. Сало. Конечно, трудно предугадать возможного победителя, но, судя по всему, борьба и здесь развернется между двумя этими молодыми гонщиками. Вот В. Сало проносится через линию финиша. Его время — 49 минут 27 секунд. Кузину не удалось на этот раз обойти своего соперника, и он занял второе место. Павел Колчин оказался третьим. Из десяти первых мест семь заняли советские лыжники.

В. Кузин и В. Сало, поменявшиеся на этот раз местами, — ровесники, им по 24 года. И тот и другой выдвинулись совсем недавно: финн — в гонках на 15 километров во французских Альпах, а советский гонщик завоевал первенство страны 1953 года на 18 километров.

Новый тур борьбы между В. Сало и В. Кузиным разыгрался во время эстафетной гонки 4 по 10 километров. Первенство завоевала первая команда Советского Союза в составе Ф. Терентьева, П. Колчина, В. Оляшева, В. Кузина.

В последний день соревнований состоялись гонки на 50 километров. После упорной борьбы победу одержал В. Хакулинен. Его результат — 2 часа 59 минут 21 секунда. Вторым пришел Э. Колехмайнен. Третье место занял А. Шелюхин. Это большой успех молодого советского спортсмена.

В. ВИКТОРОВ

Свердловск.

В. Хакулинен ведет гонку на 50 километров.

Фото Н. Волкова.

Георгий БЛОК

В хвойном бору, в березовом лесу, в дубраве летним солнечным днем чистый прохладный воздух напоен тонким, крепким, бодрящим ароматом. Кто бывал на Черноморском побережье в апельсиновых, лимонных, мандариновых рощах, на плантациях лаванды, в молодом эвкалиптовом лесу, тот наслаждался пьянящими запахами, источаемыми этими растениями. А как чудесно пахнут яблони в цвету, заросли ореха, черной смородины, кусты жасмина, травы — полынь, мята, чебрец, ромашка!..

Кому не случалось видеть, как проливают «горькие» слезы хозяйки, нарезая головку репчатого лука! В лицо бьет острый запах, щекочет в носу и глотке, текут из покрасневших глаз крупные слезы. Какая жестокая луковица, скажет каждый, отодвигаясь на почтительное расстояние. Однако эта приправа — неотъемлемое условие хорошего стола, она придает пище остроту, вкус, она полезна.

Прежде чем съесть кусок говядины или жаркое, многие сдабривают их горчицей. Поднесем ее поближе. Если горчица свежая, не выдохлась, то защиплет в носу, увлажнятся глаза. «Кусается» на расстоянии хрен, который мы часто употребляем за столом.

Сотни лет человечество пользуется луком, хреном, горчицей, чесноком и иными «жгучими» приправами и пряностями. Народная медицина, рожденная мудростью опыта, щедро черпала из сокровищницы неистощимой живой природы различные пахучие травы. Они таят в себе лечебные свойства: утоляют боль, останавливают кровь, изгоняют недуги.

Только в наши дни ученые по-настоящему изучили вещества, целебные для человека и животных, которые содержат растения. В любой аптеке можно приобрести пакетики сушеных трав или пузырьки настоек, приготовленных из листьев, цветков, плодов, корневьев, собранных в лесу, на лугах, в поймах рек, на склонах гор, в воде озер.

Пахучие растения — травы, кустарники, деревья — служат источником дорогих эфирных масел, потребляемых пищевой промышленностью, парфюмерией. Масла эти идут на производство духов, ими облагораживают сласти и всякие кондитерские изделия, а также разнообразные предметы санитарии и гигиены.

И, тем не менее, летучие ароматы не были всесторонне изучены. Никто всерьез ими не занимался. Да и как уловить их?

Оставалось загадкой, какое значение летучие вещества имеют в жизни самого зеленого друга. А тут еще каждое растение обладает собственным, присущим только ему запахом. У одних он прекрасен, у других отвратен. Что роднит их между собой?

Лет двадцать пять тому назад летучими ароматами заинтересовался молодой советский ученый Борис Петрович Токин, ныне профессор Ленинградского университета, доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии. Некоторые советовали ему не тратить попусту силы и время, пытались отговорить его от «вздорной затеи».

Токин не послушался советов «от души». И был прав. Однако потребовались годы напряженного творческого труда, затраченные не только на исследования, прежде чем удивительные факты, обнаруженные им, получили признание. Приходилось прокладывать свою тропку в дебрях, куда не заглядывали ученые, хотя дебри эти лежали у всех на виду и не нужно было снаряжать туда экспедиции. Они буквально находились у самого локтя: протяни руку — достанешь.

Сейчас узенькая «токинская тропинка» превратилась в широкий путь. Здесь вместе с Б. П. Токиным шагают многие советские ученые. Родилась, здравствует и развивается совершенно новая ветвь биологической науки — учение о фитонцидах. Речь идет о летучих веществах растительного происхождения. Слово «фитон» в переводе на русский язык — растение, а «циды» — убиваю.

Простые опыты, доступные даже скромно оборудованной лаборатории, показывают, насколько зеленое царство богато фитонцидами.

Острым ножом быстро на мелкие кусочки нарезают горсточку свежих листьев дуба. Поблизости от полученной зеленой кашицы — в двух — трех сантиметрах — пипеткой сажают каплю воды, кишмя кишащей мельчайшими живыми существами. Их легко увидеть в микроскоп. Тут не только различные одноклеточные — инфузории, амебы, но и зловредные давние враги человека — возбудители туберкулеза, брюшного тифа, холеры, дифтерии, нагноений.

Через несколько считанных минут нам предлагают эту каплю посмотреть под микроскопом. Какая разительная перемена! Недавно копошившиеся обитатели капли лежат недвижимые, словно парализованные. Что случилось? Они погибли. Но, может быть, они только «осоловели» от запаха? Нет. Даже если создать им архиблагоприятные условия, предложить излюбленную пищу, и тогда они, отравленные ароматом дубовых листьев, не оживут.

Уж не потому ли так трудно отыскать микробов в воздухе дубовой рощи? Видимо, потому. Когда на проверку в зеленую чащу принесли, соблюдая величайшую осторожность, лабораторные чашки с отлично развитыми, здоровыми колониями опасных возбудителей болезни, то спустя короткое время на поверхности питательного бульона (в котором они размножаются) самый искушенный глаз не мог под микроскопом найти ни одного живого микроба. Всех их уничтожили фитонциды дуба.

Естественен вопрос: только ли листья дуба отличаются счастливой способностью издали умерщвлять одноклеточные организмы? Нет, не только.

Так же метко поражают их фитонциды листьев березы, эвкалипта, лавровишни, черной смородины, хвои сосны, можжевельника, пихты, плодов черемухи, цитрусовых, яблони, корней хрена, дикого пиона, луковиц чеснока, лука.

Неопровержимо доказано, что любое растение земного шара, от знойного экватора до холодной тундры, выделяет невидимые вещества, обладающие свойством убивать различных бактерий, микробов, грибки, простейших. Летучие фитонциды служат как бы первой линией защиты растительного мира.

Различаются они силой действия: то бьют наповал в несколько секунд, то в течение минут, часов. Различаются они и своей избирательностью: разят одних, щадят других.

Благодаря киноаппарату удалось проследить все подробности гибели простейших. Научный фильм, воспроизводящий драматические перипетии смерти инфузории, занимает всего две минуты. В капле воды за 92,5 секунды бурно разыгрываются «трагические события».

Зритель видит на полотне экрана увеличенную до размеров овцы огромную инфузорию. Она спокойно плывет. Но вот рядом поставили кашицу, приготовленную из крошечного кусочка кожуры лимона. Вытянутое тело сразу сокращается, это — шар. Затем поверхность его светлеет, растворяется. Проходит несколько секунд. Неподвижный шар начинает распадаться, и вдруг, словно от толчка, он, подобно ракете, пролетает в сторону. Но тщетно: неотвратимые фитонциды настигают инфузорию и добивают ее. Она исчезает, оставив какие-то жалкие следы протоплазмы — маслянистые капельки.

Такова краткая история смерти инфузории. В ней еще много загадочного и непонятного. Тончайшие исследования, проводимые сейчас учеными, расшифруют тайну гибели инфузории. В этом заинтересована медицина.

Удивительно мощны фитонциды съедобных растений — чеснока, лука. На заурядной терке, какая найдется в любой кухне, натирают головку чеснока и кладут кашицу на дно стеклянной банки, со дна которой поднимается столбик высотой в пять сантиметров. На его верхней площадке намазан слой агара, питательного лабораторного студня, на котором посеяны тысячи спор дрожжевого грибка, идущего в тесто. Во втором сосуде, контрольном, без кашицы, также посеяны дрожжи.

Оба сосуда накрывают крышкой и ставят в термостат — шкаф, где создается благоприятная для роста грибка температура. Спустя сутки обе банки вынимают из термостата. В первом споры как лежали, так и лежат без всяких признаков жизни. Даже если теперь выкинуть кашицу, споры не тронутся в рост, они навсегда потеряли всхожесть, их отравило дыхание чеснока. Во второй банке на поверхности агара появилась пышная бархатная пленка: дрожжи отлично проросли.

Но, быть может, фитонциды губительно действуют только на царство невидимок? Отнюдь нет, их действие гораздо шире.

На дно небольшого стеклянного сосуда кладут несколько мелко изрубленных листьев или почек черемухи. Каких-нибудь четыре, пять почек весом в одну десятую грамма. Под крышку впускают обыкновенных комнатных мух. Сквозь прозрачные стенки видно: крылатым насекомым как-то не по себе, они суетятся, мечутся, носятся. Однако, несмотря на растерянность, ни одна не подлетает к тому месту, где лежит измельченная зелень. Наоборот, все они стремятся быть от нее подальше, точно их что-то отталкивает.

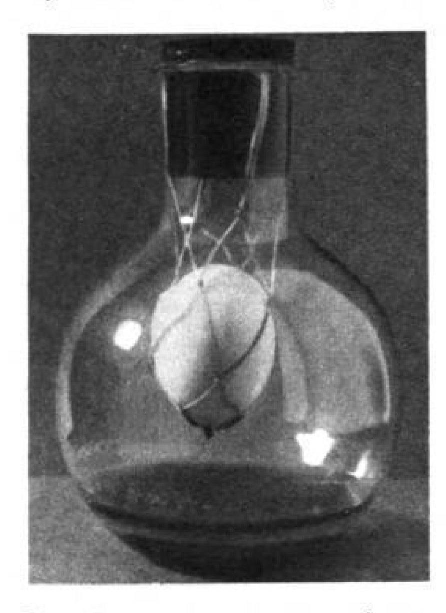
Еще секундная стрелка хронометра не совершила полного круга, как вдруг одна муха за другой

валится вниз. Конвульсивно дергаются лапки и замирают. Мухи мертвы? Да, многие погибли. Но если сразу вынести их на свежий воздух, то одна — другая оживут, словно они пробудились ото сна. Смерть, видимо, вызвана параличом нервной системы.

Черемуха убивает также мошек, слепней, комаров, других насекомых и клещей. И в этой «ненависти» она не одинока. Подобным же образом действуют листья эвкалипта, рябины, плюща, иглы пихты.

И, наконец, еще одно важное обстоятельство. С помощью фитонцидов, как мы уже говорили, растение обороняется от невидимок и насекомых. Однако существуют и такие, которых не пугают самые свирепые ароматы, а, наоборот, привлекают: под листком они находят стол и дом.

Такова, например, черемуховая тля, нежная и противная. Не остерегаясь, она благоденствует на черемухе. В ходе миллионнолетней эволюции, постепенного изменения, тля прекрасно приспособилась к этому дереву, ей не страшны, а полезны его фитонци-

Это яйцо, стерилизованное фитонцидами, висит внутри закупоренной банки почти пять лет. И оно сохранилось свежим.

ды. Кстати сказать, ученые насчитывают свыше 60 видов вредителей черемухи.

Даже чеснок нельзя назвать непобедимым. И у него есть свои недруги, которые лакомятся его соками. Словно ржавчина, луковицу пронизывает колония чесночной бактерии. Чеснок против нее бессилен. И любое другое растение тоже? Нет, фитонциды лука, сосны быстро убивают чесночного паразита. К ним он не подступится.

Пока речь шла о невидимках, насекомых и клещах. А как относятся к летучим ароматам более крупные животные, например, крысы, мыши, кролики? Совсем неплохо. Крысу заставили вдыхать летучие вещества чеснока. Грызун без заметного ущерба перенес их многочасовое воздействие, так же как, впрочем, и других пищевых растений.

Еще любопытнее опыт с кроликом. Спустя две недели после того, как он вволю надышался фитонцидами чеснока, его забили. Вскрытие показало, что легкие, печень, сердце, почки, селезенка — в нормальном состоянии. Отличались они только одним — продолжали пахнуть чесноком. Столь сильно он въелся! А ведь кролик даже не ел чеснока, а только вдыхал его аромат.

Вообще говоря, чесночная кашица обладает чрезвычайной стойкостью. Если большинство измельченных растений теряет свои фитонцидные свойства через несколько минут, то чеснок сохраняет их и через шесть — семь дней.

Сотни экспериментов, поставленных профессором Б. П. Токиным и его сотрудниками, свидетельствуют, что лук, чеснок, хрен, цитрусовые, беспощадно уничтожающие различные мельчайшие живые существа, безусловно полезны человеку. Но во всем надо знать меру и не впадать в крайность. Даже очень необходимые здоровью съедобные растения, потребляемые в чрезмерно большом количестве, способны принести не пользу, а вред.

Наряду с хорошими, известны и крайне «скверные» фитонциды. Летучие вещества измельченных листьев лавровишни, южного вечнозеленого растения, менее чем в полчаса расправляются с крысой. Расправляются насмерть. А большая порция — за четыре — пять минут. Так же губительно действует и черемуха, та самая, которую сосет слабая серая тля.

Может быть, фитонциды содержались в страшных ядах, к которым частенько прибегали сиятельные Борджиа и Медичи, властолюбивые отравители? Пропитав великолепный букет цветов растительными ядами, они посылали его неугодному им человеку; ничего не подозревая, тот вдыхал смертоносный аромат и падал мертвым...

А пушкинский «Анчар»! Кто не помнит чеканных строф:

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

Правда, поэт несколько преувеличил ядовитость этого дерева. Однако соком анчара действительно отравляли стрелы. Но зачем далеко ходить, в тропики. В наших лесах и болотах произрастают известные в народе растения, летучие фитонциды которых вредны для человека и животных.

Каковы взаимоотношения между фитонцидами различных растений? Иногда положительное, иногда резко отрицательное. Вот что показал опыт. Две ветки желтой акации ставят в стаканы с водой. Рядом с одним стаканом кладут спелое яблоко и накрывают их стеклянным колпаком. Таким же колпаком накрывают другой стакан с веткой. Дня через четыре на той ветке, что стоит по соседству с яблоком, все листья увянут и опадут. Их «оборвали» фитонциды плода. Вторая ветка, контрольная, как ни в чем не бывало, свежа. Сильнейшие фитонциды — яблока — победили.

Хрен, лук, чеснок, горчица, лавровишня обладают могучими консервирующими свойствами. Как плотно ни закупоришь банку, где находится мясо, при комнатной температуре оно испортится, заплесневеет в несколько дней. Зато, находясь в атмосфере этих растений, оно не испортится долгое время.

Если куски мяса, подвешенные на проволоке к крышке, обдать парами горчицы и лавровишни и оставить в закрытой наглухо банке, то мясо сохранится в течение

Профессор Б. П. Токин в лаборатории.
Фото Р. Мазелева.

двенадцати месяцев, не изменится даже его тончайшее строение.

Годится ли такое мясо в пищу? Этим вопросом занимаются сейчас ученые. Они исследуют, не произошло ли с мясом какой-либо порчи, невидимой глазу, тем более, что фитонциды лавровишни очень ядовиты.

Мы не пересказали и сотой части поразительных опытов, инициатором и вдохновителем которых был Б. П. Токин, создавший оригинальную теорию фитонцидов. Ими, по его мнению, зеленое царство как бы стерилизует себя, обороняется от полчищ врагов. Благодаря летучим веществам, видимо, в немалой мере, растения оказываются невосприимчивыми ко многим заразным болезням. Фитонциды восполняют пробел в других приспособлениях, приобретенных животными в процессе эволюционного развития.

Даже грибы, низшие формы растений, не составляют исключения. И они обладают фитонцидами, правда, чаще всего нелетучими. Вещества, производимые этими грибами, позаимствовал человек, чтобы лечить себя. В обиходе их называют антибиотиками. К их числу относятся пенициллин, стрептомицин, левомицетин, ауреомицин — препараты, спасшие тысячи и тысячи жизней. Антибиотики — новая увлекательная глава современной медицины.

В нашей стране достижения теории немедленно становятся достоянием практики. Так случилось и с фитонцидами. Они привлекли внимание медиков и пчеловодов, работников сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Нельзя ли летучими веществами одного растения уберечь от порчи плоды и ягоды других, сохранить их длительное время свежими, не прибегая к холоду, то есть не замораживая?

Опыт говорит: можно. Вместительный стеклянный сосуд перегораживают поперек на две неравные половины деревянной дощечкой с отверстиями. В маленьком нижнем отсеке кладут натертый хрен, а в верхнем большом — фрукты и ягоды. Края крышки, чтобы она плотнее прилегала и хорошо изолировала от наружного воздуха, смазывают тонким слоем вазелина.

Сколько пролежат закупоренные таким образом плоды при температуре в 18—20 градусов выше нуля? Почти пять месяцев и останутся свежими.

Много труда положила кандидат технических наук А. И. Рогачева, изучая фитонциды самых обычных овощей, идущих на производство знакомых всем консервов. Помидоры, морковь и свекла, баклажаны, перец и лук, хрен, укроп и петрушка стали предметом исследований.

А. И. Рогачеву занимал вопрос, что происходит с фитонцидами этих овощей и приправ, когда их варят, обжаривают, смешивают. Пропадают они или сохраняются?

Тщательные анализы и наблюдения дали очень приятный ответ: большинство овощей не только сохраняет свои фитонциды целыми и невредимыми, но и во время тепловой обработки они приобретают еще большую активность.

Когда фарш смешивают с приправами, их фитонциды, словно по команде, обрушиваются на невидимок. Таким образом, еще до того, как закупоренные банки попадут в автоклав на окончательную стерилизацию, внутри их микрофлора почти полностью уничтожена.

Значит, нет надобности столько времени держать банку в горячем котле. А чем короче срок стерилизации, тем выше качество овощных консервов, их вкус, аромат, цвет, больше витаминов остается целыми.

Новая методика, предложенная А. И. Рогачевой и ее сотрудниками, прошла строгую проверку в лабораторных и производственных условиях.

По новой технологии срок пребывания в автоклаве сокращается вдвое. Овощные консервы — фаршированные кабачки, помидоры, баклажаны, голубцы, перец — вместо 80 минут будут нагреваться 40. А консервированные огурцы вместо 15 — одну минуту.

Сейчас новая технология внедряется на многих консервных заводах нашей страны. Она позволит улучшить качество и увеличить производительность предприятия.

Наука о фитонцидах, юная отрасль биологии, находится в самом начале своего большого пути. Но уже достигнутое свидетельствует, что она таит в себе огромные возможности.

Пять дней в Веймаре

З. А. ЛЕБЕДЕВА,
директор Центрального туберкулезного института Академии медицинских наук СССР

Писательница Анна Зегерс среди немецкой молодежи.

«Вся Германия должна стать страной мира!»

Эти слова, написанные крупными буквами, обрамляли арку сцены театра в Веймаре, где происходил Немецкий конгресс борцов за мир.

Веймар неотделим от имен великих гуманистов Германии. В этом городе жили некогда Виланд, Гердер, Гёте, Шиллер. И с какой-то особой значительностью звучала обращенная к конгрессу приветственная речь мэра города доктора Вибемана.

— Из Веймара,— сказал доктор Вибеман,— сегодня на всю Германию прозвучит самый гуманный из призывов — призыв к миру...

Этот призыв донесут до каждого честного немца тысяча двести делегатов конгресса от Германской Демократической Республики и представители двадцати пяти городов Западной Германии. О воле немецкого народа к миру расскажут своим народам приехавшие на конгресс гости из четырнадцати стран.

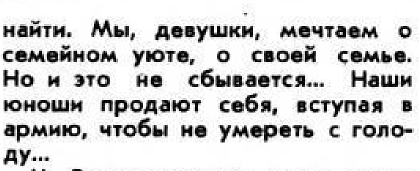
Веймар, как и другие немецкие города, жил в эти дни напряженной жизнью. В гостиницах, в воротах фабрик и заводов, в автобусах, рабочих клубах — всюду делегатов и гостей встречали крылатой фразой: «Все немцы — за один стол!»

Мы побывали на встрече молодежи Западной и Восточной Германии. Тема разговора была такая: «Молодежь Германии должна выбрать путь».

Смотришь на собравшуюся молодежь — и даже по внешнему виду можешь точно сказать, откуда эта девушка или вот тот юноша. Замкнутые лица, скованные движения, взгляд, устремленный не на собеседника, а блуждающий, безрадостный, - настороженный,— таков облик многих западногерманских делегатов. Это большей частью безработные, некоторые из них получили среднее образование, но не знают, к чему приложить свои силы и знания.

Худенькая восемнадцатилетняя девушка М. Рутлос смущается и краснеет: она впервые в жизни выступает с речью.

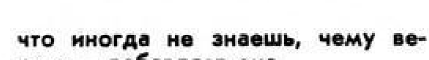
— Но я не могу молчать! — говорит она.— Молодежь в Западной Германии беспризорна. Наши волнения, наши радости никого не трогают... А мы тоже хотим иметь свой твердый жизненный путь. Прошел год, как я окончила школу; дальше учиться у меня нет средств, а работы я не могу

найти. Мы, девушки, мечтаем о семейном уюте, о своей семье. Но и это не сбывается... Наши юноши продают себя, вступая в армию, чтобы не умереть с голоду...

М. Рутлос кончает свою грустную речь. Она говорит, что молодежь хочет мира и готова бороться за него, но условия в Западной Германии очень тяжелы...

— Кроме того мы путаемся в противоречивых сведениях, так

что иногда не знаешь, чему верить,— добавляет она.

Как бы подтверждая слова девушки, писатель из Гессена рассказывает о молодом художнике, которому пришлось отдать свой недюжинный талант для рисования реклам. Потом этот художник решил, что выгоднее иметь свой магазин и торговать бельем. Наконец он сделался донором, стал торговать своей кровью... Многие молодые писатели, обладающие подлинным талантом, растрачивают его на бульварную литературу, которую легче сбывать...

Делегат из Гессена вспоминает, как засасывает немцев в свою трясину так называемый «американский кредит», очень распространенный в Западной Германии. Покупка в рассрочку мебели или швейной машины делает человека неоплатным должником. Нередко из-за внезапной безработицы, чтобы хоть как-нибудь покрыть скопившийся долг, юноши уходят в армию...

Гертруда Шен говорила о воспитании западногерманской молодежи и детей.

— Это заколдованный круг! — воскликнула она.

Дети и подростки смотрят гангстерские фильмы, их запугивают сказками о «большевизме, грозящем с Востока». Об этом они беспрестанно слышат по радио.

Художники Западной Германии вынуждены продавать свои картины на улицах. Плакат гласит: «Живопись — по крайне дешевым ценам!»

— Воздух Западной Германии,— говорит Гертруда Шен,— наполнен миазмами разврата и так называемой мнимой «личной свободы», которой молодежь пользуется только для «свободного» разврата...

Сочувственные ответные возгласы из зала на речи ораторов все нарастали... Здесь как бы стирались зональные границы. Конференция молодежи запада и востока Германии превращалась в непринужденную беседу братьев и сестер единой германской нации. Эти юноши и девушки, воспитываемые в прямо противоположных направлениях, одинаково жаждут мира, объединения своей родины, одинаково стремятся к честному труду и достойному человеческому существованию.

Ко мне подошел человек средних лет, и среди шума голосов молодежи я услышала голос, в котором звучала мольба и в то же время требование:

— Нельзя, чтобы у нас, на западе Германии, дети зверели! Нельзя, чтобы мы были косвенными виновниками того, что им забивают голову ложью и клеветой на Советский Союз и другие страны, которые хотят мира...

Мой собеседник рассказал историю тяжелых переживаний своего одиннадцатилетнего сына. Однажды мальчик, возвратившись из школы, впервые подверг сомнению правдивость того, что рассказывали родители о Советском Союзе как о стране, отстаивающей мир. Отцу нетрудно было переубедить сына, приведя очевидные, доказательные факты. Мальчик снова повеселел, и мир в доме, казалось, был восстановлен.

Однако на следующий день сын вернулся из школы в слезах, с синяками и царапинами. Одноклассники рассказали учителю о его «вольнодумстве». Учитель строго наказал мальчика. Он всячески старался подорвать авторитет его родителей, надругался над их идеями. Но и на этом страдания ребенка не кончились. Когда он возвращался домой, из-за угла на него набросилось несколько подростков. Они жестоко избили его, изорвали одежду.

По словам отца, отношения ребенка с семьей испорчены. Сын все больше и больше уходит в себя, перестает общаться с родителями.

— Надо, чтобы мы имели возможность воспитывать наших детей так, как их воспитывают в прогрессивных, демократических странах! — закончил отец свой полный горечи рассказ.

Совершенно иным встал перед нами на этом собрании облик юношей и девушек Германской Демократической Республики. С какой страстью, с какой живой заинтересованностью рассказывали они о работе, об учебе! И главное, в голосе каждого звучала твердая уверенность, что для них открыты все дороги, что любой юношеский «план жизни» будет претворен в действительность.

Уже после, на фарфоровом заводе в Бланкенхайне, мы беседовали с учениками тамошней профшколы. Ребята учатся художественной росписи фарфора, овладевают техникой производства и вместе с тем три раза в неделю посещают нормальную школу. Директор завода Тауше принимает самое теплое участие в делах молодежи. Ребята окружили нас, когда мы были у них на заводе, задавали массу вопросов. Но еще охотнее рассказывали они о себе, о развитии своих цехов, об усовершенствовании производства, о больших, но реальных и сбывающихся личных планах...

* * *

Мы побывали в Бухенвальде — этом страшном памятнике гитлеровских злодеяний. С нами был французский рабочий, который в течение полутора лет был заключенным Бухенвальдского лагеря. Француз покинул его, когда лагерь еще не был взорван. При нас произошла неожиданная встреча. Немец, руководивший осмотром лагеря, тоже был узником Бухенвальда.

И вот эти два человека вместе вспоминали страшные мучения, которые им пришлось перенести. По макету и полуразрушенным зданиям лагеря они восстанавливали в памяти дни и месяцы, прожитые на краю гибели. Мы все обнажили головы, когда подошли к мемориальной доске товарища Эрнста Тельмана.

Потрясенные, мы возвращались из лагеря. В этот же день мы должны были встретиться с делегатами Западной Германии. Они пожелали в тесном кругу, за чашкой кофе, побеседовать с нами, советскими людьми.

Среди приехавших из Западной Германии были католический священник, пожилая женщина-профессор, были домашние хозяйки, были безработные с бледными лицами и какими-то неуверенными, робкими движениями. Много было инвалидов: на костылях, со слуховыми аппаратами, в черных очках, скрывавших обезображенные войной глаза.

После первых же взаимных вопросов некоторая первоначальная натянутость быстро исчезла. Люди начали говорить о себе. Женщина лет сорока пяти просто и откровенно рассказала о том, как трудно прожить на заработок, получаемый мужем.

— Почему же вы не работаете? — спросил ее кто-то.

— По старости! — был краткий ответ.

— Вы больны и нетрудоспособны?

— Нет, я здорова. Но безработица у нас так велика, что мы в сорок пять лет должны уступать место молодым. Это и называется у нас «по старости»...

Одна из женщин, немолодая, но живая и экспансивная, рассказывала, как она боялась ехать сюда, в Веймар: ее всячески запугивали. Прибыв в Германскую Демократическую Республику, она все озиралась по сторонам: когда, где и под каким предлогом ее арестуют... Однажды ей показалось, что служащий народной полиции слишком долго идет вслед за ней. Она круто повернулась к нему и резко спросила: «Почему вы за мной идете?» Полицейский — это был совсем еще юноша — густо покраснел от такого вопроса. Он объяснил, что идет по своим делам, к знакомому...

— Тут настал мой черед покраснеть, — смеется рассказчица.

В Западной Германии ее убеждали, будто в ГДР люди умирают с голоду, что купить там будет нечего.

— Я взяла с собой каравай хлеба, сухари и некоторые другие продукты. Все это высохло и испортилось, и мне будет стыдно везти свои припасы домой. Но я возьму их обратно, чтобы доказать, как мы заблуждаемся насчет жизни немцев здесь, на Востоке...

Многие из вопросов, которые задавали нам делегаты Западной Германии, были наивны, поражали своей примитивностью. Вопросы эти свидетельствовали о полном незнании нашей советской жизни. Они отражали также настойчивые усилия врагов мира создать у населения Западной Германии лживое, искаженное представление о Советском Союзе.

В этой связи вспоминается такой эпизод.

Мы сидели в небольшом кафе, где собрались делегаты и гости конгресса в Веймаре. После нескольких дней совместной работы все перезнакомились, сблизились.

За коротким завтраком не умолкала оживленная беседа, она сменялась песнями. Характерно: пели большей частью советские песни. Их знали все присутствующие: французы, швейцарец, бельгиец, датчанка, англичанка, норвежец и многие другие. Пусть слова произносились на разных языках, но мелодия и чувство, вложенное в песню, роднили всех. Только один юноша из Западной Германии так робко шевелил губами, что даже мотива песни не было слышно.

Мы разговорились с ним.

— Я не знаю ваших песен, — сказал юноша. — Я их никогда не слышал. Они мне открыли сегодня что-то новое, совсем новое, но какое-то близкое, как из забытого детства.

— Откуда вы?

— Я из американской зоны. Выехал я оттуда впервые. Там говорили, что мне грозят в Восточной Германии всякие ужасы, голод, издевательства. И вот я слушаю, как вокруг люди на разных языках поют ваши песни...

Вдруг он подошел к пожилому человеку, делегату из Берлина, и горячо воскликнул:

— У меня открылись глаза! Я вернусь и расскажу, что узнал правду!..

* * *

За эти несколько дней мы увидели разных людей из Западной Германии. Было очевидно, что некоторые из них блуждают в потемках, топчутся на месте, не зная, как решить самые насущные, жизненно важные вопросы, не понимая, что выход, которого они ищут, найден их братьями здесь, в Германской Демократической Республике. Вместе с тем мы видели в этих людях непробужденную, но готовую пробудиться силу германского народа, его неистребимое желание видеть Германию единой, мирной, демократической.

И, с другой стороны, где бы мы ни побывали в Германской Демократической Республике, мы видели всенародное стремление немцев к единству. У шахтеров Аннаберга, у рабочих Карлмарксштадта, у писателей, художников, музыкантов, на заседании Академии художеств в Берлине — всюду чувствовалось: люди ищут путей к единению со своими соотечественниками в Западной Германии. Каждый отдает свой труд, свою энергию, свои знания делу мирного разрешения германского вопроса. У каждого на устах слова: «Германия должна стать страной мира».

...Мы возвращались в Москву на самолете. Случай помог нам еще раз встретиться с молодежью ГДР: группа молодых актеров и музыкантов ехала через Советский Союз на гастроли в Китай.

Берлин провожал нас теплой осенней погодой, но уже в Минске встретил глубокий, пушистый снежный покров. И надо было видеть, как веселилась молодежь ГДР, как азартно играли юноши и девушки в снежки, как жизнерадостно звучал их смех!

После Всегерманского конгресса борцов за мир нас сопровождала юность возрождающейся Германии, ее живая надежда. В этих бодрых молодых голосах, звучавших под зимним советским небом, слышалась готовность осуществить то, что было провозглашено в Веймаре от имени всего германского народа.

Художники Индии

Наш журнал продолжает знакомить читателей с творчеством художников Индии, печатая репродукции произведений, которые были показаны на выставке индийского искусства в августе — сентябре минувшего года в Москве, Ленинграде и Киеве.

Здесь можно было увидеть разнообразные по содержанию и манере произведения, говорящие о различном отношении их авторов к жизни и к искусству.

Искусство Индии на протяжении многих столетий впитывало в себя глубокую народную мудрость и поэзию суровых гор, таинственных джунглей, шума прибоя океана и тишины рек, разливающихся в долинах.

Во многих живописных работах современные художники Индии используют опыт старой миниатюры, с ее изяществом, реалистическим построением сложных композиций, наглядной передачей движения. Тонкий рисунок и сочность палитры присущи работам Ванраджа Мали («Свадебное шествие») и Налимы Дея («Шествие слонов»).

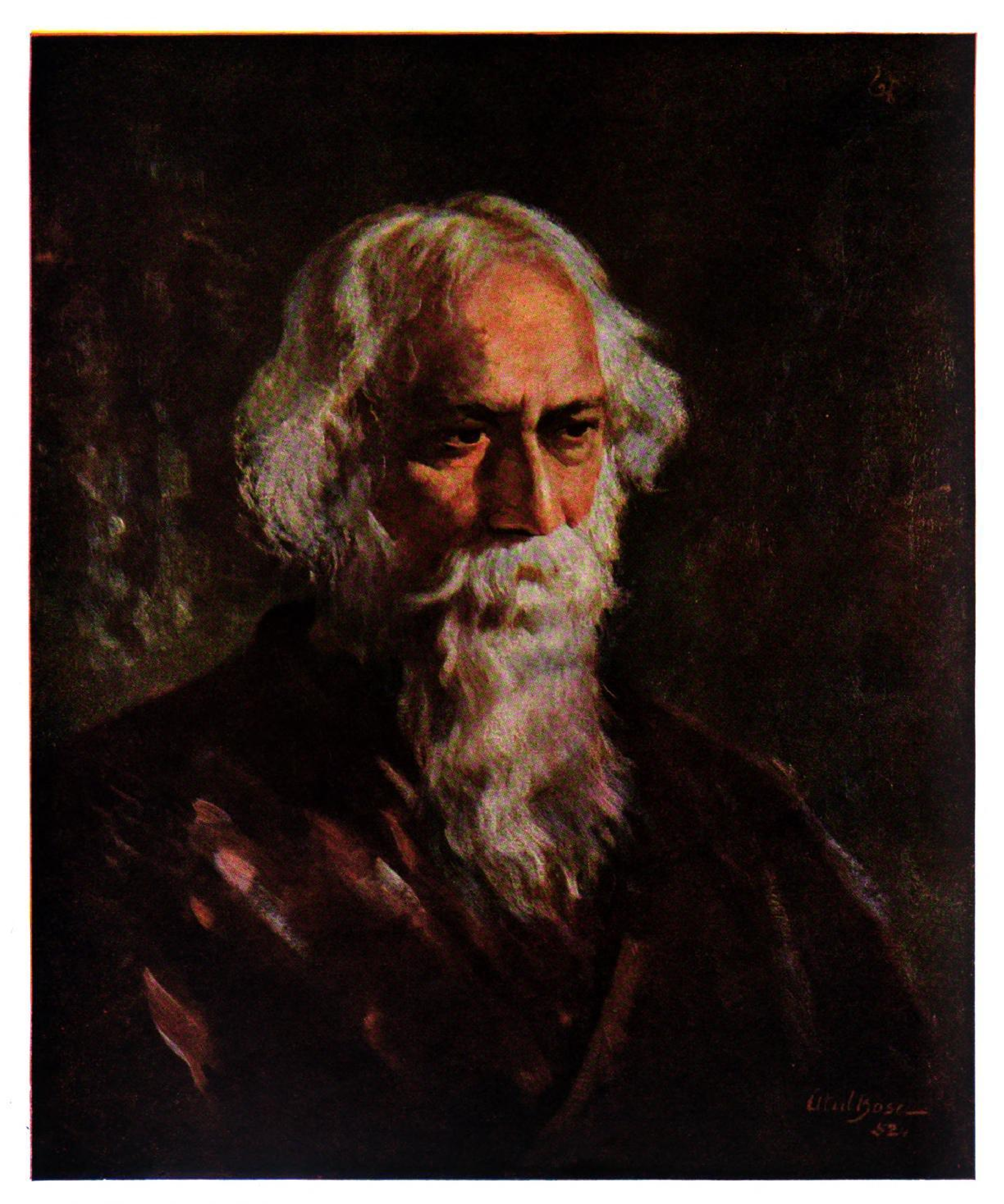
«Первая любовь» — так назвал свое поэтическое произведение Гопен Рой. Легкая грусть, первые сомнения девушки, образ которой идеализирует художник.

Значительный интерес представляют работы Матхавы Сатвалекара «За очисткой гвоздики. Занзибар» и Прободха Даса «Первый урок», в которых национальное своеобразие темы, цветового решения сочетается с правдивостью и жизненностью изображения.

С большим мастерством выполнен художником-реалистом Атул Босом портрет замечательного индийского поэта Рабиндранатха Тагора.

В каждом произведении, связанном с жизнью, будь то миниатюра или большое полотно, ярко проявляется темперамент, характер великого индийского народа.

Н. СВЕТЛОВА

Атул Бос. ПОЭТ РАБИНДРАНАТХ ТАГОР.

Ванрадж Мали. СВАДЕБНОЕ ШЕСТВИЕ.

Гопен Рой. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Налима Дей. ШЕСТВИЕ СЛОНОВ.

Матхава Сатвалекар. ЗА ОЧИСТКОЙ ГВОЗДИКИ. ЗАНЗИБАР.

Прободх Дас. ПЕРВЫЙ УРОК.

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Рассказ

Сергей АНТОНОВ

Рисунки В. Богаткина.

По делам, связанным с работой изыскательской партии, мне пришлось на несколько дней заехать в поселок Кола (недалеко от Мурманска). Там я поселился в доме своего старого приятеля по институту инженера-дорожника Бориса К. Мы давно не виделись. Борис немного постарел внешне, но как-то помолодел душой. Он был влюблен в свою работу, в свой север, в свою жену Ольгу Николаевну, а двухлетнего сына Андрейку баловал сверх всякой меры.

Они жили открыто, свободно, не считая нужным скрывать свои разговоры от постороннего. Это были простые работящие люди, уверенные в том, что ведут себя честно и правильно. Ольга Николаевна называла мужа «наш Борька», а супруг ее, пододвигая мне за ужином миску с цветной капустой, говорил, смущаясь:

— Имей в виду: если все не съешь, она обидится.

Однажды вечером, вернувшись с работы, Борис сказал:

— Начинается северное сияние.

До сих пор я имел представление о северном сиянии только по картинкам. То, что я увидел теперь, меня несколько разочаровало.

Черное небо во многих местах словно протерлось, и сквозь огромные продолговатые пятна просвечивал мутный, холодный, бледно-зеленый свет. Вскоре смутные пятна приняли более резкие очертания, отделились от небесного свода и повисли между небом и крышами поселка в виде длинных, плавно изогнутых мерцающих лент. Они, казалось, не излучали свет, а вбирали остатки его из воздуха, и от этого на улицах поселка стало еще темнее. Ленты были прозрачны, и сквозь них ясно просвечивали звезды. Затем зеленый свет усилился, ленты разделились на множество острых волокон, и по ним снизу вверх начали перебегать то красные, то желтые волны. Волокна заколебались, словно раздуваемые ветром, и стали неуловимо менять окраску, мерцать и пульсировать. Что-то беспокойное было в этом зрелище.

— Ненастоящее сияние,— сказала Ольга Николаевна,— сейчас оно кончится.

— Ну откуда ты знаешь? — возразил Борис.

— Сегодня для настоящего сияния нет условий,— объяснила Ольга Николаевна.—Слишком сухой воздух.

— Это еще не известно.

— Давай спорить.

Они совершенно серьезно поспорили и попросили меня разнять их руки.

— Как это вам посчастливилось найти друг друга? — вырвалось у меня.

— Все находят,— засмеялась Ольга Николаевна,— была бы охота.

Я сказал, что не всегда находят того, кого надо.

— Потому что слишком много думают,— заявил Борис.— В этих делах надо меньше думать, а больше полагаться на чувства.

— Не всегда так,— возразила Ольга Николаевна.— Чувства тоже могут обмануть. Иногда за любовь принимают только потребность любить. Особенно женщины.

— Это все дамские теории,— отмахнулся Борис.

— Хочешь, я тебе покажу письмо, которое докажет, что я права? — сказала Ольга Николаевна.— Подруга писала его мне года четыре тому назад. Теперь его читать всем можно.

Она достала из комода штук десять листочков, вырванных из общей тетради, и положила на стол. Листочки были исписаны модной в то время шариковой ручкой.

Вот это письмо:

«Умная моя Олька!

Ты не представляешь, как я обрадовалась твоей весточке. Вчера пришла с вечера самодеятельности домой (нам теперь новое общежитие построили — у реки), а Надя Маслюкова машет перед самым носом зеленым конвертом и велит плясать. Я сразу догадалась, что письмо от тебя. Прочитала первую строчку «добрый день» (а был первый час ночи) и засмеялась. Так и смеялась все время, пока читала, до сáмого конца. Все-таки ты самая верная моя подруга — больше у меня и нет никого. Помнишь, какую физиономию состроил учитель химии, когда мы в седьмом классе настригли ему промокашки вместо лакмусовых листочков и у него ничего не получилось? Кажется, это было совсем недавно. А ты уже стала государственным служащим, а я — на третьем курсе сельскохозяйственного техникума. Прямо ужас!

Сейчас у нас большая перемена, и я отвечаю на твой вопрос. Ты, конечно, понимаешь, что советовать тебе что-нибудь очень трудно. Ведь человека, к которому тебя «бешено потянуло», я не знаю. То, что он красивый, еще ничего не доказывает. Красота — на время, а характер — навсегда,— это истина, не требующая доказательств. Но у меня легкая рука, и поэтому я подробно напишу, как тебе поступать. Тем более, сегодня мне грустно, а в такую пору лучше всего получаются письма. Да, Олька, твоя легкомысленная Лушка-хохотушка начала иногда грустить. Даже плохая погода стала печалить меня. У вас там, в Мурманске, наверное, уже зима, а здесь все еще осень, мокрая, черная, и нет ей ни конца, ни края. Я каждый день жду снега. Жду, когда все дорожки, тропинки и тротуары покроются белой скатертью, тоненькой-тоненькой, чтобы следы пропечатывались до самой земли. Я, как маленькая, люблю первый снег. Первый снег — самый чистый, самый белый. Потом он уже никогда не бывает таким. Правда, Олька?

В общем сейчас такая же погода, как в прошлом году, когда ты приезжала домой в отпуск. Помнишь, когда твой знакомый был занят и я пошла с тобой в театр на лишний билет? Вот сейчас точно такая же погода. Между прочим, в театре у меня произошло важное событие, а ты ничего не заметила. Только удивилась, когда в антракте я попросила у тебя помаду и намазала губы этой сладкой дрянью. Помнишь? А накрасилась я потому, что на меня смотрел незнакомый человек. Он сидел в ложе. У него были серые глаза и волнистые волосы. Сначала я по привычке подумала, что он смотрит на тебя. Но потом поняла, что ошиблась. Он смотрел на меня пристально и не нахально. Правда, это было тоже не удивительно. Ребята всегда заговаривали сначала со мной, чтобы легче было познакомиться с тобой. Ты у меня была типичная перебеечка, Олька. Но я нисколько не обижалась— ведь ты и умная, и физкультурница, и артистка, а я вся серая, как куропатка, и вдобавок недоросточек и нос — сапожком. Значит, все было правильно. И сейчас в техникуме ребята глядят на меня, как на пустое место, и называют «масштаб три четверти». Думают, что очень остроумно. Они по-настоящему начинают относиться к девушке только тогда, когда за ней кто-нибудь ухаживает,— это истина, не требующая доказательств.

В общем все это чепуха, и мне весело. Только иногда, бывает, возвращаешься в общежитие мимо чужих домов, поглядишь в чужое окно, где между цветочками, закрывши глаза, сидит котенок, а за столом под большой лампой пьют чай,— так заноет сердечко, так становится жалко себя, что села бы тут на ступеньки и заревела. Ученье ученьем, а, кроме ученья, охота подумать и о семье и о будущих ребятишках. Что ни говори, а годы подошли для такой думки. Я очень понимаю Надю Маслюкову, когда она бросает ни с того, ни с сего карандаши да лекала и поет на всю комнату: «Общежитье наше девичье на самом берегу до того мне опротивело — столкнула бы в рéку». Хотя ударение неправильное, зато верно.

Но я совсем на сторону поехала. Так вот, значит, на меня смотрел из ложи сероглазый мужчина. Во втором антракте, неизвестно по-

чему, я догадалась, что ты совсем не при чем, ему важна я. Я стала следить за ним, и когда он переводил глаза на сцену, мне становилось обидно, как будто он изменяет мне. Помнишь: на сцене танцует пожилая балерина с напудренной спиной, старается изобразить какие-то страсти-мордасти, и ты переживаешь за нее. А мне тогда не было дела ни до тебя, ни до балерины. Я вся натянулась, словно в меня приготовились стрелять.

Концерт кончился. Мы с тобой вышли на темную улицу. За нами кто-то шел. Шаркали калоши. Я чувствовала, что это не он, но долго боялась оглянуться. Наконец не выдержала, стала поправлять ботик и посмотрела назад. Какой-то выпивший дяденька прошел мимо, шаркая калошами. Я понимала, что все кончилось, но радость не унималась во мне, и я сказала: «Какой хороший пьяненький!». В ту ночь все было хорошее: и черное небо, и мокрая улица, и прохожий дяденька, и маленький, как отрезанный ноготок, месяц, и ты, Олька, была очень смешная и хорошая.

(Звонок. Мне нужно записывать лекцию. У нас сейчас генетика. Продолжу на следующей перемене.)

Потом, когда ты уехала, мы с ним случайно встретились. Помнишь трамвайную остановку у магазина «Кожгалантерея»? Там останавливаются все трамваи — и первый и второй номера. Там я увидела его. Он тоже ждал трамвая. Подошел второй номер. Мне надо было садиться. Но я осталась. Подошел первый. Он тоже остался. Потом снова подошел второй. Мы остались оба. Он закурил «Беломор» и, видно было, сильно волновался. Мне почему-то стало смешно от того, что человек солидный и самостоятельный так из-за меня волнуется. Я стояла, едва удерживаясь от смеха. Еще подошел какой-то трамвай. Не знаю, какой. Мы остались. Мы были только двое на остановке — он и я. Наконец он подошел. Заговорил. Заговорил о театре. О балерине. Сказал, что изобразить страсть с пустым сердцем невозможно даже на сцене. Я возразила, чтобы показать, какая я умная. Мы условились пойти в кино и там решать наш спор. Потом он уехал на первом номере, а я на втором.

(Ой, Олька, опять пришел лектор! Но я не могу его слушать. Буду писать тебе дальше.)

Ты можешь понять, какое у меня было состояние? Раньше, приходя в техникум, я сразу узнавала по одежде девчат, кто из них в этот день собирается на свидание, и, конечно, завидовала. Но вот я тоже пришла в техникум в лучшем платье, и все догадываются, что после занятий я пойду не в общежитие, а куда-то еще, и тоже смотрят на меня с завистью и любопытством. И оттого, что на меня обратил внимание солидный мужчина, у меня в тот день было столько энергии! Я истратила ее на вычерчивание эпюры и первый раз в жизни получила пятерку.

День кончился, наступил вечер. Мы с ним попали на фильм-концерт, в котором участвовала та же самая балерина. Потом он провожал меня, потом я его, потом снова он провожал меня. Была холодная, поздняя осень. Шел дождь. Мы ходили так долго, что у меня ноги примерзли к ботикам, и я подумала, что со стороны, наверное, очень смешно смотреть, как ходят двое туда-сюда, мерзнут и рассуждают об искусстве.

Ой, Олька, я ведь тоже забыла описать своего знакомого! Во-первых, у него очень красивое имя — Геннадий. Волосы у него светлые, вьются, но кудри не завитые, а самородные. В общем он похож на Семена Семеновича, только гораздо лучше.

(Ребята засмеялись. Интересно, что может быть смешного в таком предмете, как генетика?)

Между прочим, после твоего отъезда я подружилась с Надей Маслюковой. Она теперь не такая взбалмошная, как раньше. Наука все-таки облагораживает человека — это истина, не требующая доказательств. Как только я рассказала ей про Геннадия, она стала приставать, чтобы он был ей показан. В конце концов мне пришлось взять ее на каток, где мы с ним встречались. По пути Надя затащила меня в «Кожгалантерею». Ей понадобилось сменить сумочку с плохим замком, купленную в этом магазине. Продавец осмотрел сумочку, вытряхнул из нее пудру и помаду и сказал, что такой товар не обязательно запирать на крепкий замок, что на такой товар никто не позарится. Надя взорвалась и стала требовать директора. Ты ведь знаешь, какая она. Покупатели тоже зашумели. Пришел директор, и я прямо застыла — это был Геннадий в черной гимнастерке. Народу было много; как только начался шум, я отошла к дверям, и он не заметил меня. Сумочку все-таки обменяли, и мы с Надей вышли на улицу. «Что ты кипятишься, ведь все в порядке?» — спросила я ее. Она ответила, что если бы не книга жалоб, то этот фрукт (это Геннадий — «фрукт») ни за что бы не обменял сумочку. Я сказала, что, по-моему, директор — простой и хороший человек. Надя ответила, что все они на вид простые и хорошие, а на самом деле жулики или «фрукты».

После этого, сама понимаешь, знакомить ее с Геннадием было бы глупо. Я наврала, что у меня болят зубы, и пошла домой. Через несколько дней мы с ним встретились, и я сказала, что чуть не ослепла от удивления, когда увидела его в магазине. Я все время почему-то думала, что он архитектор. Он долго смеялся. Потом стал рассказывать о своей работе. Оказывается, торговое дело очень интересное. Он рассказывал, что хочет сделать в своем магазине выставку сумочек-«рекордсменок»: в одной витрине показать сумочки, которые расхватывают, а в другой витрине — сумочки, которые никто не берет. И под каждой сумочкой адрес фабрики и фамилия директора. Правда, интересно?

Я дружила с Геннадием полную зиму. Весной он уехал на курсы и вернулся в конце лета. И за это время во мне открылся недостаток: оказывается, я совсем не умею скучать. После его приезда мы встречались снова и расстались три дня тому назад, кажется, навсегда.

Дело было так: шестого ноября он зашел ко мне. Я собиралась на вечер в техникум. Я все еще участвую в нашем хоре, и, несмотря на то, что у меня «недостаточные внешние данные» (так говорит руководитель), мне поручают запевать «Ой, темны вы, думы девичьи, как дремучий лес, вы запутаны» и разные другие песни.

Он позвал меня пойти посмотреть его выставку. Я объяснила, почему не могу. Я говорила ему про наш хор, а он грустно смотрел на меня своими серыми глазами. И тут я спохватилась, что не догадалась пригласить его к нам на вечер. И, конечно, пригласила. Мы пошли. «Почему за все время я ни разу не звала его в наш техникум?» — подумала я. Хотя это неправильно. Так подумал он, а мне просто передались его мысли.

И я сама задумалась, почему это так. Сначала я оправдывала себя тем, что профком не любит, когда на студенческие вечера приходят посторонние лица. Но это была не главная причина. Главная причина состояла в том, что мне было совестно показывать Геннадия нашим ребятам. Ведь тебе известно, как наши мальчишки ухаживают за девчатами, как покупают билеты в складчину, как помогают решать задачки. Все это просто и привычно. А тут я, студентка третьего курса сельскохозяйственного техникума и член редколлегии «За урожай», приду под ручку с директором магазина, с человеком, имеющим положение. Надя Маслюкова сразу же раззвонит, кто это такой. Что подумают обо мне ребята?

Вот, Олька, что я поняла про себя, когда мы шли к техникуму. Вдруг Геннадий остановился, стал закуривать и сказал: «Я лучше не пойду, Луша». И руки у него сильно дрожали, пока он закуривал. Я спросила: «Почему?» Он сказал: «Потому что вам это не нужно». Я сделала такой вид, будто сильно удивилась, и спросила: «Откуда вы это взяли?» Он сказал: «Я знаю». Я сказала, что он совершенно неправ, и даже попробовала засмеяться, но смех получился ненормальный: три «ха-ха», как в театре. Он выслушал меня, попрощался и пошел обратно. Ой, как мне было худо в тот вечер, Олька! Я постояла немного, потом догнала его и пошла рядом. Он сказал, что я опоздаю на вечер. А я шла рядом с ним и молчала. Тогда он сказал, что мы встретимся после праздников. А я все шла рядом. Так прошли два квартала. Я подумала: «Будь что будет!» — и призналась, что не могу жить без него.

Он взял меня под руку, как больную, и сказал, что по расписанию, сделанному природой, мне пришло время говорить эти слова — вот я их и говорю. А на самом деле настоящего чувства у меня нет и тянет к нему одиночество, потребность в друге и что мне, попросту говоря, льстит, что за мной ухаживают. Потом он сказал, что не сомневается в моем хорошем отношении к нему, но какой-то драгоценной крупинки, которая все это превращает в любовь, у меня нет.

— А у вас есть? — спросила я.

— У меня есть,— сказал он отрывисто, даже как-то сердито, и ушел.

Потом вернулся, отдал мне мой чемоданчик, который по забывчивости чуть не унес, и опять ушел, не попрощавшись.

А я долго стояла одна на пустой улице, ожидала, что он снова вернется. Но, конечно, он не вернулся.

Как я пела на вечере, лучше тебе не рассказывать.

Потом я две ночи думала, что за странный человек этот Геннадий, и наконец все-таки призналась себе, что все, что он говорил, правда. Мне стало понятно, почему я смеялась на трамвайной остановке, хотя ничего смешного не было, почему я не знакомила его с нашими ребятами, почему не скучала летом. Любовь у меня к нему была ненастоящая, списанная с альбома. Если бы она была настоящая, разве бы я скрывала ее от наших ребят? Никогда бы не скрывала, даже если бы Геннадий был какой угодно начальник.

Мне было страшно понять это, но я очень благодарна ему. Если бы он пошел навстречу, то получилась бы еще одна несчастливая семья — и больше ничего. Я благодарна ему и нашим студентам, которые сидят сейчас и впереди и сзади меня, записывают что-то про икс-хромосомы и никогда не узнают, какую роль сыграли они в моей грустной истории. Вот видишь, Олька, как у меня: еще любить не научилась, а горя натерпелась.

Опять пошел дождик. Перечитала свое письмо и увидела, что забыла ответить на твои вопросы. А писать больше не могу. В следующем письме отвечу. Плакать хочется. Между прочим, у нас продаются туфли на низком каблуке, твой размер, микропористая подошва, широкий рант, цена — сто шестьдесят два пятьдесят. Если надо — срочно напиши.

Твоя Луша».

Пока мы читали, северное сияние действительно кончилось, и над поселком чернело холодное небо, усеянное большими, яркими звездами.

Я спросил, где сейчас Луша.

— Работает агрономом в Вологодской области,—ответила Ольга Николаевна.— В прошлом году вышла замуж. За учителя.

— Пишет?

— Редко. Если бы плохо жила, писала бы чаще.

Ольга Николаевна аккуратно собрала листочки письма, спрятала в комод и пошла готовить ужин.

Кадр из фильма «Нет мира под оливами». В центре — Лючия (Л. Бозе).

Творчество БЛИЗКОЕ НАРОДУ

Об итальянских фильмах

Р. ЮРЕНЕВ

Современные итальянские фильмы нашли внимательного, благородного и взыскательного зрителя в нашей стране. Они с успехом идут и в Лондоне, и в Варшаве, и в Швеции, и в Австралии, в Париже, и в Токио.

Невольно возникает вопрос: откуда взялась у этих фильмов такая сила в то время, как киноискусство других капиталистических стран приходит в упадок, зажатое в тисках реакции, захлебываясь в потоке стандартных голливудских «боевиков»? Известно, что Швеция и Дания выпускают с каждым годом все меньше и меньше фильмов, что во Франции в силу создавшихся там условий только талантливые одиночки одерживают нечастые победы. Про испанскую и греческую кинематографию никто ничего не слышит, а австрийские фильмы не поднимаются выше посредственности.

Итальянский народ, голодный и талантливый, веселый и нищий, гордый и добрый, хочет, как и все народы земного шара, свободы, мира, труда. Он не желает, чтобы немецких надсмотрщиков сменяли американские. Он не желает, чтобы останавливались заводы и рудники, пересыхали оросительные каналы, а нажившиеся на войне кулаки обирали крестьян. Он требует, чтобы народные деньги шли на мирное строительство, а не на американские танки и пушки.

И вот на улицах городов и сел произошло рождение итальянского демократического киноискусства. Своеобразие его в том, что павильон для съемок заменила улица, в том, что вместо кинозвезд снимаются в фильмах безработные токари и безземельные крестьяне. Но главное, что делает итальянские фильмы обаятельными, что составляет их силу,— это прозвучавшие в них идеи, которые глубоко волнуют народ: с экрана устами честных тружеников сам народ заговорил о свободе, мире и труде.

Именно поэтому анонс «Итальянский художественный фильм» всегда привлекает зрителей. И чаще всего они выходят из кинотеатра взволнованными. Такое сильное впечатление оставляют фильмы «Рим — открытый город», «Похитители велосипедов», «Мечты на дорогах», «Под небом Сицилии», «Нет мира под оливами», «Неаполь — город миллионеров», шедшие на наших экранах. Такое впечатление, бесспорно, произведут и «Два гроша надежды», «Дорога надежды», «Рим в 11 часов».

Все эти фильмы правдиво показывают современную жизнь итальянского народа. Все они созданы независимыми художниками в крошечных импровизированных студиях, зачастую на деньги, собранные со зрителей вперед, или на дотации профсоюзов и прогрессивных обществ. Герои этих фильмов — простые люди Италии: рабочие, крестьяне, мелкие служащие,— почти всегда безработные, но все они, без исключения, полны человеческого достоинства, душевной чистоты, благородства. Пусть их поступки часто наивны, а подчас и предосудительны. Доведенному до отчаяния человеку может придти в голову украсть велосипед или кролика или даже угнать машину: ведь дома ждут голодные дети. Не сразу может увидеть простой человек, где выход из безработицы, где спасение от насилия и несправедливости. Итальянские мастера не заставляют своих героев произносить декларации. Не боятся порой показать их растерянность. Подчас это становится недостатком фильма в целом. И все же это не мешает воздействию на зрителя итальянских фильмов, сильных своей любовью к народу, верой в народ!

Антонио Риччи, у которого украли велосипед, а вместе с ним и возможность работать, обращается к друзьям, соседям и обретает в их сочувствии энергию. Пастух Франческо, которого преследует полиция в горах Южной Италии, мечется в одиночестве, как затравленный волк, но, попав в ряды праздничной процессии, среди пастухов он становится неуловимым, непобедимым. Герой фильма «Два гроша надежды» Антонио любит Кармелу, но не может найти постоянной работы, чтобы обеспечить семью. И когда, возмущенный скупостью и равнодушием отца девушки, Антонио срывает с нее платье и туфли, чтобы ничто чужое, оставленное из милости, не оскорбило их любви, народ одобряет чистоту чувств и сознание собственного достоинства влюбленных и одевает невесту. И зритель остается спокоен: раз народ поддержал влюбленных, они найдут свое счастье, несмотря на то, что надежды им отпущено только на «два гроша».

Любовь к простому человеку, вера в силы народа —идейные качества, характерные для прогрессивных итальянских фильмов. Преобладание натурных съемок, естественность игры актеров, жизненность малейших деталей, обстановки, поведения, простота внешности героев — таковы художественные достоинства этих кинопроизведений.

Однако было бы неверным рассматривать всех прогрессивных итальянских художников как единую, сплоченную группу. Их художественные индивидуальности различны, их поиски ведутся в разных направлениях, их судьбы складываются по-разному.

Сразу после войны в Италии вышли фильмы «Рим — открытый город» Роберто Росселини, «Земля дрожит» Луккино Висконти, «Шуша» Витторио де Сика. Несколько позднее вышел фильм Джузеппе де Сантиса «Трагическая охота». Во всех этих кинопроизведениях трактовались современные темы. Поражала правдивость фильмов, снятых почти без декораций, с участием и актеров и неактеров. Но наметились и некоторые отрицательные черты: отсутствие ясной идейной устремленности, тяготение к натуралистическим сценам, чрезмерное внимание к деталям и частностям в ущерб целому. Словом, новому, талантливому демократическому искусству угрожала болезнь натурализма.

Фильмы имели успех. Но судьбы художников сложились по-разному. Роберто Росселини бродил по студиям Европы и побывал в Голливуде. Его творчество приняло сначала пессимистический, а затем религиозно-мистический характер. Его последние фильмы «Любовь», «Европа, 1951 год» проповедуют, что труд — наказание, что борьба бесполезна и единственная реальность — мистическая, христианская любовь. Так оскудело творчество итальянского художника, изменившего интересам своего народа.

Луккино Висконти задумал большую трилогию. Фильм «Земля дрожит» должен был быть ее первой частью, во второй—режиссер хотел показать бесчеловечные условия труда на серных рудниках, в третьей — борьбу в деревне. Режиссер не смог осуществить своих планов. Он был обвинен в коммунистической пропаганде, его творчество подверглось запрету, никто не рискнул финансировать его работу. Только в 1952 году Висконти выступил с фильмом «Самая красивая», прекрасным по актерской игре, по режиссерскому мастерству. В нем есть гневная сатира на современное киноискусство, но его социальная сила и значимость много ниже, чем картины «Земля дрожит».

Кадр из фильма «Два гроша надежды». Кармела — М. Фиоре и Антонио — В. Музолино.

Кадр из фильма «Неаполь — город миллионеров». Стрелочник Паскуале — Тото, кондуктор Дженнаро — Эдуардо де Филиппо.

Кадр из фильма «Неаполь — город миллионеров». Паскуале — артист Тото.

Витторио де Сика поставил после «Шуши» — «Похитители велосипедов», лучший, на наш взгляд, итальянский фильм. Критика современного общества здесь достигает огромной силы, образы удивительно человечны, детали потрясают правдивостью. Однако и здесь социальную сущность людей и событий де Сика не раскрыл до конца.

В следующей своей кинокартине Витторио де Сика попытался сделать более смелые выводы, более широкие обобщения. «Чудо в Милане» смешало действительность и сказку. Борьбе безработных против корыстолюбивых капиталистов помог... чудесный белый голубь. Удивительная правдивость характеров и событий фильма сочеталась с мечтой. И все же решительного слова де Сика и на этот раз не сказал. Его следующий фильм—«Умберто Д» — проникнут скорее жалостью к человеку, чем верой в него. Судьба покинутого всеми безработного старика — обвинение капиталистическому обществу, но не вызов ему.

Джузеппе де Сантис, связавший свою жизнь с борьбой коммунистической партии, настойчиво ищет путей к подлинному реализму, к высокой идейности. Правда, в его фильме «Нет мира под оливами» есть элементы нарочитости, символики. Некоторые сцены натуралистичны. Но тема народа, его справедливости, доброты настолько сильна, что заставляет забыть о всех противоречиях фильма. В следующей картине — «Рим в 11 часов» — де Сантис достигает замечательной простоты, правды, глубочайшей человечности. Реальный случай — под толпой безработных девушек, оспаривавших единственное место машинистки, обвалилась лестница — стал поводом для показа типических человеческих судеб, прозвучавших резким приговором капиталистической системе.

Прогрессивная кинематография Италии развивается, растет. В ряды ее деятелей вступили и один из старейших комедийных режиссеров Италии, Марио Камерини, создавший умную и горькую комедию «Мечты на дорогах», и в прошлом журналист, коммунист Карло Лидзани, поставивший художественный фильм «Внимание, бандиты!» — о партизанском движении против немецких фашистов. Много и успешно работают Альберто Латтуада, автор кинокартин «Бандит», «Без пощады», «Мельница на По», и коммунист Альдо Вергано, автор картины «Вне закона» и «Чертово ущелье», поставленной им в демократической Польше в содружестве с польскими кинематографистами.

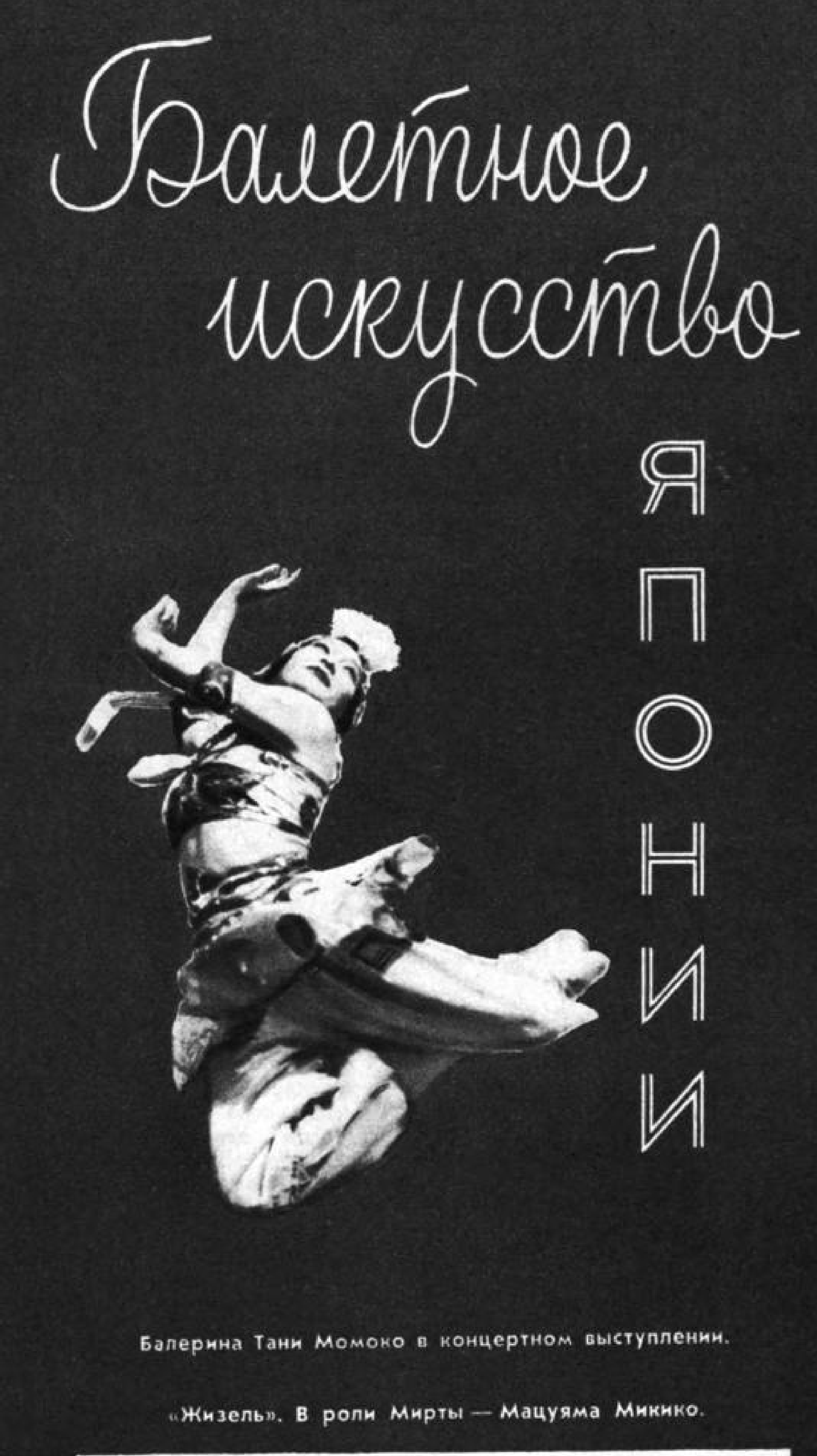
Известный театральный драматург и режиссер Эдуардо де Филиппо поставил по одноименной своей комедии фильм «Неаполь — город миллионеров», где сам сыграл главную роль. Это кинопроизведение направлено против войны, но художественная его форма противоречива. Порой кажется, что режиссер не сумел разобраться в бесчисленных фактах жизни, которые он нагромождает в своем фильме, не смог преодолеть инерции чисто театральных условностей.

В последнее время всеобщее внимание в Италии привлекают работы режиссера Пьетро Джерми. Он прошел трудную школу жизни, был беспризорным, актером, моряком. Его первый фильм — «Под небом Сицилии». Второй — «Дорога надежды» — с большой силой говорит о трагедии забастовавших рабочих, обманутых проходимцем и скитающихся в поисках работы по городам, дорогам и селам Италии. Несомненны темперамент, наблюдательность, взволнованность режиссера, но есть в фильме и избыточное стремление к ложным эффектам. Последняя работа Джерми — кинокартина «Город защищается», мрачный детектив,— вызвала бурное одобрение реакционной прессы и получила премию на фестивале в Венеции. Прогрессивная печать оценила этот фильм, как измену принципам реализма.

Безусловно, самой высокой оценки заслуживает фильм Ренато Кастеллани «Два гроша надежды». Он исполнен такой правды и вместе с тем такой радости жизни, что заставляет, как близких друзей, любить его героев с их высоким душевным благородством, со всеми их житейскими недостатками. «Два гроша надежды» вслед за фильмами «Похитители велосипедов» и «Рим в 11 часов» можно отнести к лучшим достижениям итальянского киноискусства.

Демократическое кино Италии славно не только режиссерами. Сценарист Чезаре Дзаваттини определил и направил путь де Сика и де Сантиса, Висконти и Камерини. Критики Уго Казираги и Умберто Барбаро отстаивают демократические кинопроизведения на страницах журналов и газет. Превосходны итальянские кинооператоры. Высокое искусство актеров — одна из сильнейших сторон итальянских фильмов. Артисты Анна Маньяни, Лючия Бозе, Титина и Эдуардо де Филиппо, Массимо Джиротти, Раф Валлоне, Тото, Иза Миранда, Джина Лолобриджита — подлинные мастера искусства перевоплощения.

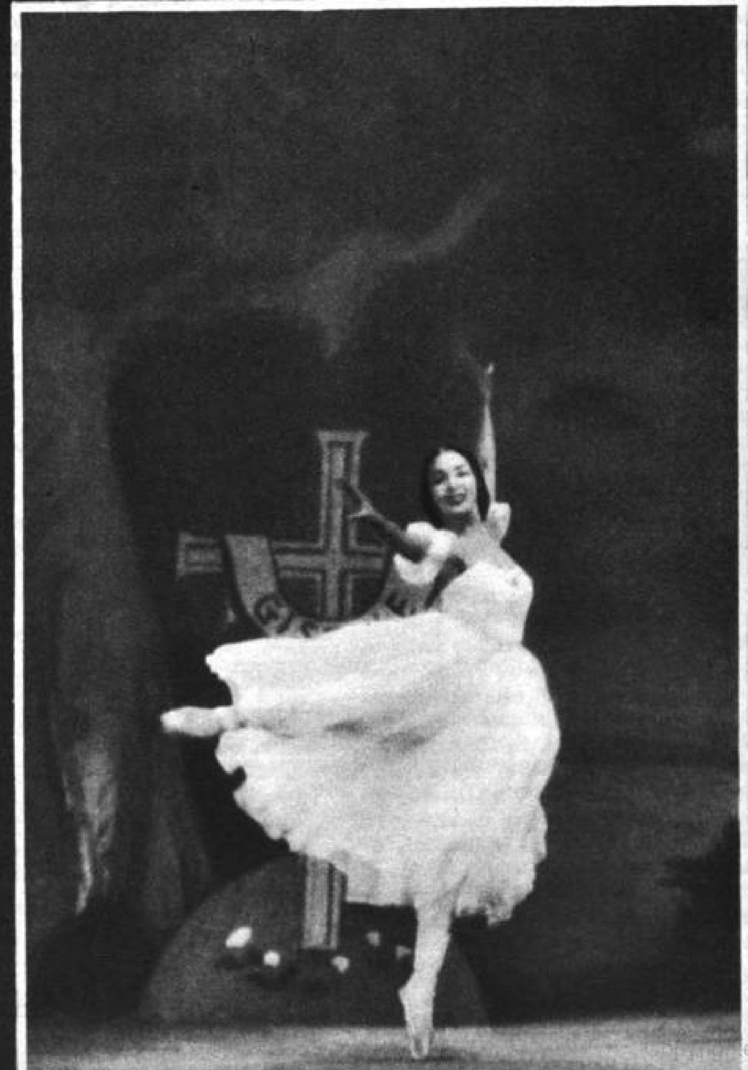
Представителей растущего демократического киноискусства Италии всячески травят и преследуют реакционеры. Но народы всех стран горячо приветствуют талантливых и смелых мастеров. Путь демократического киноискусства Италии в целом ясен и прям. Это путь служения народу, борьбы за свободу и мир. Все, что отвечает этим идеалам, будет жить. Все, что изменит им, умрет и будет забыто.

Балетное искусство Японии

Балерина Тани Момоко в концертном выступлении.

«Жизель». В роли Мирты — Мацуяма Микико.

Нет такого уголка на земном шаре, где бы не знали о замечательном искусстве русского классического балета, оказавшем огромное влияние на многих зарубежных деятелей, посвятивших свое творчество балетному искусству.

Недавно по просьбе японской балерины Мацуяма Микико в Токио были отправлены материалы по советскому балету «Бахчисарайский фонтан». Постановку этого балета задумала осуществить сама артистка.

Мацуяма Микико — пламенный энтузиаст балетного искусства. Вместе со своими товарищами она организовала в Токио студию. Свои постановки она показывает в различных учебных заведениях, на собраниях членов профсоюзов, на заводах, куда выезжает с концертами. Силами этой студии организуются лекции об основах балетного искусства, которые сопровождаются выступлениями артистов. Не ограничиваясь концертами в Токио, Мацуяма Микико объездила со своей студией почти всю страну.

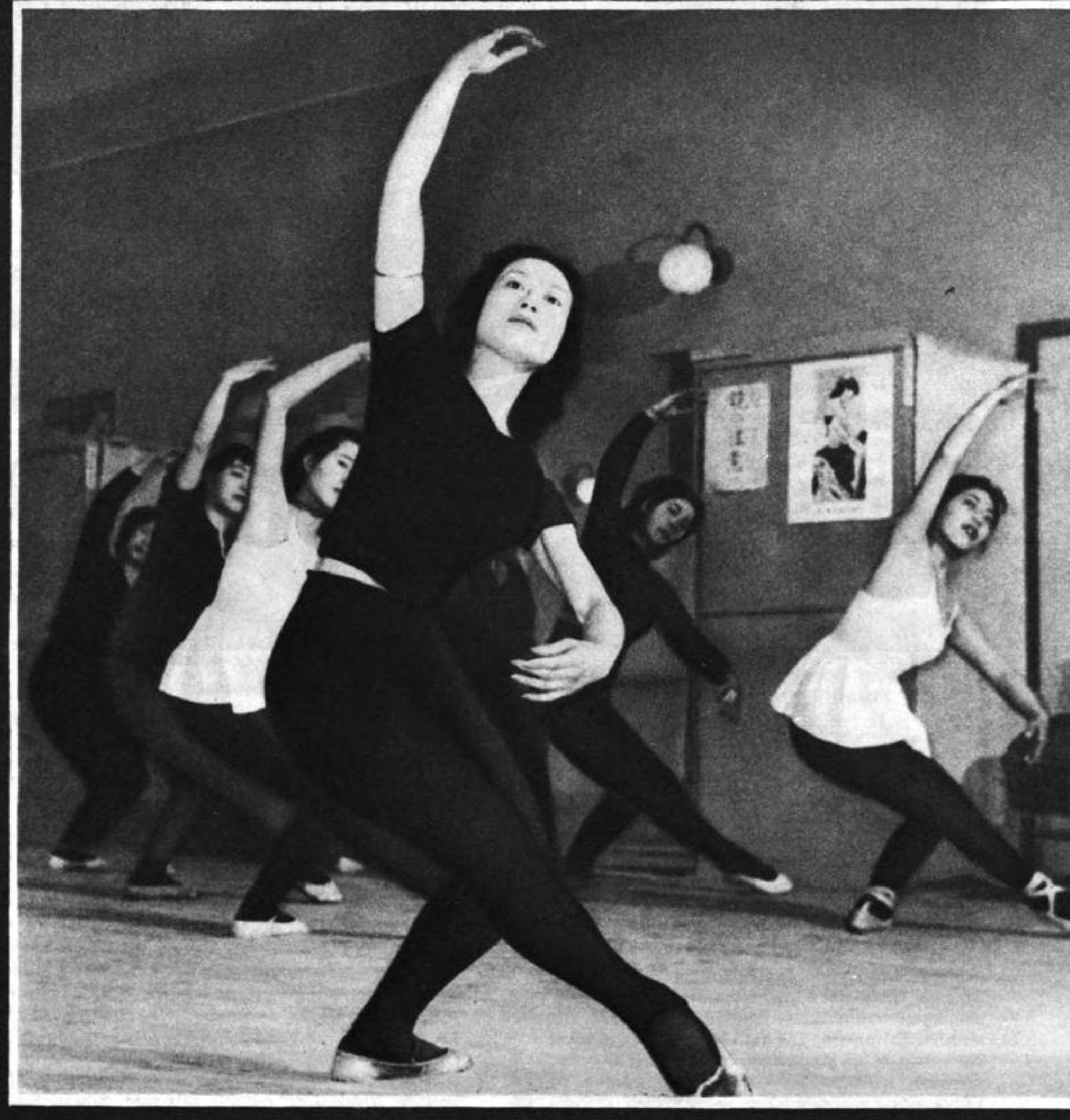
В Японии нет государственного балетного театра и школы, нет необходимых условий для художественного творчества. Периодически возникающие частные студии и труппы живут обычно недолго. Так, в частности, было с популярной в Японии балетной труппой «Токио барэй дан», просуществовавшей меньше года.

Видный деятель японского балета Адзума Юсаку еще в довоенное время ставил со своей труппой «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, «Шопениану» и другие балеты. Кроме Адзума Юсаку можно назвать таких артистов и балетмейстеров, как Комаки Масаэ, Симода Хироси, таких балерин, как Кайтани Яоко, Мацуо Акоми, Тани Момоко. Некоторые из них получили хореографическое образование под руководством русских артистов.

Мастера японского балета ставили также «Коппелию» Делиба, «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» Бородина, «Жизель» Адана, в котором главные роли исполняют Мацуо Акоми (Жизель) и Мацуяма Микико (Мирта). В Японии была поставлена хореографическая сюита на музыку 6-й симфонии Чайковского.

Мы, деятели советского балета, с большим вниманием следим за творчеством наших японских коллег, искренне радуемся их достижениям, творческим исканиям. С интересом ждем мы премьеры советского балета «Бахчисарайский фонтан» в Токио и желаем талантливой Мацуяма Микико и ее товарищам полного и большого успеха.

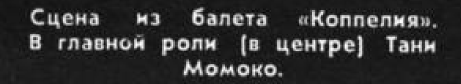
Профессор Р. ЗАХАРОВ,
народный артист РСФСР.

Занятия в балетной студии. На переднем плане — Тани Момоко.

«Лебединое озеро». Одетта — Тани Момоко.

Сцена из балета «Коппелия». В главной роли (в центре) Тани Момоко.

ВЕЧНАЯ СЛАВА

Рассказ

Валентин КАТАЕВ

Рисунки В. Высоцкого.

В последних числах декабря 1941 года в одной из бухт на восточном берегу Крыма был высажен маленький десант моряков Черноморского флота. Он выбил превосходящие силы немцев из деревни, отогнал их в горы и в течение нескольких суток удерживал берег. Однако разыгравшийся небывалый шторм задержал высадку подкреплений, и все двадцать пять моряков пали смертью храбрых.

Эта трагедия произошла на том самом чудесном песчаном пляже, который составляет главную прелесть побережья и привлекает сюда каждое лето истинных любителей хорошего морского купанья.

Природа вокруг скупая, бедная. Что-то библейское, древнее есть в сухом гористом пейзаже. Растительности мало. Солнце, ветер. Но зато какой легкий воздух, какая чистая вода в заливе, какой песок, какое пламенное сине-зеленое море!

Когда вы сюда приедете, вам прежде всего покажут местные достопримечательности и в первую очередь дом поэта Востокова, который, собственно, и открыл этот прелестный уголок.

Сам Востоков давно умер, забыт. Его стихи помнят лишь немногие любители. В энциклопедическом словаре Аполлинарию Востокову посвящено несколько строк: поэт-декадент, сторонник теории искусства для искусства и пр. До революции он пользовался некоторой известностью, даже славой. По моде того времени поэт искал уединения и построил себе на диком берегу, где участки земли стоили буквально гроши, небольшой двухэтажный дом из местного камня с полукруглым фасадом вроде алтаря, с четырьмя узкими окнами, выходящими строго на восток, что должно было еще больше напоминать базилику. Впрочем, дом напоминал не столько базилику, сколько караимскую синагогу. Здесь Аполлинарий Востоков и жил круглый год в полное свое удовольствие, за исключением тех редких случаев, когда ему удавалось, скопив немного денег, месяца на два съездить в Париж. Там, надев фрак и цилиндр, взбив круглую каштановую бороду а ля Жан Ришпен, он сидел по целым дням в кафе «Клозери де лиля», обсуждая за рюмкой абсента с французскими декадентами вопросы «нового» искусства. Возвратившись домой, в Крым, он, как Моисей, сошедший с горы, проповедовал своим ученикам и поклонникам последние литературные моды Монпарнаса.

В его доме всегда гостило множество приезжих, имеющих то или другое отношение к искусству, среди них непременно одна или две знаменитости. Их привлекали сюда море, хорошее купанье, дикая природа, дешевизна, легкий стиль жизни, любопытное общество, а главное — оригинальная личность самого Аполлинария Востокова. Сняв парижский фрак, он ходил по окрестностям в греческой тунике по колено и сандалиях на босу ногу. С головой Зевса и туловищем медведя, он был не только радушным хозяином, но также и учителем, арбитрум элеганциарум, неким оракулом, изрекавшим самые новейшие парижские истины; он был душой общества, законодателем вкусов. Больше того, он был местным божеством. Можно было подумать, что вся природа вокруг не больше чем создание его воображения. Он давал имена бухтам и скалам. Он свел с ума множество бездельников — среди них оказался даже один профессор,— которые с утра до вечера ползали по пляжу, собирая обточенные прибоем камешки, названные Востоковым странными именами: «фернампиксы», «слезки», «полинезийцы», «собаки». Изредка попадавшиеся камешки с дыркой он назвал «куриный бог». Их стали вешать на шею, как амулеты. Он создал легенду, что именно в местной бухте высадились аргонавты, искатели золотого руна, и даже показывал остатки мифического корабля — кусок старого дерева с бронзовым гвоздем. Он завел себе лодку с красным парусом. Этот красный парус в густой синеве круглого залива сообщал пейзажу нечто напоминающее древнюю Элладу. В довершение всего сама природа как бы признала над собой верховную власть Аполлинария Востокова, изваяв для потомства удивительно похожий его профиль: высокий лоб, медвежий нос и бороду,— вырубленный на ребре разрушенного кратера погасшего вулкана, замыкающего с одной стороны великолепное лукоморье.

В мире происходили войны, революции. Востоков не принимал в них участия. Он продолжал жить в своем воображаемом мире, будучи уверен, что ему удалось на своем небольшом клочке земли возродить золотой век.

Он умер уже при Советской власти, до конца своих дней оставаясь все тем же неисправимым чудаком, для которого мир был не более чем порождение его фантазии. Его похоронили, согласно его желанию, на вершине одного из холмов, откуда открывается поистине изумительный вид на весь залив и окрестности. На могиле нет ни креста, ни надгробной плиты, только рядом устроено подобие дивана, вырубленного в скале. Таким образом, появилась еще одна местная достопримечательность — «Могила Востокова», место отличных прогулок. На могилу Востокова принято вместо цветов класть наиболее редкие камешки с пляжа.

За могилой ухаживает вдова покойного поэта Ольга Ивановна, теперь уже старушка. Каждый год накануне дня смерти Востокова она непременно приходит на могилу и ночует на каменном диванчике под летними звездами. Она встречает восход солнца и затем возвращается домой. Ольга Ивановна свято чтит память Востокова и совершенно искренне считает его одним из самых выдающихся русских поэтов. Она хранит его кабинет в полной неприкосновенности, устроила из него нечто вроде музея и охотно показывает его избранным. В доме всегда живет несколько бестолковых старушек, поклонниц Востокова, которые помогают Ольге Ивановне поддерживать легенду о необыкновенной личности поэта и об его вечной славе.

Ольга Ивановна — очень отзывчивая, добрая женщина, вечно помогает кому-нибудь, любит детей, и дети ее любят. По профессии она врач, кончила когда-то медицинский институт, но профессией своей не занимается уже давно, с тех пор, как соединила свою жизнь с Востоковым. Она полюбила его всей своей чистой и цельной душой, а полюбив, полностью и без остатка была поглощена его личностью, растворилась в ней. Она полюбила его стихи, его мысли, привыкла смотреть на мир его глазами. Одним словом, с ней случилось

то же, что с одной чистой сердцем, милой русской женщиной из чеховского рассказа, которой так нежно восхищался сердитый старик Лев Толстой. Подобно Душечке, Ольга Ивановна потеряла себя и все время жила, как во сне, даже после смерти мужа.

И лишь однажды, в штормовую декабрьскую ночь, она ненадолго очнулась и вдруг увидела мир своими собственными глазами, раскрывшимися от ужаса.

Нас познакомили, и Ольга Ивановна согласилась показать мне кабинет Востокова, который, кстати сказать, был также весьма недурным художником-пейзажистом. Я увидел то, что, собственно, и предполагал увидеть. Это была большая, в два света комната с деревянными антресолями в виде галереи и внутренней лестницей, обставленная в духе мастерской большого художника, где грубые предметы мастерства — подрамники, этюдники, мольберт, деревенские кувшины для кистей и мостахинов — сочетаются с произведениями изысканного искусства и разными редкостями. Много бронзы, восточных тканей, книг в парчовых переплетах, фотографий с автографами, автопортретов и пейзажей хозяина.

Но главной достопримечательностью кабинета была голова какой-то египетской богини — копии, вывезенной Востоковым из Александрии. Эта огромная голова смотрела прямо на вас сонными глазами, в какой бы точке вы ни находились. И через минуту или две казалось, что в мастерской больше нет ничего, кроме этого раскрашенного лица с тонкой, скользящей «улыбкой Джиоконды», как поспешила заметить Ольга Ивановна, вероятно, повторяя слова самого Востокова. Водя меня по мастерской, она с одушевлением, как хорошо заученный урок, рассказывала о жизни и творчестве поэта, немного нараспев, девичьим голосом читала его стихи, а я слушал ее рассеянно, так как все это было мне уже давным-давно знакомо. Я смотрел на эту маленькую седую женщину, постриженную, как мальчик, под гребенку, с загрубевшим от солнца морщинистым личиком, седыми усиками и синими наивными глазами, и продолжал недоумевать: что общего может быть между нею и всем этим вздором?

Наконец мы вышли вверх, наружу и очутились на полусгнившей площадке солярия. В ярком небе носились ласточки, лепившие гнезда под стрехой черепичной крыши. Солнце и ветер царили над миром. Мы сели на покосившуюся лавочку, накаленную солнцем. Я заметил недалеко от пляжа, покрытого загорелыми телами, среди зарослей дикой маслины, памятник-обелиск, на который раньше не обратил внимания. Ольга Ивановна сказала, что это братская могила моряков-десантников. Так как Ольга Ивановна во время немецкой оккупации не успела уехать и оставалась в Крыму, мы, естественно, заговорили об этих страшных годах, в частности, о неудачном морском десанте. Ее глаза засветились давно пережитым ужасом, и она, как бы очнувшись от сна, рассказала мне то немногое, что она видела и в чем принимала участие.

Как высаживались моряки, она не знает. Была мрачная ночь. Дул ледяной норд-ост. В море начинался шторм. Дом дрожал. По приказу немецкого коменданта после наступления темноты местные жители не имели права выходить наружу. Одна в темном, нетопленом доме Ольга Ивановна, как обычно, коротала эту бесконечно длинную декабрьскую ночь на турецком диване в мастерской, завернувшись в старый, вытертый плед Востокова. При свете ночника она пыталась читать «Восстание ангелов» Анатоля Франса в подлиннике. Перед рассветом она забылась, и вдруг ее разбудила сильная стрельба под окном. Сквозь грохот шторма Ольга Ивановна услышала крики на пляже и даже уловила слова русской команды. Она осторожно отогнула маскировочную штору и увидела в окне мельканье электрических фонариков. Тогда она поняла, что это десант. Стрельба продолжалась, но теперь уже где-то в другом месте, дальше от дома.

Когда рассвело, Ольга Ивановна, дрожа от холода и страха, выглянула из дома. Буря вырвала из ее рук трясущуюся дверь и распахнула настежь. Штормовой прибой волок по обледеневшему берегу разбитую десантную шлюпку. На пляже в беспорядке валялось несколько пустых ящиков из-под боеприпасов и окровавленный труп немецкого солдата, уже успевший обледенеть. Множество тяжелых следов, пробивших ледяную корку пляжа, виднелось на изуродованном песке. Следы вели в сад и дальше. Но в саду уже никого не было. Лишь поломанные кусты тамариска показывали направление, в котором действовал десант. Теперь уже бой шел в деревне, откуда моряки выбивали немецкий гарнизон.

В саду свистали шальные пули. Шторм неистовствовал. Горы стонали. За могилой Востокова вспухали тучи черного дыма. Это горел дальний город. Норд-ост приносил оттуда грохот взрывов, потрясавших окрестности.

Ольга Ивановна бросилась обратно в дом, с трудом заперла за собой дверь и несколько суток — она не помнит, сколько — провела одна, прислушиваясь к звукам боя, которые то приближались, то удалялись, то надолго смолкали, то вдруг начинались с новой силой. А шторм продолжал бушевать еще злее. Брызги, замерзая на лету, как крупная дробь, секли стены дома и выбивали стекла.

На вторую или третью ночь Ольга Ивановна вдруг почувствовала, что в ходе боя произошел какой-то зловещий перелом: с гор по деревне ударили немецкие пушки, а затем ручные гранаты стали рваться в саду.

И все повторилось, как в первую ночь, но только в обратном порядке.

Когда автоматы застрочили на пляже, Ольга Ивановна поняла, что моряки отступают. Видимо, их осталось совсем мало. Их огонь становился все слабее и реже. Это была агония. Внезапно раздался резкий стук в дверь. Стучали прикладом. Ольга Ивановна легла на диван и закутала голову пледом, чтобы больше ничего не слышать, ни о чем не знать. Стук повторился. Тогда она, повинуясь непреодолимому чувству, более сильному, чем страх, взяла со стола ночник. Дрожа с ног до головы, она открыла наружную дверь и увидела моряка в расстегнутом бушлате. Он проворно вошел в дом, говоря на ходу:

— А ну, гражданка, давайте собирайтесь в какое-нибудь укрытие. Куда у вас тут выходят окна? Мы сейчас будем занимать огневую позицию.

Вдруг он пошатнулся, чуть не упал на Ольгу Ивановну, но сделал усилие, удержался на ногах и, еле шевеля побелевшими губами, проговорил:

— Надо перевязаться.

Ольга Ивановна привела его в мастерскую и посадила на диван. Сняв с него автомат, она осмотрела его. Он был ранен в грудь навылет, под левую ключицу. Пуля пробила плечевой сустав. Пока Ольга Ивановна, наложив тампоны на входное и выходное отверстия, накрест, через грудь и шею, крепко перевязывала матроса маленькими ловкими руками, он сидел, стиснув зубы, и мычал от боли. Помятая осколками каска свалилась с его стриженной под машинку головы, и на лбу блестел холодный пот, хотя все его по-юношески худощавое тело дрожало и пылало, как печка. Он казался в беспамятстве.

Но едва Ольга Ивановна окончила перевязку и начала осторожно укладывать моряка на диван, как он вскочил на ноги и стал прислушиваться к стрельбе, которая все еще продолжала доноситься с пляжа. Теперь огонь вел всего лишь один пулемет, короткими, часто прерывающимися очередями, аритмично стуча, как сердце умирающего. Наконец он замолчал совсем.

Моряк левой рукой поправил на втянутом животе пряжку с якорем и подобрал с пола автомат.

— Всех побили, один я остался,— сказал он голосом, осипшим от боли.

И тут он вдруг обратил внимание на музейное убранство комнаты и на голову египетской царицы. Загадочно улыбающееся лицо с подкрашенными щеками выступало из темноты. При шатающемся свете ночника оно смотрело в упор длинными глазами.

— Никак, у вас тут музей,— с уважением сказал моряк.— Что же вы меня не предупредили? А я было тут огневую точку наметил. Могли бы в бою что-нибудь покарябать. Извините. Пойду.

И он пошел, трудно передвигая ноги в резиновых сапогах. В дверях он остановился, как бы в последний раз в жизни желая посмотреть на мир, из которого уходил.

И в этот миг Ольга Ивановна очнулась от сна, в котором пребывала всю жизнь.

Она увидела скуластое лицо моряка, его маленькие, темные, как изюминки, почти дет-

В лесах Подмосковья

Сильва КАПУТИКЯН

Здесь

Здесь наше все — навек, исконно,
Со дня рожденья, с малых лет:
И этот домик трехоконный
Под вывескою «Сельсовет»,
И тропка вдоль лесного ската,
И песня, что звенит над ней,
И в красных галстуках ребята
Из пионерских лагерей.
Простых, родных названий прелесть:
Вертушино, Бородино, —
И трепетной березки шелест —
Все русской музыки полно.
Не скажешь ни за что на свете
Под сенью вешнего леска,
Что оглашал раздолья эти
Гнусавый окрик чужака.

Земля

Здесь, в дремучей чаще, в сердце леса,
Землю изувечила война.
Но истлело ржавое железо,
Темная воронка чуть видна.

Вся позаросла травою нежной,
Старый дуб раскинул корни в ней,
И уютно, мирно, безмятежно
Белый гриб уселся меж корней.

Ель широколапая над краем
Прикрывает трещины земли.
Всюду, всюду, всюду — нет числа им! —
Незабудки ярко расцвели.

Нет, мы не забыли, не забудем
Даже в этом полдне голубом,
Что земля цветет на радость людям,
Что земля цветет не ради бомб!

Перевела с армянского
М. Петровых.

ские глаза, искусанный от боли рот, плоскую юношескую грудь, обтянутую мокрой тельняшкой под распахнутым брезентовым бушлатом, окровавленный бинт — и в ее душе вдруг с невероятной силой вспыхнуло и рванулось никогда еще не испытанное ею материнское чувство. Ведь это мог быть ее сын или внук — черноглазый мальчик, истекающий кровью. Ольга Ивановна бросилась к нему, обхватила руками и, бормоча: «Мальчик, мальчик мой!»,— стала уговаривать остаться. Она хотела его спасти. Она обещала спрятать его в погребе, выходить, вылечить, выкормить. Она клялась, что никто ничего не узнает. Она шептала, что идти «туда» бесполезно, что все уже кончено и он только напрасно погибнет. Наконец, она требовала, как врач, чтобы он остался.

Моряк осторожно освободился от ее объятий, поправил левой рукой каску. С неодобрительной, строгой и вместе с тем насмешливо-ласковой улыбкой он сказал:

— Эх, мамаша, разве от войны спрячешься? Нам это не положено.

Затем он вышел из дома — она слышала его тяжелые шаги в резиновых сапогах по звенящей гальке,— лег за пулемет только что убитого товарища, исправил перекос ленты и через несколько минут сам был убит — последний из двадцати пяти моряков десанта.

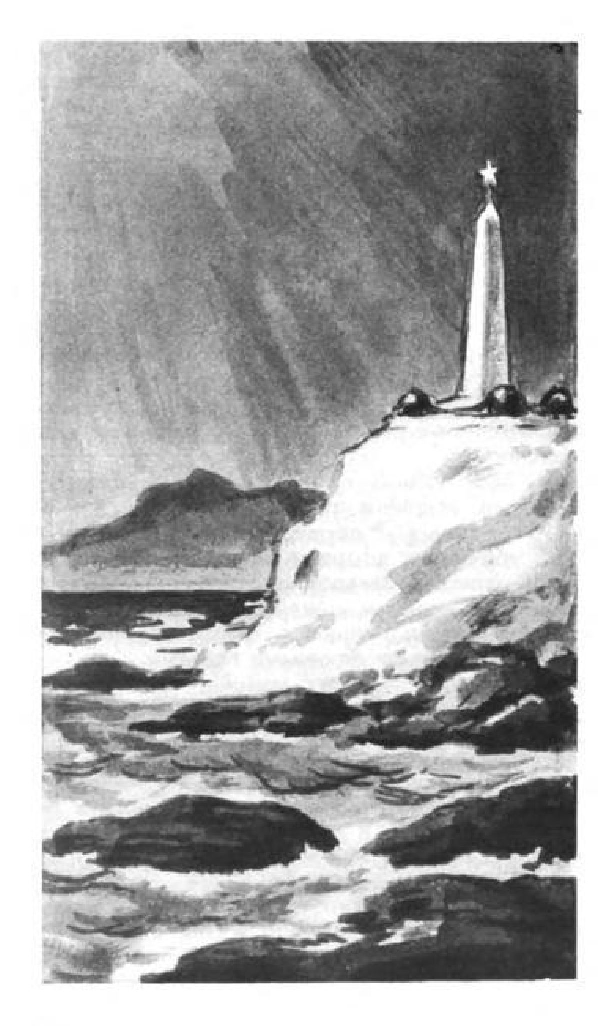
Рассказывая это, Ольга Ивановна смотрела на меня широко открытыми синими глазами, из которых катились слезы. С пляжа доносились голоса купальщиков. Под нами с шорохом раскачивались ветви розовой акации, покрытые одновременно и цветами и витыми стручками семян. На дорожках звенела галька под ногами бегающих детей. Раздавались редкие удары теннисного мяча. Покрытый пылью автобус вез курортников с пляжа.

Памятник погибшим морякам представляет обычного типа цементный обелиск. Он окружен якорной цепью, повешенной между четырьмя яйцевидными корпусами мин, распиленных пополам.

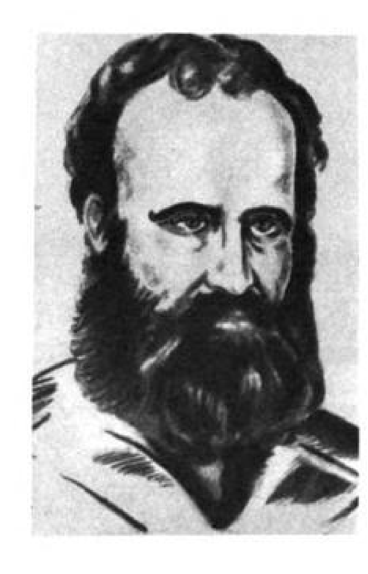
На обелиске имеется надпись: «Вечная слава героям — 25-ти морякам Ч. Ф.,— павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины».

К подножию этого памятника вечной славы свободные и независимые советские люди приносят пучки бессмертников или же венки, свитые из колосьев пшеницы, веток душистой полыни, цветущих каперцов, дикой мальвы.

1953 год, декабрь.

Замечательный болгарский писатель

В 1857 году на филологическом факультете Московского университета появился новый слушатель — двадцатилетний болгарин Любен Каравелов, впоследствии выдающийся общественный деятель, публицист и писатель.

Десять лет провел Каравелов в России. Огромнейшее влияние оказали на него Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Писарев. Он зачитывался Гоголем, Тургеневым, Успенским. Каравелов был знаком с Герценом, Огаревым, Бакуниным, советовался с ними по вопросам болгарского революционного движения.

Страстный патриот, он стремился поведать русским людям горькую правду о жизни своего народа под пятивековым турецким игом, ближе познакомить их с болгарской национальной культурой. Эти задачи ставил перед собой Каравелов в написанных на русском языке произведениях «Памятники народного быта болгар» и «Страницы из книги страданий болгарского племени».

Преследуемый как сторонник революционных взглядов, Каравелов покидает Россию и переселяется в Сербию. Находясь в первых рядах демократической интеллигенции, он призывает к восстанию против ненавистного турецкого владычества. В своей критической и публицистической деятельности он пропагандирует идеи Белинского и Чернышевского.

Л. Каравелов сыграл значительную роль в развитии революционного движения в Болгарии. Он был редактором и активнейшим автором газет «Свобода» и — позже — «Независимость», звавших болгарский народ на борьбу с его угнетателями. «Другого спасения нет»,— писал Каравелов.

Он не был, однако, последовательным революционером. После казни Василия Левского Каравелов разуверился в возможности скорого освобождения Болгарии и всецело отдался просветительной деятельности, выпуская журнал «Знание».

Все же ему довелось увидеть свою родину освобожденной от турецкого ига. В 1877 году Любен Каравелов, переводчик при Главной квартире русской армии, переправился через Дунай и вступил на землю Болгарии. Он посетил родные места; он был полон творческих планов и мечтал издавать политическую газету. Но здоровье Каравелова было подорвано нуждой, лишениями и непосильным трудом. 3 февраля 1879 года он скончался. Русские войска отдали ему воинские почести.

В течение многих лет творческое наследие Каравелова намеренно недооценивалось. Эстетствующие критики и историки литературы отрицали художественную ценность его произведений, вменяли в вину писателю его «тенденциозность». Полное признание Каравелов получил лишь в народно-демократической Болгарии.

Л. Каравелов — один из основоположников критического реализма в южнославянской литературе. Его повести внесли в только что зарождавшуюся болгарскую литературу струю жизненной правды. В лучших из них («Болгары старого времени», «Виновата ли судьба?», «Маменькин сынок») писатель создал типические образы своих современников, дал колоритные зарисовки быта и нравов. В его публицистических очерках, поднимающих злободневные вопросы современности, критикующих проявления социальной несправедливости, призывающих переделать жизнь на разумных, гуманистических началах, видна близость болгарского писателя к творческим принципам Г. Успенского. Каравелов блестяще владел оружием сатиры и был беспощадным обличителем мироедов и тунеядцев всякого рода.

75 лет прошло со дня смерти писателя, но книги его, память о нем живут, ибо, как говорил сам Каравелов, «нет на свете ничего выше и благороднее, чем бороться за человеческие права, за свободу личности и за счастье своего ближнего, не требуя за это награды».

Е. РЯБОВА

Академии наук механик Иван Петрович Кулибин

В музее М. В. Ломоносова в Ленинграде находится портрет знаменитого русского изобретателя, механика и конструктора И. П. Кулибина. На обороте холста сохранилась надпись: «1817. Писан с натуры за год до кончины. Скончался 1818, июля 1 дня 83 лет». Это единственный портрет, на котором изобретатель изображен в возрасте 82 лет. Он подписан монограммой «А. В.». До сих пор не удалось установить имя художника, написавшего этот портрет. И. П. Кулибин изображен за работой, он чертит деталь часового механизма. На столе изготовленный им телескоп, на трубе которого висят знаменитые часы «яичной фигуры», созданные изобретателем в 1767 году.

В одиннадцатом выпуске трудов Архива Академии наук СССР, вышедшем в свет в 1953 году, изложен ряд новых материалов о творчестве и жизни Кулибина. Благодаря необыкновенному дарованию Кулибин назначается в 1770 году механиком Академии наук в Петербурге. На него были возложены многочисленные обязанности: «Иметь главное смотрение над инструментальною, слесарною, токарною, столярною, и над тою палатою, где делаются оптические инструменты, термометры и барометры»; «чистить и починивать астрономические и другие при Академии находящиеся часы, телескоп, зрительные трубы и другие, особливо физические инструменты».

Знаменитый инженер-мостостроитель XIX века Д. И. Журавский писал о кулибинской модели моста: «На ней печать гения; она построена на системе, признаваемой новейшею наукою самою рациональною».

Рукописи Кулибина свидетельствуют о том, что он разрабатывал проекты больших гражданских сооружений без внутренних столбов, с использованием созданной им арки.

В письме, приложенном к проектам, Кулибин писал: «...влечет меня непрестанное желание и ревность употребить к тому все мои силы, дабы ускорить в жизни моей сделать такую знатную услугу для красоты столицы, а более для пользы всего общества...»

Аракчеев указал Кулибину на несвоевременность его проекта и предложил обратиться... в Министерство просвещения.

В 1791 году Кулибин сконструировал механический протез ноги. Изобретение Кулибина в России было забыто и появилось за границей под чужим именем.

Для Невского стекольного завода Кулибин создал несколько механизмов, которые облегчили труд рабочих и обеспечили выпуск зеркальных стекол столь больших размеров, каких не делалось еще за границей.

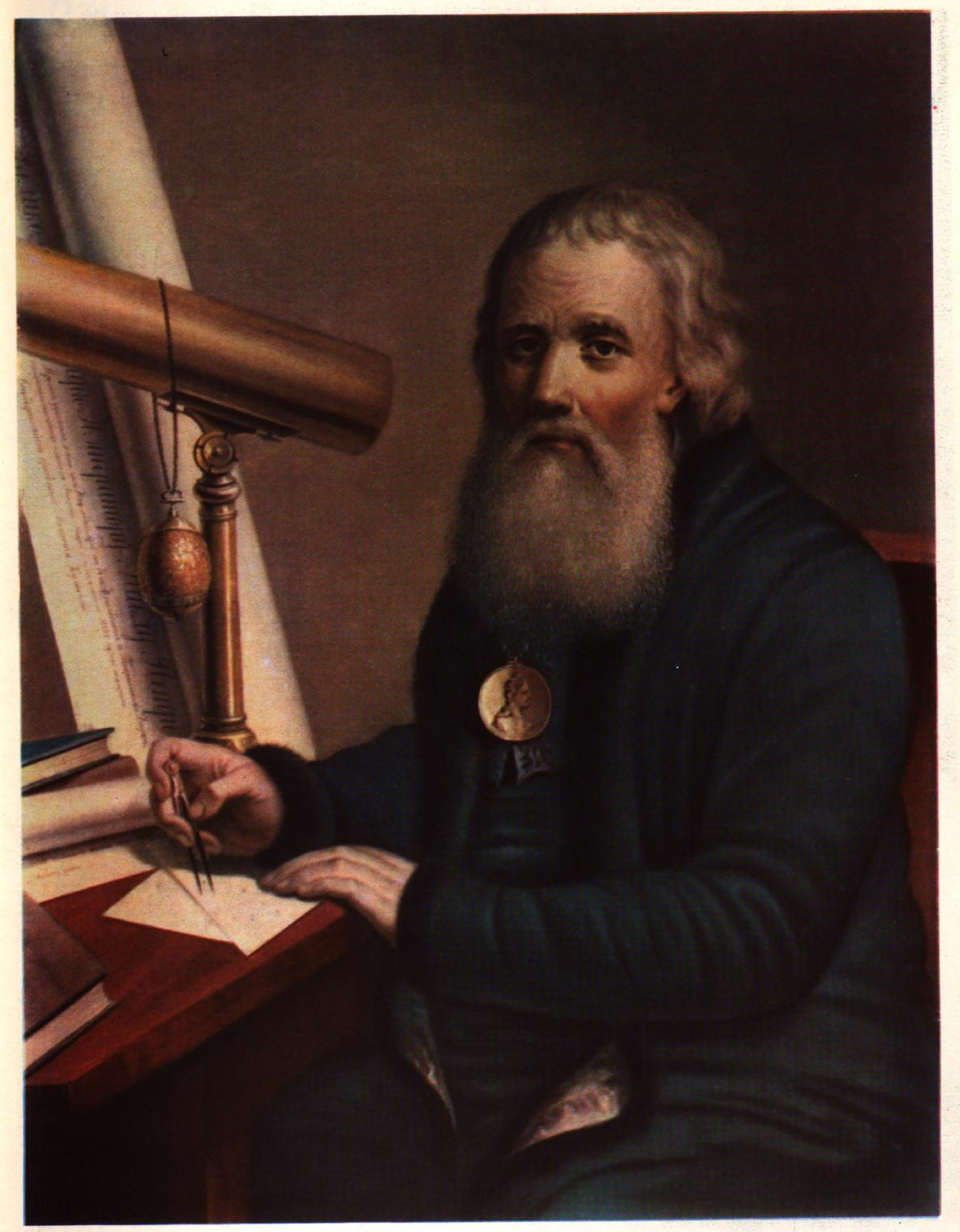
Среди новых материалов, включенных в книгу, имеются заметки, чертежи и записи Кулибина по созданию и изготовлению телескопов, микроскопов, зрительных труб. Он конструирует ахроматический микроскоп по расчетам знаменитого Эйлера.

Часы «яичной фигуры», ныне хранящиеся в Эрмитаже, в Ленинграде,— они состоят из 427 деталей — только одна из многих конструкций часовых механизмов, принадлежащих гениальному изобретателю.

Кулибин много лет своей жизни посвятил созданию и постройке самоходных грузовых судов.

Творчество изобретателя, конструктора, технолога-машиностроителя, техника-новатора И. П. Кулибина в полной мере могут оценить лишь советские люди, творящие новую технику к «пользе всего общества».

В. ГОЛОУШКИН,
кандидат физико-математических наук.

Неизвестный художник. 1817 год. ИВАН ПЕТРОВИЧ КУЛИБИН. Музей М. В. Ломоносова. Ленинград.

На Пензенском часовом заводе осваивается производство новых женских ручных часов «Заря». На снимке: начальник сборочного цеха инженер И. И. Бахметьева проверяет работу сборщицы Лидии Тарулиной на пульсирующем конвейере. В руках И. И. Бахметьевой макет — в сто раз увеличенный образец часов «Заря».

Фото С. Фридлянда.

О тех, кто не вернулся из Кореи

Из книги «Корейская колыбельная»

Г. Фаст

Говард **ФАСТ**

Перевел С. **МАРШАК**

Американскому писателю Говарду Фасту в декабре прошлого года присуждена Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

Эти семь стихотворений взяты из его книги «Корейская колыбельная», изданной в США прогрессивной организацией «Поход американцев за мир». В каждом из них дается портрет американского солдата, погибшего в Корее. Стихи объединены и проникнуты общей идеей: простых людей сделали душителями свободы, убийцами женщин и детей. Американские солдаты умирали с тяжелым сознанием бессмысленности своей гибели и преступности своего дела.

Все эти стихи-монологи написаны как бы от лица молодых американцев, зарытых в корейскую землю. Мы слышим семь разных голосов, но в каждом из них звучат горький упрек, грозное обвинение, обращенное к тем, кто во имя своей жестокой корысти посылал их убивать и умирать.

Ве́рнон Блейк, стрелок

Покуда стоит этот крест, мой возраст известен.
Двадцать три. А над цифрами — имя, фамилия.
Ве́рнон Блейк, стрелок, погибший в бою
От снайперской пули, здесь покоится в мире —
Впрочем, не очень-то в мире — в корейской земле.

Так-то, пожалуй, и лучше, ибо один вопрос
Вьется в моей голове с червями могильными вместе.
Как это вам объяснить! Понимаете, образ жизни
Американский и я были одно и то же.
Десять — с обеих сторон — я мог насчитать поколений,
Рожденных на той же почве, в доме, где вырос и я.
Честер. Вермо́нт. Белый дощатый дом.

Жил я так же беспечно, как родители, деды и прадеды,
Ел, пил, спал, играл и учился немножко.
Вырос и стал я высоким, сильным и гордым.
Таким я казался себе, когда матушка мной любовалась
Или когда на меня поглядывал гордо отец.
Вот что отцу я писал: «Становлюсь я хорошим солдатом.
Время, когда мы с тобой по лесам, перелескам бродили,
Видно, провел я не зря!»
До́ма с отцом мы стреляли
Кролика, белку и даже с прицела далекого
Как-то убили оленя. А матушка нами гордилась.
Помню, частенько она так говорила шутя:
«Двое мужчин — для меня семейного счастья основа,
Хоть об одном говорится в библии старой моей!»
Долго я с ней воевал в тот день, когда в доме у нас
В рамке мой школьный диплом она собиралась повесить.
Ах, почему у нее нет четырех сыновей,
Таких же высоких и сильных, статных и гордых, как я!
Был бы тогда ответ на материнский вопрос.
Сам-то я жил без сомнений, без лишних вопросов,
А у нее, что ни день, эти сомненья росли.
Всё — почему, почему!.. «Почему не со мною мой мальчик!..»
Мог бы ответ я найти и отправить на родину в Честер,
Чтоб горделиво его в рамке повесила мать,
Но и минуты одной не́ дали мне на раздумье...
Как же с вопросом мне быть! Есть же какой-то ответ!

Джералд Картуил, танкист

В день, когда в танке своем я катил по деревне,
Сплющивая ряды хлипких крестьянских домов,
Женщину я увидал
Меж развалин, под рухнувшей балкой,
И услыхал ее крик
Сквозь грохот и скрежет машин.

В тот же день письмецо
Написал я члену Конгресса,
Пользуясь правом своим
«Гражданина свободного Штатов»:

«Неужто я послан сюда
Заниматься такими делами!
И вообще — для чего!
Или не вправе я знать,
А вы не в силах ответить!..»

На эти вопросы мои
Не ждал я простого ответа.
Я хорошо понимал
То, что не все понимают, —
Что, мол, не всё на земле
Черное сплошь или белое...

Парни дразнили меня
И, толкая в бока, говорили:
— Лучше с вопросом таким
Ты обращайся к попу!

Был ли ответ и какой
На мое письмецо, неизвестно.
Если он даже и был,
То вряд ли мне легче бы стало
В ту минуту, когда
Я варился в пылающем танке
И, задыхаясь в дыму,
Звал свою старую мать.

Джеймси Андерсон, хозяйственная рота

Бывало, смеешься и говоришь:
— Будущего у меня нет,
А прошлого хоть отбавляй.
Впрочем, возьмите всё мое прошлое разом
И швырните его — знаете сами, куда —
Всё мое прошлое: чистку ям выгребных
И чистку сапог...
Я не из тех, кто за кружкой доброго пива
Сидят и мечтают о том,
Как будут гулять по мягкому райскому облаку.
Где уж там рай для меня!
Я и так получил повышенье:
Правил грузовичком, что месит корейскую грязь.
Люди мне говорят: «Ну и злым же ты сделался, Джеймси,
Злым, как черт». — Пустяки! Злости во мне ни на грош,
А только самая малость простого проклятого здравого смысла.
«Ну и держи его при себе! — говорят мне в ответ. — Чернокожим
Лучше поменьше болтать по поводу здравого смысла!»
Ладно. Но кто это может приказывать здравому смыслу
Вести себя так или этак! А мой не давал мне покоя.
Боже мой, сколько вопросов я мог бы задать
Людям чужой мне страны, где я подорвался на мине!

Не белые люди,
Не люди — хозяева,
Гордые, с южным акцентом,
А люди цветные, как я,
С глазами, полными боли,
Подняли тихо меня
И в корейской земле схоронили.
А я бы о многом хотел их спросить,
Вежливо, тихо спросить, безо всякой обиды и злости,
По правде, по здравому смыслу...

Артур Дембровский, химические войска

Вырыв меня из земли, вы могли бы увидеть
Рыжие волосы, вздернутый нос, широкие скулы.
Редко нам нравится то, что мы в собственном зеркале видим,
А бриться я стал перед зеркалом месяца за́ три до службы.

Не знаю, могло ли понравиться девушкам это лицо.
Может, одной бы понравилось, а другой бы совсем
не понравилось,
Но не спешил я влюбляться. Может быть, это и глупо —
Отдал я сердце свое мальчугану, трехлетнему брату.
Лет на шестнадцать — не меньше — был он моложе меня.
Был я у матери первым, а брат мой родился последним,
Я — дитя молодых, он — пожилых ее лет.
Но никогда никого не любил я на свете так нежно,
Как малыша своего, младшего в нашей семье.
Точно друзья и ровесники, были мы с ним неразлучны.
Пухлую ручку его крепко сжимая в своей,
С ним проводил я весь день, на побывку домой приезжая.
Люди, встречавшие нас, говорили: — Да это Дембровский
С младшим братишкой своим!
А потом я ушел на войну,

Был в огнеметных частях. И когда из горящего дома
Выполз корейский малыш с обожженной, облезшею кожей,
Весь пузырями покрытый, я его на руки взял,
Начал качать и баюкать, а в это мгновение пуля,
Сзади ударив, затылок вдребезги мне разнесла.

Аарон Клейн, пехота

Я делал, что делал: стрелял, заряжал по команде —
И умер, как все сто шестнадцать солдат,
Бравых солдат, что сражались и умерли вместе.
Оставил я дома жену, и ребенка, и мать,
Которая тоже умрет, потому что будет не в силах
Справиться с горем таким.
Храбрым солдатом я был и сражался без лишних вопросов.
Даже спросить не успел: что же еврей Клейн,
Родич шести миллионов, преданных Гитлером смерти,
Делает здесь — в незнакомой, далекой земле!
Ради чего превращает в пустыню и в кладбище
Солнечную страну, где жил и работал народ!
И какую пользу приносят мертвые дети
Этой освободительной, как говорится, войне!
Если же я и подумал о том, кто из нас защищает свободу —
Я или тот человек, что целится прямо в меня, —
Смутная мысль никогда не стала ни словом, ни делом.
Так почему же мне так сиротливо лежать
В этой чужой земле!

Эл Карлтон, санитар

Когда я полз к раненому
Корейцу — подать ему помощь, —
Пуля попала мне в брюхо.
И впервые за девять месяцев
Узнал я, что значит ненависть.

Умирал я бесцельно, мучительно
И, корчась от боли, скулил:
«О боже, какая паршивая смерть!..»
А он — кореец с оторванною рукой —
За мною следил, бормоча:
— Эй ты, янк!
Для чего ты приехал сюда!
Ступай домой!
Ступай домой!
Ступай поскорее домой, янк!

Истекали мы кровью оба.
С кровью мешалась кровь.
И последнее, что я подумал,
Было: «Мы кровные братья!»

С этой мыслью я умер
Рядом с тем, кто меня убил.

Гарри Морган, пулеметчик

Хитростью мой старикан похвалиться не мог.
Всю свою жизнь на конвейере он проработал.
Жгли его с двух концов, как свечу, держа посерёдке.
Но всегда он твердил, что рабочему есть чем гордиться.

«Что ж из того, что когда-нибудь мир будет ваш! —
Спрашивал я. — У тебя ничего, кроме прошлого, нет.
А монета кругла и любит ловкие руки.
Надо ловчить, старина, надо ловчить!
Что до меня, я за дóллар, а ты держись коммунизма».

Верно, он мог бы в ответ много чего мне сказать,
Мог бы порядком пробрать нас, молодых шалопаев,
Но выражать свои чувства словами старик был не мастер.
Он написал мне письмо, на которое я не ответил.
«Помни, — писал он, — что люди, с которыми послан ты драться, —
Наши братья по классу, простые рабочие люди.
Кроме мозолистых рук, нет у них ничего,
Как у меня и тебя...»
Но где же, отец, мои руки!
Обе руки у меня оторвало снарядом в бою.
Медленно я исходил последними каплями крови
И на обрубки смотрел — вот они, руки мои!..

Снова в Левкауцах

Снова перед нами Молдавия. Снова знакомые по первой книге романа Л. Кабо «За Днестром» село Левкауцы, сельскохозяйственный техникум, бывшая «Школе агрикултуре», готовившая при румынском режиме из крестьянской молодежи «образованных» батраков для помещичьих и кулацких хозяйств.

Основная задача романа — раскрыть всестороннюю бурную перестройку, происходящую в сознании бессарабского крестьянства под живительным воздействием советских порядков.

Смелому, по-юношески честолюбивому Ване Ведешу, темпераментному, деятельному Илье Сашко, пытливому и решительному Грише Гончарюку, застенчивому и втайне мечтающему о подвиге Костику Прозоровскому, а затем и другим левкауцким ученикам постепенно становится ясно, что отныне они сами хозяева своей судьбы.

Вопреки всем стараниям врагов, еще гнездящихся вокруг, молодежь делает окончательный выбор «между советским и несоветским, между новым и старым».

Минуло всего полгода, а как много они вместили, как много узнали и пережили за это время герои Л. Кабо! Позади — агитация за депутата-коммуниста на выборах, первый субботник учащихся, собрания, где каждый должен решить, «...с кем ты и чего ты будешь добиваться», и, наконец, самое торжественное и дорогое — прием в комсомол.

Этим эпизодом начинается вторая книга романа. Кипучая жизнь, большие события, как и в первой книге, органически проникают в повседневные дела, заботы, мысли, споры учащихся и работников техникума — этой Бессарабии в миниатюре. На очереди — коллективизация. И снова коммунисты техникума, директор Седов, любимая в Левкауцах учительница Клавдия Алексеевна, агитаторы-комсомольцы Сашко, Ведеш и другие стараются «правый берег Днестра до левого тянуть».

Это новая проба сил, новая ступень, на которую предстоит взойти людям, еще только приобщающимся к советским нормам жизни. Для председателя сельсовета Евдокима Семичастного вступление в колхоз означает разрыв с семьей. Он, по выражению Ильи Сашко, «женился на добре». Он в собственном доме не хозяин, а батрак. Владелица «добра», жадная и сварливая Тоника Гинку, конечно, и нитки не даст для «оборванцев, для их колхоза». Надо реально представить себе ценность этого самого «добра» — конь, плуг, борона, сеялка — для неимущего крестьянина, каким всю жизнь был Семичастный, чтобы по достоинству оценить его уход из дома.

Сцена в семье Семичастных отличается верностью психологических и бытовых деталей, отобранных автором для обрисовки персонажей в момент жестокого душевного напряжения.

Реализм романа Л. Кабо именно в том, что автор наряду с утверждением нового смело показывает и прежнее, отживающее, которое, как назойливый сорняк, пробивается на каждом шагу — то вражеским выпадом, то равнодушием, то привычной пассивностью: «...случится с бессарабским парнем какой-нибудь пустяк,— замечает учительница Вера Михайловна, от лица которой ведется рассказ,— а он уже сам не свой, глаза делаются круглые, жалобные, весь вид выражает глубокую, застарелую покорность перед страданием».

В романе показаны те, кому нужна эта бессловесная покорность. Это Скутарь, которого учащиеся сначала выбрали председателем учкома, потому что «привыкли при румынах под его команду жить». Это кулак Вайнеску, пророчащий скорую войну и возвращение «настоящих господ». Это «скромный» кассир техникума, а в действительности матерый фашистский агент Саккара.

Но полгода новой жизни не прошли даром. «Так все просто и ясно уложилось за этот год в душе, знаешь, для чего живешь, к чему стремишься»,— думает Семен Котогой. Ему и его друзьям «две правды не нужны». Они твердо, до конца поверили в одну. «Пусть меня мучают, в тюрьме гноят, я на это раз и навсегда пошел»,— восклицает Гриша Гончарюк.

Чистота стремлений, пылкость, требовательность в любви и дружбе — эти привлекательные черты молодежи щедро даны в романе Л. Кабо.

В то же время следует заметить, что качества и задатки героев, заложенные в первой и начале второй части, не всегда реализуются с необходимой полнотой в последующем сюжетном развитии благодаря той скороговорке, в которую почему-то впадает Л. Кабо к концу книги.

Сказано, что у Котогоя с началом войны «вызревает в сердце мужество перед лицом испытаний». Но это звучит как декларативное утверждение, потому что почти вслед за этой фразой Котогой совсем исчезает из романа. То же происходит с такими значительными героями книги, как Гончарюк, Сашко, Марица. Известно в общем только то, что они после начала войны уезжают на левый берег. Думается, что более внятный разговор о судьбе левкауцких комсомольцев не заслонил, а ярче осветил бы героизм Георгия Рошки, этого первого среди товарищей плясуна и кавалера, от которого до поры «жизнь не требовала еще никаких решений», но который во время оккупации организует в техникуме забастовку и убивает «депутата» Скутаря, своего прежнего приятеля. Не стал бы менее значительным и подвиг подпольщицы Аникуцы Кошер, о которой даже забитые и изверившиеся румынские солдаты говорят с изумленным восхищением: «И откуда берутся такие?»

Вторая книга, в которой немало по-настоящему волнующих эпизодов, все же оставляет впечатление незавершенности: получился роман без развязки. Непонятно, почему названа эпилогом последняя, большая глава, где просто продолжается рассказ о судьбе некоторых персонажей.

Вызывает досаду и очень неровный язык второй книги. Рядом с красочной, выразительной речью героев часто встречаются стертые эпитеты, безвкусные афоризмы, скучные обобщения, небрежные фразы, принадлежащие самому рассказчику.

Жаль, что роман, который так привлекателен новизной материала и взволнованной авторской интонацией, под конец зазвучал приглушенно и словно остановился в своем разбеге.

Л. МИХАЙЛОВА

Любовь Кабо. За Днестром. Роман. Книга вторая. «Новый мир». 1953. №№ 9, 10.

ПО ЗАПАДНОЙ АВСТРИИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Зальцбург — старый и новый...

Дорога Линц—Зальцбург. Старенькие городки с островерхими крышами, даже в зимнюю пору утопающие в зелени. Аэродромы и полигоны, ставшие в американской зоне непременной деталью австрийского пейзажа. Говорят, где-то тут, рядом, прокладывается автострада. Из венских газет известно, что новая дорога, соединяющая австрийскую столицу с Зальцбургом, имеет важное «стратегическое значение» и обойдется народу в четыре миллиарда шиллингов. Не поэтому ли вдвое сокращены расходы на жилищное строительство в новом году, спрашивают австрийцы.

Все отчетливей цепь дальних холмов, покрытых лесами. Здесь начинаются отроги Австрийских Альп. За ними — Бавария. А вот и Шваненштадт, что в переводе означает «Город лебедей». Никаких лебедей, конечно, не видно. Замечаем лишь, что скромное здание школы с небольшим садом прижато к шоссе постройкой казарменного типа.

Дорожный указатель подтверждает: Зальцбург прямо. Шоссе идет меж двух стен вековых деревьев, бело-зеленых от инея. Потом — снова долина с надвигающейся громадой гор. Машина ныряет под высокий железнодорожный мост, и мы незаметно оказываемся сначала на окраине, а затем и в центре одного из старейших городов Австрии.

С древних времен Зальцбург занимает особое место в истории Австрии как крупный культурный центр. Здесь были напечатаны первые в Австрии книги. В одном из зальцбургских замков был основан и первый австрийский театр. Тогдашний епископ и князь Маркус Ситикус предоставил созданной им труппе свою резиденцию. Местные историки утверждают, что некоторые традиции австрийского театрального искусства берут свое начало от театра, созданного Маркусом Ситикусом.

В те времена Зальцбург с его живописными замками, рвами и валами был мощной средневековой крепостью. Ныне, окруженный новыми многочисленными укреплениями, он стал американским военным опорным пунктом.

Есть два Зальцбурга: старый и новый. В старом городе улицы так узки, что даже днем здесь полутемно. Главная достопримечательность этой части города — дом, где родился великий Моцарт. В новом Зальцбурге, как нам говорили, есть тоже своя достопримечательность: здесь недавно построены многоэтажные благоустроенные корпуса для американских офицеров и их семей. Они устроились в новых, теплых, удобных квартирах надолго, как будто у себя дома.

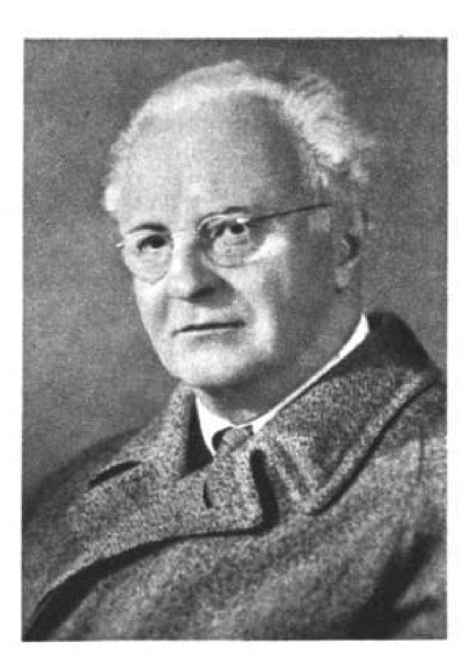

В Сант-Рупрехте австрийские фашисты взорвали памятник партизанам, павшим в боях с гитлеровским фашизмом.

Есть одна черта, одинаково характерная для облика и старого и нового Зальцбурга,— множество солдат. Трудно себе представить, что в одном городе в мирное время может находиться такой огромный гарнизон. Жители Зальцбурга говорят, что с 1951 года количество американских войск в городе выросло вдвое.

Женщины и девушки боятся ходить по улицам. Я видел, как девушка, заметив группу американских солдат, стала неожиданно припадать на левую ногу, сделав вид, что хромает. Особенно страшатся женщины Зальцбурга тех дней, когда американские военнослужащие получают шиллинги. В такие дни даже днем небезопасно выходить на улицу. То там, то тут возникают драки. Женщины говорят: как бы не попасть «в окружение» или как бы «отбить атаку». Жители Зальцбурга охвачены постоянным страхом за своих дочерей, жен, сестер.

Мы остановились в небольшом уютном отеле. В вестибюле и коридорах — ковры, зеркала, мягкие кресла и... ведра с водой. Оказывается, Зальцбург страдает от недостатка воды. Старые источники иссякли, а новый, недавно найденный в лесу близ города, объявлен «собственностью Соединенных Штатов». Пока этот новый источник бьет с достаточной силой, американские оккупационные власти «великодушно» разрешили населению Зальцбурга пользоваться небольшим количеством их, «американской», воды. Это решение сопровождалось газетной шумихой в «Зальцбургер нахрихтен», где всячески прославлялась щедрость главного американского штаба, «делившегося своим единственным источником воды с населением».

Профессор Ригоберт Функе.

Еще немного истории

По телефону нам сообщили, что профессор Ригоберт Функе, попечитель искусств Зальцбурга, председатель провинциального совета общества «Австрия — СССР», приглашает нас сегодня вечером к себе.

Недалеко от нашей гостиницы находится дворец, построенный еще во времена Тридцатилетней войны. Ныне он принадлежит какому-то католическому ордену, а арендует его профессор Функе, как хранитель древних исторических документов, дорогих народу Австрии, и бессменный директор Исторического музея.

Мы входим в полутемный вестибюль дворца, где некогда собирались верные архиепископу рыцари. Поднимаемся по широкой каменной лестнице. Каждый шаг громко отдается под высокими полукруглыми сводами. На втором этаже находится квартира профессора. Он радушно встречает нас на пороге.

Стены гостиной украшены пейзажами Зальцбурга — это ранние работы профессора Функе. Он еще и художник. Невысокий, с крупным орлиным носом, черными подвижными бровями, он говорит, улыбаясь:

— Вы можете познакомиться и с моей молодостью.— Он показывает на картины...

Общество «Австрия — СССР» было создано в Зальцбурге вскоре после освобождения Австрии Советской Армией. Тогда вместе с профессором Функе в общество вступили не только многие культурные деятели Австрии, но и руководители провинциального правительства, директор полиции, бургомистр и некоторые другие высшие чиновники.

— Для меня работа в обществе была праздником,— говорит профессор Функе.— Рассказывать соотечественникам о достижениях вашей великой страны, строить мост дружбы между нашими народами — я всегда считал это благородным делом и долгом чести.

Однако вскоре перед обществом встали большие трудности. Подняла голову реакция. Кое-кто отошел от общества. Но профессор остался верен своим убеждениям. Пять лет тому назад он принял на себя высокие обязанности президента общества провинции. Он очень рад переменам, происшедшим в последнее время в результате некоторого ослабления международной напряженности. Ему приятно отметить, что американские оккупационные власти разрешили делегации деятелей советской культуры совершить поездку по Западной Австрии. Встречи с советскими делегатами — учеными, писателями, художниками, артистами — живо обсуждались в Зальцбурге и вызвали оживление в работе общества.

Профессор вынимает из письменного стола пачку документов — это заявления разных людей с просьбой принять их в члены общества «Австрия — СССР». Здесь мы находим имена видных общественных и политических деятелей Зальцбурга и имена скромных чиновников, рабочих.

В разных общественных слоях провинции, несмотря ни на что, растет интерес к Советской стра-

не, и профессор надеется, что пачка заявлений тоже будет расти.

Еще в Вене нам говорили о профессоре Функе как о крупном ученом-историке. Да, изучению прошлого Австрии он посвятил большую часть своей жизни и готов говорить об истории хоть до утра. Часто бывает, что, знакомясь с событиями, отдаленными от нас многими веками, мы лучше понимаем то, что происходит сегодня. Послушаем профессора.

Одна из мрачных страниц в истории Зальцбурга связана с именем Леонгарта фон Кратчах. Он был первым епископом, которому удалось ликвидировать самоуправление в Зальцбурге. Пригласив на пир в крепость бургомистра и членов совета города, епископ велел заковать их в кандалы. Затем гостей посадили в кареты, которые в то время были вместо виллисов, и отвезли в тюрьму. Там гостей духовного князя держали взаперти до тех пор, пока они не признали его полновластным главой города и земли Зальцбург...

Старый ученый приглашает нас осмотреть сокровища, хранящиеся во дворце. Проходим в широкий коридор, где от самого пола тянутся к потолку полки с подшивками всех газет, когда-либо издававшихся в Зальцбурге. Анфилада комнат с узкими окнами-бойницами. Здесь полно книг. Профессор обещает показать нам два наиболее примечательных экспоната.

Специальным ключом он открывает толстую дверь. Мы оказываемся в небольшом зале с высокими белыми сводами. В темных коробках древние исторические документы Зальцбургского архиепископства. Функе осторожно открывает одну из коробок, показывает нам желтый лист пергамента и прикрепленную к нему восковую печать величиной с добрую тарелку. Это клятва пятидесяти шести рыцарей, данная ими в 1406 году и скрепленная не только печатью, но и кровью, бороться с деспотом-князем, пока рука держит меч.

Уже поздний час, и мы благодарим профессора за его гостеприимство и внимание.

— Мне очень приятно было провести вечер с москвичами,— отвечает Функе.

Он провожает нас до дверей, и тут мы вспоминаем о втором экспонате, который он хотел показать нам.

— Вы увидите **это** внизу, в вестибюле,— он с горьким смехом подчеркивает слово «это».

— Что вы имеете в виду, профессор? Какой экспонат мы можем найти в вестибюле?

— Увидите сами...

Спускаемся по лестнице. Здесь светит одинокая лампочка. У стены — два велосипеда, принадлежащие, видимо, профессору и его супруге. Но где же загадочный экспонат?

Мы медленно обходим холодный и мрачный вестибюль старого дворца. Останавливаемся у низкой, ничем не примечательной двери. Рядом вывеска: «Венерологический пункт оккупационных войск Соединенных Штатов».

Несостоявшееся посещение школы

Утро мы решили посвятить знакомству со школой. Мы намеревались присутствовать на уроке, послушать, чему учат молодых граждан Зальцбурга. В Австрии мне не раз приходилось беседовать с учителями средних школ. Многие просили не называть их имен в печати.

— Я боюсь за стариков-родителей,— словно извиняясь, сказал молодой учитель.

Этот наш собеседник окончил Венский университет два года назад. Работы никто ему, конечно, не предложил. Вообще никому не было дела до того, чем он займется после окончания университета.

— Я узнал, что такое биржа труда,— рассказывал учитель.— Страшное это место... Был разносчиком сластей, официантом, расклеивал афиши, учился столярному ремеслу. Только совсем недавно получил место в школе.

Его друзьям, окончившим медицинский факультет, совсем не повезло: они так и не нашли работы и вынуждены теперь искать счастья где-то на островах Индонезии.

— Много ли знают ученики вашей школы о Советском Союзе?

— Мало. Очень мало. А то, что они знают, далеко от действительности.

Первое время, когда ученики задавали молодому учителю вопросы, он считал своим долгом

давать честные и правдивые ответы. Но директор, узнав об этом, откровенно предупредил:

— Вы можете легко потерять место.

Попасть в зальцбургскую школу оказалось нелегкой задачей. Потребовалось разрешение бургомистрата.

У советника провинциального правительства по делам школ Отто Фурха был несколько растерянный вид, когда он узнал, что перед ним советские журналисты.

— Из Москвы? — спросил он, вставая.

— Из Москвы.

Он долго тряс каждому из нас руку, но сесть не приглашал. Советник по делам школ чем-то напоминал монаха. Широкий, чуть не до ушей рот, длинные руки, потные ладони. Он прикладывал их к груди и, улыбаясь, все спрашивал:

— Чем обязан?..

— Мы хотим побывать в школе.

— В мужской или женской?

— Скажем, в мужской.

Советник рванулся было к телефону, но тут же снова повернулся к нам.

— Вас будут интересовать какие-либо статистические данные?

— Нет, просто жизнь школы.

— Ах, жизнь школы! Право, не знаю, как быть.— Он почему-то снова раскланялся с нами и, сложив руки на груди, спросил: — А что именно будет интересовать вас в школе?

— Урок географии.

— Урок географии? — Господин Фурх сжал руки на груди.— А еще что?

— Урок истории.

Советник широко развел руки:

— Я ничего не смогу сделать для вас, господа! Может быть, через несколько дней...

Мы поняли, что советник не хочет пускать нас в зальцбургскую школу. Пришлось удовольствоваться разговором с гимназистами на улице.

Каждый день гимназистам вдалбливают в голову небылицы о Советской стране. Но этого мало — их часто приглашают на «солдатские встречи». Бывший гитлеровский генерал Шмитбергер недавно писал: «Дети Австрии и Германии должны знать, почему все эти годы мы бережно храним свои железные кресты».

Незадолго до нашего приезда в Зальцбург здесь состоялась встреча бывших фронтовиков-артиллеристов. Они съехались со всех городов Австрии и из Западной Германии. На параде многие участники выступали в форме гитлеровской армии, с погонами и орденами. Парад артиллеристов принимал тот самый генерал Шмитбергер, который так трогательно печется о немецких и австрийских детях. Рядом с ним стоял начальник советника Фурха вице-бургомистр Зальцбурга Донненберг...

В семи километрах от Зальцбурга проходит австро-германская граница. Густав Пихлер, правительственный советник по делам культуры, радостно сообщив нам о том, что «фактически граница исчезает на наших глазах», расценил это «как важное демократическое завоевание». Но многие зальцбуржцы обеспокоены и возмущены тем, что австро-германская граница исчезает. Они ничего хорошего не видят в том, что граница открыта для западногерманских концернов, для фашистской литературы, для подозрительных экскурсий гитлеровских генералов и офицеров.

— Аншлюсс! Аншлюсс! — снова слышится воинственный клич из пивных.

В Целль-ам-Зее, под Зальцбургом, собрались общипанные «орлы» — солдаты и офицеры гитлеровской «первой горно-стрелковой дивизии», известной своими преступлениями на Северном Кавказе. В день слета над городом реяли черные знамена со свастикой, у входа в парк висел огромный железный крест. Целая колонна машин прибыла из Мюнхена и Зальцбурга. Бывшие гитлеровские генералы Креутлер, Фейерштейн и Деген приветствовали главу провинциальных властей Зальцбурга Клауса и сопровождавших его депутатов парламента от народной и социалистической партий.

О чем говорят на этих слетах, чему учат там австрийскую молодежь? «Зальцбургер нахрихтен», сообщая о фашистском митинге представителей девятнадцати солдатских союзов, привела речь заместителя главы зальцбургской администрации Пейера. Восхваляя заслуги австрийцев, сражавшихся во время второй мировой войны в гитлеровских войсках, Пейер сказал:

— Австрийцы, павшие во время последней войны, показали нам путь к свободной, единой Европе.

Знают ли об этих фашистских излияниях в Вене? Наивный вопрос. Некоторые официальные лица, занимающие видные посты в министерстве внутренних дел, не только знают о подобных заявлениях, но и поощряют их авторов. Статс-секретарь министерства внутренних дел господин Граф, отвечая на обвинения в возрождении гитлеровской пропаганды, назвал реваншистские солдатские союзы «лучшей гарантией мира в условиях свободы». О каком мире и какой свободе говорит статс-секретарь? Все станет ясным, если вспомнить последнее путешествие Графа в Зальцбург. Узнав об очередном слете фашистских головорезов, статс-секретарь посчитал необходимым украсить его своим присутствием. Примеру Графа последовал и председатель австрийского парламента господин Хурдес.

Прогрессивная Австрия была глубоко возмущена поездкой большой группы тирольцев, бывших гитлеровских солдат, в Бонн на поклон к президенту Западной Германии Хейсу. После этой поездки в западноавстрийских газетах все чаще стали появляться объявления о сборах бывших вояк танковых, артиллерийских и авиационных дивизий Гитлера. Всей этой работой руководят фашистские центры, тесно связанные с так называемым западногерманским «союзом традиций» и «союзом немецких солдат», вожаки которых призывают немцев учиться «пониманию своих нынешних задач на опыте истории прусского милитаризма».

В Западной Австрии нам часто приходилось слышать от простых людей горькие слова о том, что из них снова хотят «сделать немцев», как это пытался сделать Гитлер.

— Но сейчас не 1938 год! — говорят трудящиеся-австрийцы. — Люди, которые приезжают к нам из Бонна и Мюнхена, ничему не научились. Значит, нам с ними не по пути.

Отряд охранной австрийской полиции прибыл в Мюнхен для участия в военном параде. Австрийские охранники уже носят гитлеровские ордена.

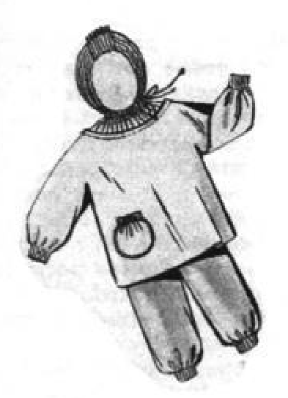

Одежда для дошкольников

Модели опытно-технической швейной лаборатории Мосгоршвейпрома.

Авторы моделей: Н. Макарова, М. Карпинская, В. Мухар, Е. Густова, Е. Райзман, М. Урмина.

Рисунки В. Мухар.

1

Нарядное платье из светлой шелковой ткани с рукавами реглан. У шеи платье густо собрано в три ряда. По сборкам и карману нашиты рулики из той же материи, прошитые цветными шерстяными нитками.

2

Платье из шерстяной ткани двух цветов. Отделка ручной вышивкой нитками, выдернутыми из этих тканей. Рукава с квадратной проймой, собранные по окату.

Костюм для мальчика. Клапаны карманов выкроены вместе с кокеткой.

3

Слева — пижама из фланели. Прямая кофточка, собранная на боках резинкой, спереди на кокетке.

Справа — пижама, комбинированная из гладкой и полосатой фланели. Свободная поперечная кофточка отделана гладкой, фигурно подкроенной бейкой.

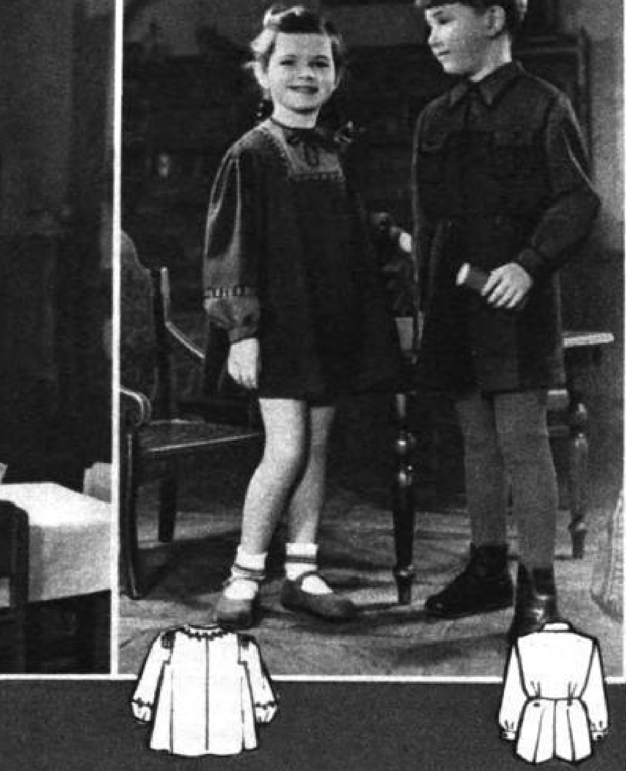
4

Слева — шерстяное платье с цельнокроенным рукавом и сборками вокруг ворота, отделанное вышивкой. Рукава и карман вверху прошиты цветными шерстяными нитками.

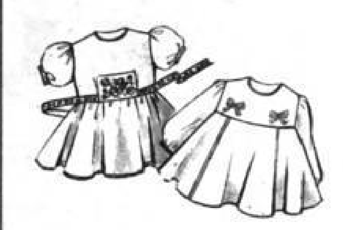
Посредине — платье из шерстяной ткани, свободной формы, с рукавами реглан. Перед платья заложен веерными складками. Воротник—стойка, складки по краю и вытачки на плече отделаны вышивкой.

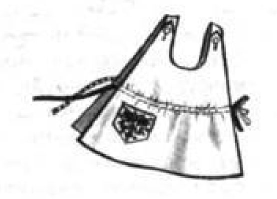
Справа — свободное платье из шелковой ткани покроя русской рубашки, отделанное вышивкой. Перед платья стягивается по горловине шнурком. Короткие рукава, подкроенные от спинки, спереди вшиты по линии квадратной проймы. Спинка подрезана и собрана.

На рисунках слева и справа различная детская одежда.

В маленьком городе

М. ЭДЕЛЬ

Рисунки В. Высоцкого.

Поезд приближался к Ольховску. Сейчас за водокачкой покажется Яблоневая улица, тихая, с потемневшими от времени дощатыми заборами, небольшие дома за высокими кустами сирени и прохладные деревянные тротуары.

Дальше сквер, и в конце улицы городской сад имени Лермонтова, старые тополи с грачиными гнездами. На углу школа, и рядом электрофотография «Прогресс». И еще дальше река.

Показался одноэтажный вокзал и за ним старое зеленое кладбище за каменной выбеленной оградой. Сергея Ипполитовича волновали воспоминания: через эту ограду он, Сережа Зимов, вместе со сверстниками лазал за сиренью. Однажды кладбищенский сторож по прозвищу «Протопоп» поймал Сережу за ногу уже на самом заборе и начисто оторвал половину сережиной штанины.

Сергей Ипполитович вышел на привокзальную площадь. Уже наступило утро, но в некоторых домах еще горели огни. До центра города, кинематографа «Экран жизни»,— Сергей Ипполитович помнил — было ровно 986 аршин. В свое время местный купчина Дроздов в наказание (за отсутствие на каком-то молебне) заставил своих приказчиков промерить железным аршином расстояние от вокзала до своей лавки...

— Здравствуйте, Сергей Ипполитович! — нарушил воспоминания Зимова почти столкнувшийся с ним молодой человек.— Не узнаете меня? Я Глазков Константин...

— Глазков... Костя Глазков, который лет двадцать назад во время демонстрации кинокартины выпустил из-за пазухи полдюжины скворцов. Как не помнить!

— Не скворцов, а воробьев, Сергей Ипполитович, и всего три штуки.

— Ну да. У вас спор был. Одни говорили, что воробьи полетят в кинобудку, а другие — на экран.

— Совершенно верно. А воробьи сели на люстру... Разрешите ваш чемодан, автобус не скоро придет.

Перед Сергеем Ипполитовичем стоял черноволосый, широкоплечий человек в плаще и светлой кепке и радостно улыбался:

— Я директором кино работаю. Уже пятый год. Поверите, за четыре года я четырнадцатый раз получаю картину «Свинарка и пастух», эта картина план прямо под корень режет. У нас ведь новый кинотеатр — «Родина». Семьсот мест, кресла из Риги, новейшая аппаратура... Видимо, воробьи решили мою судьбу.

— Позволь, а «Экран жизни»?

— Еще в позапрошлом году снесли. На его месте построили здание Промбанка. Красивое здание, Сергей Ипполитович! Знаете, кто его строил? Мамушкин Родя. Помните его?

Сергей Ипполитович остановился, поглядел на верхушки акаций и усмехнулся.

— Мамушкин Родион? Как же... Который вечно всех задирал и потом клялся, что больше не будет, и давал «последнее честное слово»,— Сергей Ипполитович вздохнул,— и никогда не сдерживал своего слова.

— Он, он! И сейчас такой. Мамушкин работает начальником строительной организации. Кажется, ничего не построил в срок, а на заседаниях горсовета всегда клянется, дает слово, что срочно исправит все недоделки. Вот уже целый год обещает переделать в кинотеатре вентиляцию. Поговорите с ним, Сергей Ипполитович,— неожиданно попросил Глазков.

— Как же он так?! — строго нахмурил брови Сергей Ипполитович.— Пришли его ко мне... Пришли в гостиницу. Я с ним поговорю.

— Пришлю обязательно. Смотрите, Нина Левашова идет. Ах, жаль... Зашла в магазин. Помните ее?

— Еще бы! Это о ней кто-то написал обидную поэму. Помню, что стихи были талантливые.

— Да, да. Поэма называлась «Стреляющие глаза».

— Так мы автора поэмы и не установили. Левашова, помню, клялась, что и через пятьдесят лет она отомстит, если узнает имя автора.

— Мы потом узнали, кто автор. Поэму написал Ваня Марин, он сейчас работает в Щербакове главным конструктором на заводе. Дважды лауреат. Нина Левашова отомстила ему — вышла за него замуж. У них двое детей, сейчас Нина с детьми гостит у матери.

Город уже проснулся. Из булочных неслись запахи свежего хлеба. Шли домохозяйки с сумками, наполненными овощами, фруктами, живой птицей.

— Сергей Ипполитович, обратите внимание. Пушкинская улица заасфальтирована, а Некрасовскую, где кинотеатр «Родина», Мамушкин обошел... Разве же я имею право пропускать его на киносеанс без билета? Есть ведь закон... Вы скажите ему, — попросил Глазков.

— Хватит, хватит ябедничать! Планы работы утверждает горсовет... Впрочем, я с ним поговорю.

Глазков открыл дверь старой двухэтажной гостиницы.

— Номеров нет,— предупредил администратор, едва увидел Глазкова с чемоданом.— И не будет.

— Вы же не знаете, кто приехал,— горячо зашептал Глазков.— Приехал бывший директор образцовой школы на Гоголевской, Сергей Ипполитович. Его восемнадцать лет не было у нас, и вдруг нет номеров! Что же это такое?!

— Хотя бы дважды Герой, все равно нет.

Директор кинотеатра беспомощно поглядел на Сергея Ипполитовича, но тут же его осенило:

— Сейчас будет номер. Люкс будет! Где заведующая?

Глазков вернулся с женщиной средних лет в темносинем шерстяном платье с кружевным воротничком и гладко причесанными волосами.

— Сергей Ипполитович... с приездом! Я Грай Александра. Может, не помните, я окончила всего семь классов.

— Каюсь, не помню.

— Вас тогда избрали депутатом городского совета, и вы очень помогли моей матери. Наш сад хотели снести и построить на его месте трансформаторную подстанцию, потом ее построили за церковью.

— Вспомнил. Вы, извините, Санька-коза, которая расквашивала мальчишкам носы?

— За дело. Зачем они меня за косы дергали?

— Кстати, я помню, мы на горсовете постановили строить гостиницу.

— Ее построили еще до войны. Но отдали под квартиры специалистов арматурного завода. Теперь новую начали строить. Сергей Ипполитович, вы спросите Мамушкина Родю — помните его? — спросите, как он строит гостиницу.

Известие о приезде Сергея Ипполитовича застало Мамушкина в гостях у своего соседа Песнопевкина, заведующего предприятием, выпускающим квас, лимонад, мороженое и тянучки «Коровка».

Песнопевкин, честолюбиво именовавший себя «директором комбината», праздновал сорокапятилетие со дня своего рождения.

— Тихон Пантелеевич, мне надо уходить. Приехал директор школы, в которой я учился. Надо навестить его,— сказал Мамушкин.

— Си-и-иди,— пробасил «новорожденный».— Какой там еще может быть директор, кроме меня?.. Я, например, не любил своего директора школы за то, что он звал меня тихоней. И еще чистюлей. А что плохого, что я всегда ходил чистеньким, аккуратным и ни с кем не дрался?.. Нет, ты скажи, если ты меня уважаешь.

— Я ухожу,— твердо заявил Мамушкин.

— И я с тобой пойду! — привязался Песнопевкин.— Поздороваешься с ним, и обратно ко мне вернемся.

...В светлом, просторном номере, который всегда «забронирован» для гостей, о коих «дают команду» местные руководители, Мамушкин и Песнопевкин застали Сергея Ипполитовича, Глазкова, Александру Ильиничну Грай и Нину Левашову. Нина сидела несколько в стороне в глубоком кресле и кокетливо щурила красивые глаза.

— Неужели это ты, Родя Мамушкин? — улыбался Сергей Ипполитович, с удовольствием разглядывая громадного человека в широком кожаном пальто.

— Я, Сергей Ипполитович. Даю последнее честное слово: больше никого трогать не буду,— вспомнив счастливые дни юности и даже всхлипнув, сказал Мамушкин.— Кинодеятелю привет! Красавице Нине Левашовой тем более. И бывшей Саньке-козе мой категорический... — приветствовал всех Мамушкин.

— Жалуются на тебя, Родя,— без предисловий начал Сергей Ипполитович.— Говорят, медленно и не очень хорошо строишь. Кроме того клянешься исправить недоделки, но обещаний своих не выполняешь.

— А кто жалуется? — не отвечая прямо на вопрос, как и два десятка лет назад, заговорил Мамушкин.— Глазков? Александра Ильинична? Обратите внимание, Сергей Ипполитович,— не смея присесть, заволновался начальник

Строительно-монтажного управления,— сколько ваших учеников осталось работать в нашем городе? По окончании института вернулся один Родя Мамушкин. Верно? Верно. И чего ты, красавица Нина, улыбаешься? Вышла замуж, ничего не делаешь, так сиди и молчи. Сергей Ипполитович, возьмите, пожалуйста, карандаш. Что собой представлял ранее наш бывший заштатный городишко, сами знаете. Хорошо, арматурный завод всесоюзного значения не я строил. И обувную фабрику не я перестраивал. И трикотажную не я строил. И спичечную тоже. Но кое-что и я строил и построил! На Некрасовской педучилище и кинотеатр вот этому клязнику Глазкову. Школу председателей колхозов на улице Ленина. Сельхозтехникум на Садовой. Дом культуры на улице Двадцатилетия Октября...

— Ну и что? А как строишь? Пилястры, всякие колонны, лепные украшения — все на внешнюю красоту бьешь. А ты расскажи, как в педучилище центральное отопление работает! Дочка моя там учится, знаю, — перебила Мамушкина Александра Ильинична.

— А дома вовсе не ремонтируешь,— пропела Нина Левашова, грациозно поправляя прическу. — Вот у мамы в квартире пятна на потолках, крыша протекает. Хоть бы не обещал, а то все время говорит: «Послезавтра обязательно пришлю строителей». Ты и в школе любил обещать,— вспомнила Нина.

— И гостиницу почти бросил строить,— подала реплику Грай.

— Минуточку! — Мамушкину стало жарко. Он рывком снял пальто и бросил его на стул.— Сергей Ипполитович, обратите внимание. Даю честное слово: я танк, бульдозер, электровоз, паровоз и оратор... Стройматериалов дают в обрез, квалифицированной рабочей силы в нашем городе кот наплакал, финансируют в зависимости от процентовки, а процентовка выполнения всегда отстает из-за нехватки механизмов. Я то и делаю, что штурмую то банк, то вышестоящие организации. А меня все критикуют. Все!

— И правильно критикуют,— вдруг отозвался тихий Песнопевкин.— Уж как я тебя обхаживаю, чтобы ты мне холодильник построил. Я же должен разворачивать торговлю прохладительными товарами.

— И ты, Брут! — горестно воскликнул Мамушкин.— Сергей Ипполитович, честное слово, не моя вина. Я едва улицы заасфальтировал сверх плана. Строить все хотят... Поймите.

Открылась дверь, и вошел невысокий светловолосый человек в сером костюме и сапогах.

— Вот еще один жалобщик пришел,— огорчился Мамушкин.— Узнаете его?

— Соловьев Игорь. Здравствуйте, Сергей Ипполитович. Случайно узнал о вашем приезде,— сказал вошедший.

— Второй год директором МТС работает, Институт механизации окончил,— подсказала Грай.— Родя ему автогаражи и мастерские строит.

— И восемнадцать домов для специалистов,— быстро добавил Мамушкин.

Соловьев оглядел своих бывших однокашников и весело заявил:

— И не плохо строит! Правда, иногда со сроками запаздывает, но строит старательно, с душой. И дал мне «последнее честное слово», что будет строить еще лучше и точно по графику,— поддержал своего друга юности директор МТС.

Мамушкин приободрился, словно побывал под освежающим душем.

— Слышите, Сергей Ипполитович? — воскликнул он.— А почему я МТС строю как следует? Ей и средства и стройматериалы в норме отпускают. И рабочие к Соловьеву охотно идут, потому что он хороший хозяин, у него с финансированием никогда задержек не бывает. Вот даю слово, что...

— Не надо слов, дорогой Родя. Строй как можно лучше...— Сергей Ипполитович снял очки и совсем тихо продолжал: — Какие вы все замечательные ребята!.. Помните, как мы с вами в классе мечтали? Мечтайте и теперь и делайте все так же хорошо, как мечтали, а тебе, Родя, еще советую: не клянись зря. Я же тебе об этом много раз говорил...

Поздно вечером Мамушкин и Песнопевкин шли домой по тихим лунным улицам, обсаженным кленами, липами и акациями.

Песнопевкин нежно вел под руку молчавшего Мамушкина.

— Ты мне холодильник...— ворковал заведующий лимонадным комбинатом.— Да, Родя, ей богу, мне смешно. Ну, пускай твой бывший учитель — теперь известный профессор в Ленинграде. Пускай... Но что это вы перед ним, словно школьники, робели? Что он вам теперь? Подумаешь, профессор!

Мамушкин словно очнулся и решительно высвободил руку.

— Какой ты, однако, остолоп! — с сердцем сказал он.— Всякие там сахарно-лимонадно-квасные напитки в тебе настоящие чувства смыли. Сергей Ипполитович нас воспитал. Между прочим, знаешь, что он, бывало, говорил? «Не люблю тихонь. Из тихони редко выйдет очень толковый и полезный родине работник. А вот из таких башибузуков, как Родя Мамушкин, наверное, выйдет дельный человек...» Я себя уж очень хорошим строителем пока не считаю, но старик все-таки предвидел. Эх ты, тихоня!.. Собственный домик на окраине строишь. Знаем мы вас!..

Мамушкин нахлобучил кепку, резко повернулся, пересек улицу и пошел один размашистым шагом.

Из прошлого

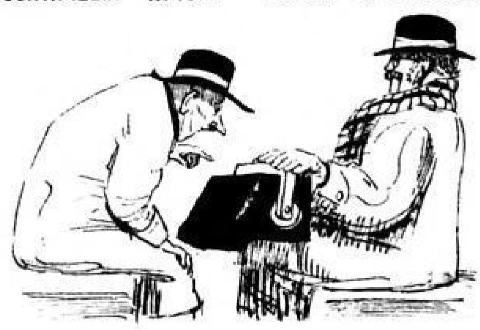
ВООБРАЖАЕМАЯ МАНГУСТА

Американский писатель-юморист Стивен Ликок (1869—1944) путешествовал по Западным Штатам Америки. Однажды рядом с ним в дилижансе оказался любопытный, болтливый пассажир. Он очень заинтересовался футляром, в котором находилась пишущая машинка Ликока. Пассажир долго косился на этот футляр несколько необычной формы и затем задал вопрос, сотый по счету:

— Я впервые вижу такой странный саквояж. Не будете ли вы так любезны сказать мне, что в нем находится?

— Если вам это необходимо знать,— сказал Ликок, чтобы отделаться от назойливого спутника,— то уж так и быть, скажу вам. В этом ящике мангуста.

— О ужас! Зачем же вы возите ее с собой?

— Видите ли, в чем дело,— нехотя пояснил Ликок,— я еду к одному приятелю, который страдает галлюцинациями и часто видит змей. Мангуста, как вам известно, уничтожает змей, поэтому я везу ее к нему.

— Да, но ведь змеи вашего друга, так сказать, воображаемые?

— Безусловно, — ответил Ликок.— Ну, а это воображаемая мангуста!

«НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ПРИЗНАВАЙТЕСЬ!..»

В одно из своих стихотворений автор «Путешествий Гулливера» включил сатирическую эпиграмму на некоего сержанта Бетсворта. Стихотворение это Свифт послал сержанту, и тот получил его в момент, когда принимал у себя гостей.

— Вы прекрасно знаете меня, сэр,— заорал Бетсворт.— Я пришел сюда затем, чтобы узнать, действительно ли вы являетесь автором вот этого стихотворения,— он взмахнул листом бумаги,— и этих подлейших строк, относящихся ко мне.

Бетсворт стал читать стихи вслух. Когда сержант прочитал строки, относящиеся к нему, он рассвирепел и, схватив подвернувшийся ему под руку нож, воскликнул:

— Вот этим ножом я отрежу моему хулителю уши!

Сержант помчался к Свифту.

— Сэр, я сержант Бетсворт,— заявил он писателю.

— Какого полка, будьте любезны сказать? — спросил Свифт невозмутимо.

— Сэр,— отвечал Свифт,— в молодости я имел честь быть знакомым с некоторыми видными адвокатами, в том числе и с знаменитым Соммерсом, которому была известна моя склонность к сатире. Он советовал мне: «Если вам когда-либо придется высмеять дурака или труса, то ни в коем случае не признавайтесь ему в этом». Следуя такому совету, должен сказать вам, что я не являюсь автором этого стихотворения.

ИЗ ОПЫТА ПИСАТЕЛЯ

Молодого Александра Дюма часто обвиняли в том, что в его романах иногда в сороковой главе снова появлялось какое-нибудь действующее лицо, которое погибло в четвертой.

В зрелом возрасте Дюма уже не допускал таких ошибок. Когда писатель вводил в роман новое действующее лицо, он делал из картона небольшой манекен этого персонажа и приклеивал к нему ярлык с указанием его имени, возраста, цвета волос и прочих деталей. Эти маленькие фигурки стояли в ряд на столе, за которым Дюма работал. Как только по ходу романа какой-либо персонаж умирал, он снимал со стола соответствующую фигурку и бросал ее в корзину для бумаг.

Рисунки А. Каневского.

Белочка

Минувшей осенью мне довелось провести несколько дней в подмосковном доме отдыха. В парке с вековыми соснами и елями водились белки. Отдыхающие с удовольствием наблюдали за игрой этих маленьких подвижных зверьков. Белки проявляли не меньшее любопытство; усевшись поудобнее на ветке, они внимательно следили за людьми.

Однажды во время прогулки один из отдыхающих угостил меня арахисом. Заметив белочку, я решил поделиться с ней гостинцем. Положив один орешек на пень, я спрятался за густой елью. Белка ловко соскользнула на землю и в два прыжка оказалась на пне. Схватив орех в лапки, она часто-часто заработала зубами. Орешек так быстро исчез, что я даже не успел как следует налюбоваться смешной беличьей мордочкой. Южный орех так понравился зверьку, что ничего не осталось и от скорлупы.

На следующий день я пришел на то же место и вновь положил на пень орешек. Белочка будто поджидала меня. Она спрыгнула с дерева и бесцеремонно принялась за угощение. День ото дня она становилась все смелее и смелее.

К сожалению, запас орехов скоро иссяк, и в очередной свой визит к белочке я захватил кусок белого хлеба. Мое появление белочка еще издалека приветствовала громким цоканьем. Я положил хлеб на обычное место и отошел в сторону. Белочка соскочила на землю и в один миг очутилась на пне. Но после лакомых орехов хлеб ей был явно не по душе. Она откусывала его зубами, но не проглатывала, а выплевывала, издавая, как мне казалось, сердитые звуки. Зверек был явно обижен.

На следующий день за обедом нам подали компот из урюка. Я собрал косточки и поспешил к своей «приятельнице».

Белочка, как видно, поджидала моего прихода. Я выложил косточки на пень и не успел отойти, как белочка уже перебирала лапками гостинец. Раздался резкий звук, будто треснул сухой сучок. Через несколько секунд такой звук повторился... Белочка быстро расправлялась с косточками, и я позавидовал крепости ее зубов.

В день отъезда, собрав пакетик разных фруктовых косточек, я разложил их на пне. Белочка, не попробовав ни одного орешка, торопливо принялась относить их куда-то. Видимо, она прятала косточки в разных местах, про запас.

Я был рад, что моя «приятельница» сделала кое-какие запасы на долгую зиму. Одно смущало меня: все ли кладовые будут доступны ей, когда задуют вьюги?

С. МИНАЕВ

Кринум

Читателю «Огонька» А. Г. Киселеву (станция Химки, Московской области) случайно попалась цветочная луковица. В течение тринадцати лет он вырастил из нее красивое комнатное растение, не зная его названия. Читатель просит определить растение по присланной им в редакцию фотографии его соцветия.

Это кринум, вечнозеленое растение из семейства амариллисовых. В тропиках и субтропиках встречается до шестидесяти его видов.

В комнатных условиях многие кринумы достигают высоты более полутора метров. Широкие и длинные ремнеподобные листья их на мощных травянистых стеблях весьма эффектны. Но

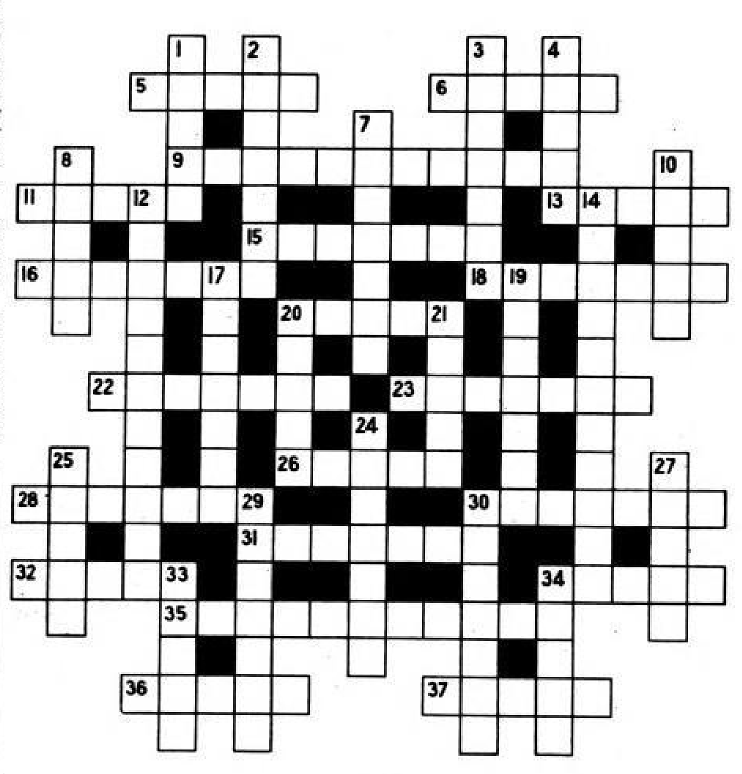
самое приятное впечатление производят кринумы в то время, когда горделиво поднявшиеся из огромной луковицы крупные стрелки раскроют зонтики больших бледнорозовых цветов, наполнив воздух нежнейшим ароматом. Другие разновидности этого растения имеют цветы атласно-белые, а также белые с розовыми, красными или пурпурными полосками.

Уход за кринумом прост. Луковицу сажают на одну четверть ее величины в дерновую землю пополам с листовой и с примесью песка. Содержат растение в просторной кадке, чтобы оно легко могло разрастаться, давая новые побеги. Взрослые растения пересаживают раз в два — три года, отделяя для дальнейшего размножения молодые ростки. При этом земляной ком не разбивают, а лишь слегка очищают старую землю колышком, стараясь не повредить густые сплетения корней. Летом кринумы выставляют на балкон или в сад, на защищенное от ветра место; обильно поливают, а зимой поливку их уменьшают.

Кринумы цветут долго — летом, осенью и зимой, иногда до конца марта.

П. ЧУМАК

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Курорт в Крыму. 6. Газ. 9. Ораторский талант. 11. Холодное блюдо. 13. Жидкий металл. 15. Продукт перегонки нефти. 16. Поэтическое предание. 18. Кровеносный сосуд. 20. Герой одного из рассказов М. Горького. 22. Луговое растение. 23. Картина В. Г. Перова. 26. Ластоногое млекопитающее. 28. Независимое государство, имеющее влияние в международных делах. 30. Музыкант. 31. Прорезиненная тесемка. 32. Оттенок. 34. Рыба. 35. Драгоценный камень. 36. Народный поэт Абхазии. 37. Единица силы электрического тока.

По вертикали:

1. Единица измерения в типографском производстве. 2. Млекопитающее из семейства оленей. 3. Основание. 4. Легендарный эпический поэт древней Греции. 7. Круглое здание с куполом. 8. Планка для рамок и карнизов. 10. Небольшая птица. 12. Советская республика. 14. Геометрическая фигура. 17. Персонаж романа Л. Толстого «Война и мир». 19. Выступ на ободе железнодорожного колеса. 20. Выплавленное из руды железо с примесью углерода. 21. Плодовое дерево. 24. Средний уровень воды в водоеме. 25. Начало шахматной партии. 27. Дерево. 29. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 30. Вид тесьмы. 33. Знойный ветер пустынь. 34. Подразделение учреждения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

4. Ленинград. 7. Подвиг. 8. Солдат. 9. Луцк. 11. Литва. 13. Анод. 14. Грамота. 15. «Энергия». 17. Приток. 19. Трибун. 21. Копер. 22. Фомина. 23. Доклад. 25. Висмут. 26. Литер. 28. Теллур. 29. «Электросила». 30. Глиптика. 31. Селекция.

По вертикали:

1. Гений. 2. Институт. 3. Пафос. 5. Государство. 6. Самокритика. 10. Крым. 11. Листовка. 12. Авангард. 13. Амур. 16. Аппретура. 17. Попов. 18. Кристалл. 19. Текстиль. 20. Набор. 22. Фестиваль. 24. Делегация. 26. Лексика. 27. Рассвет.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин индийских художников, портрет И. П. Кулибина и три страницы цветных фотографий.

Изошутка Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

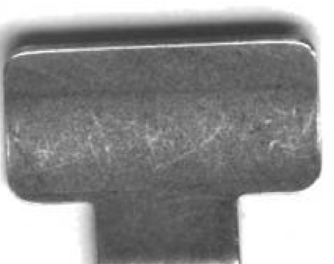
Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 00608. Подп. к печ. 19/I 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 80. Заказ 2752. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

«СПОКОЙНО, СНИМАЮ!»

Фотоэтюд Я. Рюмкина.

Цена номера 3 руб.